

ANNE D A R

РОДНАЯ КРОВЬ

ВСТАВШИЙ НА ПУТЬ
ПОИСКА ПРАВДЫ
РИСКУЕТ ОДНАЖДЫ НАЙТИ
НЕ ОДИН - БОЛЬШЕ ЕЁ ВАРИАНТОВ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Anne Dar

Родная кровь

«Автор»

2021

Dar A.

Родная кровь / А. Dar — «Автор», 2021

В глубине штата Мэн, на берегу залива Атлантического океана, живёт провинциальной жизнью большой, но уединённый город Роар, в котором на протяжении трёх десятилетий орудует серийный убийца, носящий прозвище Больничный Стрелок. На его счету пять жертв, и он вышел на охоту за шестой, однако на его пути внезапно возникают призраки его прошлых кровавых деяний — поколение людей, чьи судьбы затронули его зверства. Получив в своё распоряжение достойных противников, Стрелок произведёт свой самый виртуозный выстрел, вопрос лишь в том, в кого именно попадёт его задержавшаяся во времени пуля. Три части под одной обложкой!

© Dar A., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	30
Глава 10	36
Глава 11	37
Глава 12	44
Глава 13	49
Глава 14	50
Глава 15	54
Глава 16	59
Глава 17	64
Август текущего года	67
Глава 18	74
Глава 19	77
Глава 20	88
Глава 21	101
Глава 22	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Anne Dar

Родная кровь

Основана ли данная книга на реальных событиях?

Часть 1

Глава 1

Пейтон Пайк

02 октября – 03:23

Самый тёмный час – перед рассветом

Развязка страшной истории, взявшей своё начало тридцать пять лет назад, уже пришла в движение, но я пока ещё ничего не знала об этом.

По неизвестной причине, мне плохо спалось всю ночь и, неожиданно пробудившись от беспокойного сна в начале четвёртого часа ночи, я так и не смогла заставить себя заснуть повторно. Без единого движения пролежав двадцать минут в крошечной темноте в постели, сознательно обновленной мной пять месяцев назад и по итогу оказавшейся слишком просторной для одного человека, я наконец сдалась и, тяжело выдохнув, сняла с себя тяжёлое одеяло. Как только я сделала это, мне сразу же захотелось одеться потеплее из-за уже неделю царившей в доме прохлады, но вместо этого я быстрыми шагами направилась в ванную комнату, по пути морщась от холода, неприятно впивающегося своими острыми резцами в мои голые стопы.

Завязав в высокий, тугой хвост свои густые каштановые волосы, я поспешно сбросила с себя хлопковую пижаму – последний оплот теплоты на моём остывающем теле – и шагнула в душевую кабинку. Аккуратно отстраняя голову от тёплых потоков воды, я начала думать о том, что мне стоит прекратить забывать о необходимости приобретения нового калорифера, иначе с такими темпами я проживу осень и встречу зиму на первом этаже дома, а это плохо. Пусть такой большой дом и велик для меня одной, ни при каких условиях нельзя забрасывать второй этаж. Заброшенность одной комнаты мгновенно, пусть сначала и едва заметно, отразится на общем состоянии дома. Запустение для дома подобно воспалению лёгких для человека – запустит этот процесс, не отследит его течение, и незримая болезнь уверенно начнёт поражать весь организм, пока не превратится в очевидную проблему, которая не станет терпеть игнорирования со стороны самоуверенного микроорганизма, должного отвечать за нормальное функционирование помещения, в котором он проживает.

Мне срочно нужен новый калорифер. Сегодня же займусь этим пунктом.

Мысленно разобравшись с этим и ещё парой хозяйственных вопросов – смена лампы в кладовой и покупка батареек для техники – я обтерлась новым махровым полотенцем и, одевшись, начала приводить себя в порядок. Не обнаружив признаков бессонной ночи под своими карамельно-кариыми глазами – так их цвет однажды и навсегда для себя обозначила Сигрид – я удовлетворённо выдохнула, после чего решила едва заметно подчеркнуть свой уверенный взгляд чёрным карандашом и, распустив волосы, начала тщательно расчесывать их волны. Из-за их чрезмерной густоты я никогда не отращивала их больше, чем на пару-тройку сантиметров ниже лопаток. Большая длина доставляла мне дискомфорт и периодически заставляла задумываться о стрижке под парня, однако максимальный минимум, на который я раз в несколько лет замахивалась, не превышал линии плеч. Может быть, при такой густоте волос стоит наплевать на желание их отрастить? Взять и подстричься что ли? Какой там у меня список внеурочных дел на сегодня? Калорифер, лампа, батарейки... Добавить посещение парикмахера?..

До рассвета всё ещё было слишком далеко. Спустившись на первый этаж, я включила тусклый свет в коридоре и старый напольный торшер в гостиной, после чего, прошагав на кухню, включила голубоватую подсветку рабочей кухонной поверхности рядом с холодильни-

ком. Заварив себе крепкий чёрный чай и сделав пару горячих сэндвичей, я села за квадратный, маленький кухонный стол, рассчитанный на две персоны. Правой рукой взяв пульт, я хотела включить небольшой телевизор, подвешенный в углу у окна, за которым всё ещё разливалась ночь и давал о себе знать едва уловимыми нотами тоски тихий октябрьский ветер, но у меня не получилось этого сделать. Вспомнив о том, что у меня всё ещё нет батареек, я гулко выдохнула, встала из-за стола и, подойдя к телевизору, включила его при помощи скрытых с обратной стороны панели кнопок. Поняв, что попала на передачу о канадском национальном парке Ауюиттук, я удовлетворённо опустила руки и вернулась за стол. Природа – моя слабость. А с учётом того, что штат Мэн может похвастаться и потому регулярно хвастается своей природой, можно считать, что я постоянно живу в опасной близости со своей слабостью – практически впритык к ней. Может быть поэтому я по итогу и стала сильнее многих.

Съев оба сэндвича и допив чай, я не заметила, как замерла под монотонный и тихий мужской тембр, пытающийся описать мне красоты парка, в котором я никогда не бывала и побывать не планировала. Прежде я не замечала за собой моментов впадения в прострацию, однако сейчас, видимо, со мной случилось нечто подобное. Чего я ожидала? Зачем проснулась? Зачем приняла душ и позавтракала?.. Я неосознанно посмотрела на настенные часы, но прежде чем успела рассмотреть потускневший циферблат, вспомнила, что ещё неделю назад лишилась этих часов из-за очередной заглушенной батарейки.

“Так, всё, – вдруг хлопнув себя ладонью по колену, мысленно вздохнула я. – Трудоголизм меня до сумасшествия доведёт. Возвращаюсь в спальню, раздеваюсь, укладываюсь в постель и не покидаю её раньше восьми часов. С работы ухожу ровно в шесть, не позже, и уделяю время на решение бытовых аспектов своей жизни. Если не сегодня возьмусь за свой график – тогда никогда”. Встав с этими мыслями из-за стола, я начала загружать в посудомоечную машину грязную посуду. Уже захлопнув машину и помыв руки, я взялась за полотенце и начала протирать им влажные ладони, когда мой телефон, ещё накануне вечером забытый мной на кухонном столе, начал издавать приглушенную вибрацию. Бросив на него косой взгляд, я с расстояния в три шага смогла рассмотреть, кто именно звонил мне в столь неуместное для разговоров время. Подойдя к столу и взяв телефон в руки, я посмотрела на время, высвечивающееся в углу экрана: 04:49. Входящий звонок был от Арнольда Рида, так что удивляться ему я не стала. На протяжении последних двух лет Рид периодически позволял себе названивать мне посреди ночи, при этом ни разу не позволив себе пойти на подобный шаг без наличия у него веской на то причины. Но впервые за два года причина его ночного звонка мне была настолько серьёзна.

В Роаре произошло убийство.

Глава 2

Тереза Холт

12 сентября – 07:50

За окном накрапывает дождь, всю ночь пробарабанивший по выцветшей крыше моего скромного, пусть и двухэтажного, съёмного таунхауса. Лето в этом году выдалось на редкость жарким, и быстро наступившая, ранняя осень, по-видимому, теперь собиралась взять своё сполна. Лето я любила больше, чем любую другую пору года, но дожди всегда приносили мне странное, гипнотическое успокоение, поэтому этим утром я ощущала удовлетворение от созерцания меланхоличного октябрьского утра.

Усердно чистя зубы, я снова и снова прокручиваю в голове слова своего начальника Алана Пасса, сказанные мне два дня назад, отчего моё напряжение лишь нарастает. Перед выходными фирма “Шатем”, в которой я работаю уже четвёртый год, заполучила неожиданную перспективу на многообещающий проект, способный серьёзно повлиять на дальнейшее развитие всего предприятия, а значит на всеобщее финансовое будущее, поэтому Алан был как никогда взволнован и чётко в выражении своих желаний: “Этот проект очень дорогостоящ, а значит максимально важен для нас, Тесса! Он нам необходим буквально как воздух! Пойми: это серьёзная перспектива на сотрудничество не только с этим толстосумом, но и с его не менее, а может быть даже более обеспеченным кругом! Однако для начала нам необходимо оторвать себе этот завидный кусок, чтобы потом, за счёт него, найти такие же аппетитные куски – понимаешь, о чём я говорю? Порви их там всех, Тереза, но сделай так, чтобы этот кусок пирога достался нам! Ты ведь понимаешь, как сильно я тебе доверяю после нашего последнего проекта и как сильно я рассчитываю на тебя... Постарайся на славу... Ты лучшая из всего моего штата...”, – и прочее в подобном духе. В пятницу вечером Алан был очень красноречив, особенно на фоне того, что он позволил себе выпить пару банок пива за полчаса до официального окончания рабочей недели. Он страшно рассчитывал на этот проект... Страшно.

Речь шла об обустройстве гостевого домика при особняке главы компании “Coziness”, специализирующейся на производстве эксклюзивной мебели и известной, как утверждает Алан, не только в Мэне, но и на всём севере США, и даже в Канаде. Мне пришлось все выходные работать над этим проектом, не имея ни малейшего представления о том, чего от него желает получить сам заказчик. Всё, что он предоставил нам – это планировку гостевого дома, подкрепленную фотоснимками его внутренней обстановки на данном этапе, плюс желание оставить стены из бруса и деревянные потолки нетронутыми, и ещё многогранное слово “уют”, которое, как я понимаю, должно было раскрыть мне всю глубину желания хозяина дома увидеть “идеальный проект”. Заказчик хотел уютный дом, но он напрочь забыл сообщить нам о том, что именно он подразумевает под понятием уюта. Для того, чтобы понять психологию заказчика, мне пришлось отыскать в интернете сайт его компании, что оказалось самым простым из всей поставленной передо мной задачей, и ознакомиться с ассортиментом, который он производит.

“Coziness” производил не просто эксклюзивную, но красивую и качественную мебель, что было видно не только по её дизайну, но ещё красноречиво отражалось на ценниках: штука баксов за миниатюрный стеклянный столик в виде дрейфующего в океане айсберга – кому в голову придёт заплатить такую зверскую цену пусть даже за такую не просто красивую, но и действительно оригинальную вещь? И всё же, по-видимому, богатых ценителей прекрасного и в США, и в Канаде было более чем достаточно, так как, судя по карте расположения магазинов в этих двух странах, этот бизнес откровенно процветал. А ведь айсберг-столик был самой дешевой вещью в их ассортименте...

По-хорошему, на детальную проработку подобного проекта должна выделяться в крайнем случае минимум неделя, я же должна была справиться всего лишь за выходные и, как мне кажется, я действительно справилась, причём не просто на “хорошо”, а на “отлично”. Поняв, что кроме слова “уют” и сайта компании заказчика с подробным ассортиментом его производства у меня больше ничего не будет, я взяла за основу два этих пункта и приплюсовала к ним своё видение. В общем, я просто рисовала то, что в моём понимании было уютом и чего хотела бы для себя, что значит, что теперь чуть ли не всё будет зависеть от того, совпадут ли мои вкусы со вкусами заказчика, ну и ещё какой-то процент успеха будет зависеть от моей убедительности. Если заказчику что-то не понравится в моём проекте, что весьма вероятно, так как человеческие вкусы редко бывают идентичны, я должна буду убедить его в том, что смогу в кратчайшие сроки переделать все детали под его вкус, пожалуй даже смогу переоформить весь проект, если он того пожелает, и даже, вполне возможно, справлюсь с корректировкой и даже с коренным преобразованием проекта всего за одни-единственные сутки...

Сплюнув пасту в раковину, я встретила взглядом со своим голубоглазым отражением в зеркале и осталась недовольной увиденным: глаза и губы уже должны быть неброско подкрашены, густые каштановые волосы, которые я зачем-то отпустила до локтей, уже должны быть расчесаны, кожа не должна быть такой белой...

Поспешно прополоскав рот, я схватилась за расческу и, обернувшись к открытому дверному проёму, спросила, не жалея силы голоса:

– Берек, дорогой, ты уже почистил зубы?!

Услышав в ответ радостное: “Да, мама!”, – я с облегчением выдохнула. Этому ребёнку только через две недели исполнится пять лет, а он уже чаще меня бывает готовым к грядущему дню. Из него определённо точно растёт настоящий мужчина и дело тут не только в том, что его матерью являюсь я.

Уже впрыгивая в узкую чёрную юбку я снова возвращаюсь от приятных мыслей о быстро растущем сыне к мыслям о том, что успех не только грядущего дня и отдельного проекта, но успех целой фирмы, в которой я до сих пор так успешно работала, в ближайшие часы будет зависеть от совпадения вкусов заказчика с моими. Это ведь практически самоубийство...

Глава 3

Пейтон Пайк

02 октября – 05:07

До места происшествия я добралась за пятнадцать минут. В Роаре, население которого составляет приблизительно сто двадцать тысяч человеческих душ, всё относительно близко. Что же касается количества душ – очевидно, на одну душу этой ночью в этом городе стало меньше.

Останавливаясь у уже взятой в оцепление по всему периметру пляжной парковки, появившейся здесь только пару лет назад и теперь буквально нависающей над песчаным пляжем, я скользнула взглядом по быстро светлеющей линии горизонта, стыкующей небеса с заливом, и удовлетворённо выдохнула: утро будто бы спешило вступить в свои права пораньше, специально ради таких трудоголиков, как я.

Услышав от Арнольда о том, что на пляже найден труп, моя первая мысль метнулась к банальному варианту с утопленником, но ситуация оказалась родом из другого разряда. Сказать, что я ожидала этого, значит признаться в хладнокровии, но, как бы дико это ни звучало, я действительно ждала подобного происшествия, и причём очень сильно. И вот, это свершилось: новый, свежий след, ещё имеющий запах, ещё не остывший, дающий шанс на вскрытие гнойника, терзающего не одну меня не первое десятилетие. Я почти была уверена в том, что это именно *этот случай*. Для того, чтобы утвердиться в своей уверенности, сейчас мне всего лишь нужно поговорить с Арнольдом и собственными глазами увидеть жертву.

Выйдя из машины, я сделала несколько шагов по направлению к оградительной жёлтой ленте и, не представляясь, нырнула под неё. Здесь всё ещё было много народа. Несколько полицейских машин и одна медицинская карета скорой помощи отбрасывали синий и красные цвета немо работающих мигалок на чёрный асфальт и бледные людские лица. Здесь были не только полицейские и медики, но и несколько гражданских-понятых, каждый из которых стоял в отдалении со своей собакой на поводке – собачники, выгуливающие питомцев перед рассветом. Здесь всё ещё присутствовал фотограф. Не заметив моего прибытия, уже уезжал судмедэксперт. Значит, скоро увезут и труп, который сейчас лежит всего в десяти метрах передо мной, посреди парковки, накрытый вызывающе белоснежной простыней.

Неосознанно пожав плечами от внезапно налетевшего со стороны залива влажного бриза, я продолжила продвигаться по направлению к белоснежной простыне. Мы с Арнольдом практически одновременно увидели друг друга, и он сразу же направился в мою сторону.

На данный момент Арнольд Рид самый молодой сотрудник в штате уголовного отделения, но он далеко не самый незаметный. Ему двадцать девять лет, он выше меня на голову, то есть его рост не менее метра восьмидесяти пяти, он светловолосый и темноглазый, с красивыми ямочками на щеках, проявляющимися во время его лучезарной улыбки, способной похвастаться идеальными рядами белоснежных зубов. Помимо этого парень атлетично сложен: мускулистый и широкоплечий, словно Атлант. Неудивительно, что за ним половина полицейского отдела, та, что женская и незамужняя, тащится, словно аромат за розой, но он неприступен, словно неотесанная скала или потерянный ледник, бороздящий просторы бескрайнего океана голодных женских взглядов. Его популярность подпитывается ещё более тем, что он не местный. Перевелся к нам из Кентукки, Лексингтонского отделения уголовного расследования, четыре года назад, после громкого дела с поимкой Дождливового маньяка. Пояснил он столь кардинальную смену обстановки страстью к зимнему сёрфингу. Я же убеждена, что причина кроется в том, что во время успешного закрытия дела Дождливового маньяка этот парень приобрёл не только лавры, но и схватил пулю. Скорее всего, близкое соприкосновение с осознанием

собственной смертности заставила его задуматься о более спокойном месте, в результате чего он и оказался в Роаре, и висит здесь уже четвёртый год.

– Пейтон, – едва уловимо кивнув мне, Рид пошёл слева от меня, шаг в шаг с моим, по направлению к труп.

– Рассказывай, – коротко отозвалась я, уловив, как мой голос незаметно сливается с пред-
рассветным шумом прибоя.

– Молодая женщина, голубоглазая брюнетка, – начал он, но словив на себе мой неодоб-
рительный взгляд и правильно истолковав его, пояснил. – Документов при жертве не найдено,
но в её сумочке была обнаружена фотография с ребёнком, скорее всего с сыном. Возможно,
это та самая женщина, о пропаже которой обеспокоенный муж заявил в полицию сегодня в
00:12. Собственно говоря, именно пущенный на поиски патруль и нашёл её тело полчаса назад.
Предполагаемых родственников жертвы уже оповестили, опознание должно состояться через
три часа, когда вскрытие и прочие подготовительные процедуры будут завершены.

Остановившись рядом с простыней, покрывающей труп, я тихо выдохнула и прощупала
взглядом близстоящие автомобили. Арнольд тем временем продолжил, но уже другим тоном,
должным мне о многом говорить:

– Жертва умерла из-за огнестрельного ранения. Стреляли сзади, пуля прошла под лопат-
кой – попадание прямо в сердце. Калибр 5,6 миллиметров. Экспертиза наверняка подтвердит,
что стрелять могли из самозарядного пистолета с интегрированным глушителем, *того самого*
устаревшего High Standard HDM.

Чем больше Арнольд говорил, тем явственнее внутри меня нарастала волна душевной
дрожи. Чтобы скрыть своё возрастающее волнение, я натянула на руки латексные перчатки,
по привычке носимые мной во всех внутренних карманах моих курток и плащей, и присела на
корточки. Откинув край простыни, я оголила левую руку жертвы, покоящуюся под волнами её
разметавшихся, густых тёмных волос. Заметив на её запястье элегантные и явно не дешёвые
наручные часы, циферблат которых был украшен миниатюрными белыми камнями, я обратила
внимание на то, что они остановили свой ход в 21:09.

– Предположительно в котором часу она была убита? – сдвинув брови и не поднимая
головы, обратилась к напарнику я.

– Приблизительно между девятью и десятью часами ночи.

– Что по свидетелям?

– Естественно свидетелей нет – в такое время года в поздний час на пляже редко кого
встретишь. Сейчас опрашивают жители близстоящих к парковке домов, но пока что всё
глухо. Уже допросили живущего на берегу в трейлере местного кочевника, Гая Уэнрайта. По
идее, из его трейлера идеальный обзор парковки, но он утверждает, что ничего не видел и
ничего не слышал, потому как накануне приложился к бутылке, отчего этой ночью спал как
младенец, как он сам утверждает и что подтверждает его общее состояние.

Вновь прикрыв труп простыней, я разогнулась и, поднявшись на ноги, задумалась.

Прежде чем я успела бы озвучить свои мысли, Арнольд вдруг решил высказать их за
меня:

– Это он. Больничный Стрелок. И метод, и калибр говорят сами за себя.

– Прошло больше пяти лет с момента его последнего появления. Почему сейчас?

Прошло несколько секунд, прежде чем Рид решил заговорить, но ответа на мой вопрос
он не выдал:

– На сей раз он от нас точно не уйдёт.

Я лишь на короткое мгновение встретила со своим собеседником взглядом, после чего
поспешно посмотрела в противоположную сторону. Одного мгновения мне хватило, чтобы
понять, что Арнольд говорит так только потому, что знает, что я желаю услышать именно эти
слова и желаю сделать *это* больше всего на свете. Мы словим Стрелка. На сей раз он точно

не уйдёт. Но что изменилось с прошлого раза? Будет изменён состав следственной группы? Теперь, почти с вероятностью в сто процентов, не без помощи звонка Рида, благодаря которому именно я, как следователь, оказалась на месте происшествия, мне, а не Сэмюэлю, например, будет поручено ведение этого дела? Теперь в следственной группе появится новенький из Кентукки? Но что с того?..

– Что жертва делала на парковке в столь поздний час? – упершись руками в бока, гулко выдохнула я. – У неё есть машина? Она шла к ней или от неё...

– Автомобильных ключей при жертве не обнаружено.

– Что со следами насилия?

– Очевидные следы насилия отсутствуют, но более аргументированный ответ на этот вопрос у нас появится после проведения экспертизы.

– Значит есть вероятность, что на парковку она пришла добровольно... – задумчиво отозвалась я и, включая фонарик на своём мобильном, продолжала. – Ключи должны быть, Рид.

Сказав это, я вновь присела на корточки и начала высвечивать светом мобильного фонарика пространство под припаркованной вблизи трупa машиной. Я практически сразу выхватила лучом света то, что искала – искомое мной скрывалось под правым передним колесом. Потянувшись облаченной в латексную перчатку рукой за находкой, уже спустя несколько секунд я продемонстрировала своему напарнику связку ключей с брелком в виде собачки.

– Она выронила их при падении, – уже выпрямляясь, констатировала я.

– Ты гений, – одарив меня своей знаменитой улыбкой, упёрся руками в бока Рид. – Хотя мы всё равно нашли бы их во время зачистки территории.

Нажав на брелоке кнопку разблокировки автомобиля, я обернулась на отчётливый щелчок и мигание сигнальных огней. На мой призыв отозвался синий Peugeot, стоящий в десяти метрах от трупa его владелицы.

Ещё спустя минуту, открыв бардачок среагировавшего автомобиля и найдя в нём документы, удостоверяющие личность владельца автомобиля, мы выяснили имя убитой.

Глава 4

Тереза Холт

12 сентября – 08:55

Собеседование было назначено ровно на девять часов. Однако даже несмотря на то, что я пришла на десять минут раньше обозначенного времени, я не стала первой явившейся под дверь кабинета заказчика. Двое молодых парней и две женщины, такие же дизайнеры, как и я, уже ожидали начало раунда. Парни были одеты в обыкновенные чёрные костюмы, а вот женщины выбрали неожиданно яркие платья и явно неспроста сделали ставку на броский макияж. Величественная блондинка была одета в бирюзовое платье-футляр приличной длины, но с откровенно броским декольте, а пышногрудая рыжеволосая девушка, может быть только немногим старше меня, сделала ставку как раз на короткую длину своего ярко-оранжевого платья. Уловив эти красноречивые акценты, я машинально разгладила невидимую складку на своей строгой чёрной юбке. И почему я не подумала об этом?! Почему мои оппонентки позаботились о том, чтобы сразу броситься в глаза, а я даже не задумалась над этим пунктом?! Чёрная юбка лишь на ладонь выше колена, чёрный пиджак и белая блузка – классика, старая как мир! А обувь? Почему я надела обыкновенные туфли на пятисантиметровом каблучке? Почему не вспомнила, что где-то в залежах моих платяных шкафов покоятся мои старые-добрые шпильки, о существовании которых я не вспоминала последних лет пять? Обе женщины вооружились шпильками, обе накрашили губы ярко-красным цветом, обе залакировали свои причёски... А я что сделала для того, чтобы с первой попытки вырезать свой образ в памяти заказчика? На ходу подвела глаза и просто причесалась, не удосужившись даже заплести хвост? Как же я могла так безрассудно подойти к презентации своей персоны? Кому сейчас интересна классика? Все любят блестящее, яркое, едкое...

Ладно, зато презентация моего проекта у меня что надо. Держу пари, я смогу переплюнуть даже самых ярких попугаев блеском, выжатым из моих усилий.

Значит, я буду пятой в очереди на представление презентации. Но это только в том случае, если проекты будут выслушиваться в порядке живой очереди, то есть по той цепочке, которую мы образовали, подтягиваясь к этим дверям. Для меня подобный расклад откровенно не самый выгодный. В подобных ситуациях лучше быть первой или последней – так запомниться больше шансов – нежели болтаться где-то посередине, да ещё и в классическом, то есть беспощадно заезженном образе.

А что если нас захотят выслушать не в порядке живой очереди? Например, начнут вызывать в кабинет по алфавитному порядку?..

Я мысленно начала проговаривать названия конкурирующих компаний: “Don-Ton”, “Future today”, “House of dreams”... Нет, всё равно “Shatem” не первый и не последний в списке. В таком случае буду четвертой. Какой быть лучше: пятой или четвёртой?..

Словив себя на подобных мыслях, я наконец признала факт того, что я действительно сильно переживаю. Хаотичные и не имеющие никакого смысла мысли начинали роиться в моей голове только в моменты неопровержимо сильных переживаний. Наверное, таким образом, в моменты переживания мной стрессовых ситуаций, моё подсознание пытается отвлечь мой разум от эпицентра моего беспокойства. Возможно, прежде у него это даже, в определённых случаях, получалось...

На стул слева от меня опустился крупный мужчина лет сорока. Ну всё, представитель “Future today” пришёл, значит все оппоненты в сборе. Я посмотрела на свои аккуратные наручные часы, подаренные мне родителями в честь рождения Берека. Часы показывали без одной минуты девять часов.

Всё-таки было бы неплохо, если бы я пришла पहले своих оппонентов. Возможно этот маленький факт предал бы мне больше уверенности в себе, ведь я всегда предпочитала прийти заранее, нежели опоздать. Но факт заключался в том, что я пришла в максимально возможное для меня раннее время. Уроки в школе Берека начинаются ровно в девять часов, а сама школа начинает принимать учеников только в восемь тридцать, так что отвезти ребёнка в школу в более раннее время для меня попросту не было возможным.

Мои вновь начавшие буянить мысли прервало неожиданное появление секретаря: женщина афроамериканского происхождения лет сорока пяти, коротко подстриженная и поджарая, была одета в строгий синий костюм, что меня сразу же подбодрило – значит, её работодатель всё-таки ценит классику. Она заговорила голосом, в котором читался мягкий металл:

– Прошу всех, кто здесь находится по вопросу дизайнерского проекта – пройдите в кабинет, – секретарь едва уловимым жестом руки указала на дверь, напротив которой все мы сидели в ряд.

Подобный поворот событий, судя по удивлённым взглядам других дизайнеров, заинтриговал не только меня. Во-первых, заказчик всё ещё не зашёл в этот самый кабинет, а во-вторых, неужели он захочет выслушать всех одновременно? Уже поднимаясь со своего стула и направляясь к двери вслед за парнем, пришедшим на пару минут раньше меня, я допустила ещё один вариант: сегодня дождливая погода, по этой или любой иной причине вполне может оказаться, что заказчик решил не покидать своего дома и сейчас нас ждёт онлайн-конференция. Это был бы отличный вариант. Я часто участвовала в онлайн-конференциях, презентациях и консультациях. По сути, большую часть своего рабочего времени я проводила именно онлайн, поэтому в подобных условиях я всегда чувствовала себя как рыба в воде. Если эта презентация всё-таки состоится в подобном режиме, значит я уже могу рассчитывать на победу с вероятностью в пятьдесят один процент, потому как мой проект действительно хорош по всем критериям и фронтам...

Мы зашли в кабинет в том порядке, в котором ожидали начала собеседования в коридоре. Первым зашел высокий блондин, затем две женщины, затем брюнет в больших очках с золотистой оправой, за которым, не отставая, следовала я, а за мной, громко шаркая ногами, шагал всё ещё тяжело дышащий мужчина из “Future today”. Секретарь попросила нас расположиться на стульях, выставленных в ряд всего в паре метров перед массивным рабочим столом владельца кабинета. Резьба этого стола была настолько искусной, что я невольно приоткрыла рот – подобные предметы роскоши в Роаре прежде мне не встречались. Как только мы заняли свои места, я вновь неосознанно пригладила невидимую складку на своей юбке – и почему я только не выбрала брюки?! ведь я всегда предпочитала брюки! – и начала рассматривать обстановку кабинета заказчика, которая, как мне казалось, могла немало рассказать мне о вкусах этого человека.

Быстро поняв, что кабинет обустроен не только дорого, что для меня не было очень удивительным, но и в классическом стиле, я мысленно ухмыльнулась: значит, этот человек всё-таки положительно относится к классике. Однако вдруг вновь вспомнив слова Алана о том, насколько важен для нашей фирмы этот проект, моя уверенность заглохла в самом своём зародыше и, чтобы воскресить её, я начала прокручивать у себя в голове все пункты своего на самом деле превосходного проекта, во имя рождения которого я убила все свои выходные. Итак, гостевой дом с видом на залив, возведённый рядом с основным домом. Я сделаю акцент на освещении, предложу классический минимализм и, главное, вся моя презентация будет выстроена вокруг продукции “Coziness”. Наверняка заказчик будет желать подчеркнуть свои достижения перед гостями, которых он будет принимать в этом доме, и мебель “Coziness” – это самый выигрышный в данном случае вариант. Однако я не наивна, в своих расчётах я прекрасно осознаю, что мои оппоненты также наверняка выстроили свои проекты вокруг этой идеи. Но у меня есть туз в рукаве. Вчера в пять часов вечера я в очередной раз обновила сайт

компании заказчика и совершенно неожиданно – эту неожиданность можно сравнить с громом среди ясного неба – увидела то, что перевернуло всё моё видение данного проекта: “Coziness” готовились к выпуску новой линейки эксклюзивной мебели и вчера вечером представили полный каталог на своём сайте! Я переделала весь проект под новую линейку за считанные часы – работала до двух часов ночи... Ни один робот не успел бы сделать за столь сжатый срок то, что сотворила я! То, что я сегодня презентую – это не просто дизайнерский проект, это уникальный шедевр и моё личное достижение, как профессионала своего дела. И, думаю, с учётом того, что вчера вечером “Coziness” успешно презентовали свою новую линейку в Нью-Йорке, сегодня поразить заказчика у меня не составит особого труда – скорее всего, накануне он пил, отчего этим утром он вполне может быть немного рассеян. Хотя, этот же фактор может сыграть не в мои ворота.

Я покосилась взглядом на сидящих рядом со мной оппонентов. Знали ли они о презентации новой коллекции “Coziness”? Думали ли о том, что заказчик может быть рассеян из-за веселого вечера накануне? Могли ли они успеть перекроить свои проекты под новую линейку?..

За моей спиной раздался звук распахнувшейся двери, который я восприняла чуть ли не за спасительный круг: долгое ожидание выматывает, отчего я естественным образом желала поскорее покончить с этим давлением.

Все дизайнеры одновременно встали со своих мест и обернулись, я тоже поднялась, но не успела обернуться из-за папки, которую чуть не выпустила из рук. Мысленно выругавшись, я сквозь зубы выдавила одновременно со всеми слова: “Доброе утро”, – в ответ на приветствие заказчика. Не останавливаясь, мужчина прошествовал к своему столу, а мы снова опустились на свои стулья.

По красиво стриженному затылку заказчика – его волосы были черны, словно смоль – и по его ровной осанке я вдруг поняла, что заказчиком будет молодой мужчина. Но так как моя папка продолжала настойчиво ускользать из моих рук, я вновь сосредоточилась на ней, не успев взглянуть на этого человека в момент, когда он, обойдя свой резной стол, повернулся к нам лицом и наконец занял своё место.

– Пусть первым выскажется представитель “Don-Top”, – наконец прозвучал приговор.

“Значит, всё-таки в алфавитном порядке”, – разочарованно поджав губы, выдохнула я и устремила свой взгляд в спину поднявшегося блондина, уверенно направившегося к одному из трёх флипчартов, стоящих справа от стола заказчика. Выходит, я буду четвёртой. Не люблю быть в хвосте, но здесь уже выбор не за мной, так что придётся смириться.

Парень стал развешивать свои эскизы на флипчартах, и я, увидев первый эскиз, сразу же едва уловимо улыбнулась: он, как и я, как наверняка и все остальные здесь собравшиеся дизайнеры, решил взять за основу наполнения пространства продукцию “Coziness”, но уже сейчас я видела, что он не учёл выхода новой линейки. Минус один противник!

Подавив улыбку, я непроизвольно повела плечами, словно пытаюсь сбросить с себя неожиданно ставший ощутимым груз неизвестного происхождения. Парень начал своё вступление, и я искренне пыталась его слушать, но необъяснимая тяжесть, словно придавливающая меня откуда-то извне, никуда не пропадала, и даже казалось, будто она начинает стремительно возрастать. Не понимая, в чём дело, я вновь повела плечами, но уже спустя несколько секунд осознав, что это телодвижение мне никак не помогает, я закинула ногу на ногу и скрестила руки на груди, словно желая отгородиться от незримой, но ментально уловимой угрозы. Я совершенно не понимала, почему никак не могу сосредоточиться на словах своего конкурента, уловить их смысл... Меня как будто бы оттягивала куда-то в противоположную от рассказчика сторону невидимая сила, которой я продолжала всячески сопротивляться, но, кажется, у меня это плохо получалось. Словив на себе заинтересованный взгляд сидящей справа от меня блондинки, я вдруг заметила, что привлекла не только её внимание, но и внимание сидящего между нами парня в очках, однако я никак не могла понять, что именно их во мне вдруг могло

так сильно заинтересовать. А тем временем ментальный дискомфорт становился для меня всё более и более осязаемым...

Набрав полную грудь воздуха и начав потирать левый висок кончиком указательного пальца, я не заметила, как поддалась оттягивающей меня на себя силе и неосознанно мельком взглянула на заказчика, после чего вновь вернула свой взгляд к выступающему оппоненту, как вдруг... Мой взгляд повторно, на сей раз абсолютно осознанно и резко метнулся в сторону увиденного мной мужчины. Встретившись взглядом с этими до боли в мозгу знакомыми глазами, я, кажется, едва мгновенно не умерла на месте. Нет, я не ошибалась... Он тоже наверняка узнал меня – он буквально сверлил меня своими глазами цвета болотной тины. Широкие скулы, смоляные волосы... Нет, это определённо точно ОН.

– Тесса? – из его рта сокращённая форма моего имени вылетела в виде неприкрыто удивлённых нот.

– Да-а... – На сжатом выдохе протянула я, как будто меня только что застукали на месте преступления, хотя преступником была не я – преступником был произнёсший моё имя вслух мужчина.

В этот момент я почти почувствовала сжимающуюся на моей шее губительную удавку. Уверена, этот человек тоже почувствовал её, но только не на своей шее. Он почувствовал её в своих руках.

Глава 5

Пейтон Пайк

02 октября – 05:15

Читая паспорт убитой, я осознавала, что не переживаю никакого визуального обмана: женщина действительно очень молода. Значит, про неё будут говорить, что она не просто преждевременно, но слишком рано ушла из жизни. В глаза сам собой бросился факт, который примечательным мог показаться только мне: она была старше меня ровно на полгода.

– Жертва родилась восьмого апреля, – передавая паспорт в руки Арнольда, констатировала я. – Личность установлена. Остаётся только дожидаться официального опознания со стороны родных жертвы. Известно, кто будет опознавать тело?

– Муж, – коротко отозвался Арнольд.

– Скажи своим парням тщательно поработать с машиной.

Отойдя от автомобиля жертвы, оставленного мной на попечение Рида, я ещё раз окинула взглядом накрытый белоснежным покрывалом труп молодой, красивой и наверняка кем-то любимой женщины. Судя по отметкам в её паспорте, которые я просмотрела лишь вскользь, она не только была замужем, но и имела как минимум одного ребёнка пяти лет. Этот факт ещё сильнее сгустил странное чувство где-то в области моих лёгких. Я понимала, что мой мозг пытается сыграть со мной злую шутку, показывая мне иллюзорные сходства, которых на самом деле нет, но я ничего не могла с этим поделать. Да, эта женщина была моей ровесницей, но в отличие от неё, я не была ни женой, ни матерью. Да, её ребёнок осиротел практически так же рано, как и я, но я стала круглой сиротой в три года, а этому ребёнку было пять и у него всё ещё оставался отец. Нет, всё это никакие не сходства, всё это – иллюзия. Если здесь и есть какое-либо сходство, тогда только одно, и это сходство – калибр.

Глава 6

Тереза Холт

12 сентября – 09:05

Не поворачивайся к врагу спиной

Я осознавала, что передо мной сидит Байрон Крайтон, но я категорически отказывалась верить своим глазам. Судя по выражению его лица, он сам не верил в реальность этой встречи.

Постепенно приходя в себя и осознавая, *что именно* только что произошло, я никак не могла понять, почему я не узнала его сразу, уже только по его голосу, который, как мне до сих пор упорно казалось, я не смогла бы забыть даже спустя целую жизнь. Видимо, страдания притупляют сенсорную память. Я его не узнала.

Сколько прошло с момента начала презентации проекта представителя “Don-Ton”? Минута?.. Пять минут?.. Как давно он заметил меня? Как давно сверлил взглядом? В какой момент я почувствовала этот тяжёлый, как сама расплавленная сталь, посторонний взгляд на себе?.. Когда остальные заметили его заинтересованность мной? Сколько времени у меня есть, чтобы убежать прочь, забиться в какую-нибудь щель и просидеть в ней до тех пор, пока этот человек не исчезнет с лица земли? До тех пор, пока не умрёт он или не умру я... Куда мне бежать?..

Не осознавая своих действий, я резко, словно ужаленная ядовитым насекомым, вскочила со своего стула. Взгляды всех присутствующих, и без этого моего движения сосредоточенные на моей персоне, стали ещё более заинтересованными.

– Я... – начала я, но предательски запнулась. Поправив на плече шлейку своей небольшой сумки, сразу же ударившейся о моё бедро, я машинально взмахнула рукой, удерживающей папку с теперь уже ничего не значащим для меня проектом, в направлении парня, выступление которого в эту минуту я бесцеремонно оборвала. – Я, пожалуй, пойду... Проект моего оппонента гораздо лучший, нежели мой – я не буду составлять ему конкуренцию... – Почти связно говорила я, уже пятясь к выходу. – Прошу прощения... – Чтобы хоть как-то завершить свою путанную речь, добавила я и, резко развернувшись, быстрыми шагами направилась к двери, которая вдруг показалась мне неправдоподобно далёкой.

Я не верила в реальность происходящего. Неужели я действительно произнесла фразу: “Прошу прощения”?! Серьёзно?! Да как я могла позволить себе выпустить из своего рта подобные слова в присутствии этого человека!.. Это он должен на коленях умолять меня о прощении – не я его!!! Но даже моё прощение не смоет с лица земли факт существования тех грязных поступков, которые он сотворил в своей извращённой жизни!

– Тесса, подожди! – его голос прозвучал за моей спиной как раз в момент, когда моя рука коснулась дверной ручки. В этом голосе читалось откровенное беспокойство, которое его владелец попросту забыл скрыть.

Все эти годы я думала, что никогда не забуду этот звучный баритон, все эти годы терзаний я считала, что не забыла... Но вот я слышу его и не узнаю, и понимаю, что на самом деле я забыла эту раскалённую сталь, против моей воли вливающуюся в мои уши, я понимаю, что не хочу вспоминать ноты этого голоса, являющие собой синоним моих персональных мук, терзаний, изощрённых пыток, придуманных бесчеловечным палачом. Но я стою на месте. Не поворачиваюсь, но стою. Потому что боюсь, что если пошевелюсь, он догонит меня, а если он меня догонит, если он напомнит мне... Я не смогу пережить этого снова. Не смогу пережить без серьёзных травм, влекущих за собой не менее серьёзные последствия, которые способны сформироваться даже от одних лишь воспоминаний о свершившемся в моей жизни кошмаре.

Поэтому я стою словно вкопанная и, до боли жмурясь, пытаюсь заставить себя быть сильной или, если не смогу, прямо здесь и сейчас рассыпаться на миллион невидимых атомов.

– Наша встреча завершена, – вдруг прозвучал всё тот же страшный голос далеко у меня за спиной, мгновенно вызвавший волны трусливых мурашек и холода на моей спине. – Прошу прощения за беспокойство и прошу всех удалиться. – Услышав эти слова, я сразу же попыталась открыть дверь, но меня мгновенно одёрнули. – Тесса, задержись, пожалуйста.

Естественно я благоразумно остановилась и в итоге позволила остальным дизайнерам, совершенно потрясённым подобным развитием событий, проществовать мимо меня в спасательный дверной проём. Пока ещё я не понимала этого, но меня начинало трясти оттого, что я снова и снова, словно на заевшей плёнке, начала слышать в своей голове своё имя, произнесённое голосом этого человека: “Тесса – Тесса – Тесса”... Мне неприятно, что он позволяет себе обращаться ко мне используя неполную форму моего имени... Я не осознаю, что моя растерянность и мой испуг начинают медленно, но верно подпитываться тихой и пока ещё едва уловимой злостью.

Последний дизайнер вышел за дверь и хотел её закрыть за собой, но я вовремя схватилась за её блестящую хромовую ручку, словно за спасательный круг, и не позволила двери захлопнуться. В этот же момент периферическим зрением увидев, как Крайтон вышел из-за своего стола и направился в мою сторону, я гулко сглотнула. Его чёрная рубашка буквально нависала на моём горизонте, словно огромная грозовая туча, не сулящая поздно заметившему её путнику ничего хорошего. Я в буквальном смысле остолбенела от осознания того, что, если сейчас же не возьму себя в руки, риск сломать себе всю оставшуюся жизнь быстро достигнет опасно критической отметки.

Прежде чем он подошёл ко мне, я успела убедить себя в том, что я взяла себя в руки. Насколько смогла...

Я не думала, что он позволит себе остановиться так близко ко мне, но он сделал это – он встал всего в двух шагах напротив меня.

– Я хотел бы увидеть твой проект, – уверенным тоном заговорил он, и я заставила себя встретиться с ним взглядом. – Покажешь?

В его интонации звучало скорее смутно выраженное требование, нежели вопрос, но я не расслышала в его голосе ни жёсткости, ни грубости... Того же факта, что в тоне моего собеседника звучали отчётливые ноты дружелюбия, я совершенно не желала признавать.

Желая казаться уверенной в себе, я слегка сдвинула брови к переносице и утвердительно кивнула головой. Как только я совершила этот немой жест согласия, по сути своей походящий на хакари, мой собеседник дотронулся двери, за ручку которой я всё ещё держалась в последней надежде на призрачное спасение, и уверенно захлопнул её.

Так мы окончательно и бесповоротно остались наедине: я и кошмар, разделивший всю мою жизнь на “до” и “после”.

* * *

Это было ужасно. Ничего более страшного в последние годы моей жизни со мной не происходило.

Байрон заказал у секретаря чашку чёрного кофе и поинтересовался, чего хочу выпить я. Чтобы выглядеть убедительной в своём хладнокровии, я вынуждена была не отказаться от его любезного предложения и в итоге заказала себе чёрный чай, хотя на самом деле мне хотелось совсем другого. Мне хотелось послать этого подонка на все четыре стороны и выпасть из поля его зрения до того момента, в который он успеет понять, в какой именно из четырёх сторон меня предположительно можно будет отыскать.

Ни он к кофе, ни я к чаю так и не притронулись. Две чашки стояли на его рабочем столе с разных его бортов и, дымясь, медленно остывали. Байрон внимательно изучал содержимое моей папки, в которой во всей своей красе был представлен тот самый дизайнерский проект, которым ещё каких-то десять минут назад я гордилась, словно родным ребёнком, и о котором теперь не могла думать без боли, как будто узнала, что этот ребёнок, которого я с самого момента его рождения считала своей плотью и кровью, на самом деле оказался подкидышем, в котором я не распознала чужое дитя. Как моё сердце могло так жестоко обмануть меня?.. Как не подсказало правду?..

Почему я не поинтересовалась именем заказчика? Я ведь все выходные работала над этим проектом, это колюще-режущее имя наверняка должно было быть указано на сайте его компании, оно определённо точно красовалось на проектной документации чёрными буквами, сложенными в страшные инициалы... Хотела бы я сказать, что так больно я в своей жизни ещё не обжигалась, но это было бы неправдой. Я обжигалась и гораздо больше. И виной тех чудовищных, незаживающих ожогов был именно этот мерзавец.

– Я так понимаю, это случайность, – не отрывая взгляда от содержимого папки, внезапно, спустя целых пять минут гнетущего молчания, вдруг решил заговорить первым Крайтон. – Ты не знала, что заказчик я.

– Чистой воды случайность, – настолько уверенным тоном отозвалась я, что сама собой вдруг осталась довольной, и эта маленькая победа над своими эмоциями ещё больше укрепила мои внутренние силы.

Помолчав несколько секунд, Крайтон всё же оторвал свой взгляд от красочных рисунков, оформленных моими старательными руками и чувственным видением, и посмотрел на меня. Я не стала ни отводить, ни опускать свой взгляд, и эта очередная маленькая победа заметно поддерживала состояние моего духа, до сих пор пребывающего в глубоком потрясении.

– Расскажи мне об этом проекте, – не став играть со мной в проверку терпения, он первым отвёл свой взгляд, вернув его к содержимому папки, после чего перевернул очередной лист. – Что ты здесь видишь? Что хотела показать?

Я знала, что этот проект уже слился. Смысл его обсуждать? Смысл развозить невкусную кашу по тарелке?

– В этом проекте я предложила акцентировать естественное освещение, сделать ставку на произведения искусства и увеличить пространство небольших комнат за счёт крупногабаритных зеркал.

Я замолчала. Подождав с полминуты, но так и не дождавшись продолжения, Крайтон оторвал свой взгляд от папки в его руках и вновь посмотрел на меня:

– И это всё?

В его голосе не было агрессивных нот, и это меня напрягало больше всего – я явно улавливала доброжелательность в его тоне. А это определённо точно странно и это... Страшно.

– Да, всё, – спокойным тоном отозвалась я, твёрдо уверенная в своём намерении не сказать больше ни слова о проделанной мной работе.

Столь безынициативной, скучной, бесцветной, да просто “никакой” презентации в моей практике ещё не случалось, и даже это злило меня сейчас – я не хотела, чтобы Крайтон и здесь преуспел, и вновь занял первое место на невидимом пьедестале его побед, но, видимо, конкретно в этом случае я попала в западню: либо он станет первым, кто не получит от меня достойную презентацию, либо мне придётся презентовать ему свои труды, а до подобного плинтуса я никак не могу позволить себе опуститься. Достаточно уже того, что созданное мной произведение искусства, шедевр дизайнерской мысли, лежащий в грязных руках этого подонка, за считанные секунды обратился в пыль.

– Это замечательный проект, – не дождавшись от меня больше ни единого слова и не отводя от меня взгляда, вдруг констатировал мой собеседник, явно желающий вспороть мои барабанные перепонки своим дружеским тоном.

– Спасибо, – наигранно спокойным голосом отозвалась я, при этом едва уловимо поджав губы.

В следующую секунду он положил на стол перед собой раскрытую папку с моими трудами, и это был лучший момент, чтобы покончить со всем этим бурно разыгравшемся театром абсурда. Контролируя скорость своих движений, я относительно спокойно поднялась со своего места и, потянувшись за раскрытой папкой, наигранно спокойно захлопнула её прямо на столе, после чего вновь завладела ею.

Пока я была всецело сосредоточена на папке, Крайтон всецело был сосредоточен на мне. Внезапно встретившись с ним взглядом так близко, я почти услышала, как внутри меня рушится незримая крепость театрального спокойствия. Машинально поправив шлейку сумочки на плече, я прижала свою папку к груди и уже не таким уверенным, и спокойным тоном, который мне хотелось бы от себя слышать, произнесла:

– Я, пожалуй, пойду. У меня ещё есть дела на сегодня. Прощай.

На сей раз я всё сказала правильно. Пусть и сделала это не тем тоном, который мог бы вызывать у меня восторг при повторных воспоминаниях об этом моменте, которых, я даже не сомневаюсь в этом, мне было не избежать.

Развернувшись, на сей раз я смогла беспрепятственно выйти из пугающе закрытого кабинета и оставить Байрона Крайтона за своей спиной.

Уже спустя полчаса сидя в маленьком кафетерии у окна с видом на гавань и без аппетита пробуя лососевый пирог, я думала о нетронутой чашке чая, оставленной мной на рабочем столе Крайтона. Интересно, что он сделал с ней?.. Наверняка приказал своей секретарше унести нетронутый напиток, и в итоге она выплеснула его, окрасив им дно и стенки начищенной до блеска раковины в чёрный цвет.

Как же сильно Алан будет недоволен тем, что я слила этот проект. Он слишком сильно рассчитывал на него и слишком сильно рассчитывал на меня...

Прищурившись от внезапно пробившегося сквозь плотные дождевые тучи слабого лучика солнца, на мгновение засветившего моё лицо, я попыталась улыбнуться самой себе и мысленно утвердить дрожащую в моём подсознании мысль о том, что дальше всё будет хорошо.

Со мной всё будет хорошо. Тот кошмар давно миновал. Я его пережила, чтобы никогда больше не переживать его снова. Прошное должно оставаться в прошлом и останется в нём – я не позволю ему вторгнуться в моё настоящее. Этот мужчина больше не причинит мне вреда.

До сих пор дрожащий на моём лице мимолётный лучик солнца поглотили суровые в своём величии дождевые тучи. Прекратив щуриться, я вновь посмотрела на мир широко распахнутыми глазами и вдруг не увидела в нём ни уверенности, ни безопасности, ни хотя бы возможности скорого успокоения. Только слабую надежду, дрожащую, словно беспомощный перед грозowymi тучами солнечный луч, рискующий померкнуть в любую секунду.

Глава 7

Пейтон Пайк

02 октября – 08:00

Мы стояли на парковке напротив морга, ожидая окончания процедуры опознания тела. Скрестив руки на груди и опершись спиной о свою машину, я внимательно слушала Арнольда, речь которого мне всегда нравилась тем, что в ней никогда не встречался хлам, что в наше время редко можно встретить среди людей моего возраста.

– ...Ставлю всё своё состояние на то, что это Больничный Стрелок, – после непродолжительной, но крайне содержательной речи, самоуверенно заключил Рид, подобно мне скрестив руки на груди.

– Твоё состояние не такое уж и большое, – колко заметила я.

– И откуда же ты знаешь о моём состоянии? Неужели интересовалась им? – в ответ я промолчала, продолжая барахтаться на поверхности своих мыслей о грядущем деле. – Ладно, не утруждай себя ответом, понятно ведь, что не интересовалась, иначе бы знала, что трехкомнатная квартира в Лексингтоне в сумме как минимум с моей машиной уже больше стоимости твоего дома вместе с твоей машинкой.

– Мне совершенно не интересно твоё финансовое состояние, Рид, – вынырнула из-под очередной волны беспокойных мыслей я. – Но если ты хочешь уточнить, у кого что больше, помни, что я всё-таки стою над тобой и, соответственно, зарабатываю чуть больше.

– Чуть, – прищурился сквозь довольную ухмылку Рид. – Что общего между всеми известными нам жертвами? – очевидно, видя мою погружённость в эту тему, он решил резко вернуться к ней. – За исключением идентичного выстрела в виде прямого и единичного попадания в сердце, и того же калибра пули.

– Все они были молодыми, любимыми и успешными, – пожала плечами я, понимая, что всё это не то. – Почти все они были женщинами...

– Один был мужчиной.

– Думаю, это случайность.

– Случайность?

– Да. Все убитые были женщинами. Возможно мужчина был убит потому, что оказался не в том месте, не в то время.

Высказав своё предположение, я посмотрела в глаза собеседника и поняла, что он смотрит на меня *слишком пристально*.

– Тридцать два года назад и пять лет назад твой предшественник Эйч Маккормак упустил его, – безапелляционно констатировал Рид, глядя мне прямо в глаза. – В этот раз я знаю, что мы выйдем на этого подонка по свежим следам.

– Эйч был хорошим следователем, – сдвинула брови я, с уважением вспоминая не просто древнего старика, но профессионала, под руководством которого я выросла настолько, что в итоге смогла занять его место, когда он ушёл на пенсию в свои девяносто два года, что само собой уже было показателем не только его профессионализма, но стойкости его духа и тела.

– Он был хорош, но Больничного Стрелка упустил дважды, – попал прямо в яблочко Рид. – Теперь в нашем отделе три следователя. Айрин сейчас загружена по голову, выходит, остаётся ты и Сэмюэль.

– Я была вызвана на место преступления. С большей вероятностью это дело будет передано именно в мое видение.

– Я тоже так считаю, – согласился Рид, и я уловила в его тоне предупредительные ноты. Я внимательно посмотрела на него, желая понять, что именно мой напарник хочет мне сказать. –

Представь, что мы поймали его, – от этих слов у меня даже на секунду в ладонях закололо. – Не боишься подточить на суде фундамент успешного дела тем, что кто-то из толпы обвиняемой стороны выдаст предположение о наличии конфликта интересов? Если это дело сочтут личным, это может серьёзно навредить тебе и повлиять на приговор.

– Ты гений, – криво ухмыльнулась я. – Не переживай, у меня всё под контролем. Я точно не собираюсь становиться причиной смягчения приговора для убийцы.

– Но одновременно ты хочешь быть причастной к его поимке.

Я не хотела обсуждать с Ридом столь щепетильную тему, тем более с учётом того, что я держала на безопасной дистанции от неё даже близких мне людей. Я уже хотела сказать своему собеседнику о том, что эта тема может считаться закрытой, как вдруг заметила выходящего из дверей морга полицейского. Заметив мой брошенный за его спину взгляд, Рид обернулся и тоже увидел быстро шагающего по направлению к нам коллегу.

– Что-то не так, – сдвинув брови, заметила я, отстранившись от машины и расцепив скрещенные на груди руки.

– Оpozнание окончено, – спустя минуту остановившись перед нами, взволнованно глядя то на меня, то на Рида, заговорил крупно сложенный брюнет, пятидесятый юбилей которого мы отмечали всем отделом на прошлой неделе. Я с нетерпением ждала продолжения, потому что видела, что должно быть сказано что-то ещё. – Личность установлена, муж жертвы официально опознал её.

– И что же, в таком случае, не так? – сдвинула брови я.

– На жертве надета не её одежда. Частично...

Мы с Ридом одновременно посмотрели друг на друга. Что за?..

– Такого с предыдущими жертвами не было, – почти разочарованно произнёс Рид.

Нет, я категорически не верила в то, что убийцей может быть кто-то кроме Больничного Стрелка. Ведь почерк идентичен... Тогда по какой причине отличаются знаки препинания?

Глава 8

Тереза Холт

13 сентября – 09:12

Алан Пасс был не очень высоким мужчиной, периодически пытающимся поддерживать разнообразные диеты, дабы контролировать свой слегка шалящий вес, который лишь украшал его то задорную, то резко меланхоличную натуру. Он носил исключительно деловые костюмы совершенно не деловых расцветок и любил побаловаться с разнообразными моделями псевдоочков, которые не всегда ему шли. В этом месяце он остановил свой выбор на больших круглых очках в золотистой оправе, которые, к всеобщему удивлению, весьма подходили его округлому лицу. Он был наполовину американцем по отцовской линии и наполовину индусом по материнской, и вторая его генетическая половина заметно подавляла первую не только цветом кожи, но и менталитетом. Алан любил яркие цвета, острые специи и сильные ароматы, и потому наш офис всегда был эпицентром скопления всех этих пунктов, которые больше отвлекали от работы, нежели помогали на ней сосредоточиться. Поэтому я предпочитала работать за пределами офиса, что Алана, как любителя шумных людских скоплений, часто расстраивало, но я ничего не могла поделать с возникающим у меня во время рабочего процесса желанием отстраниться от внешнего мира, тем более от столь яркого, порождающегося активной, но не всегда продуктивной деятельностью контрастной личности моего босса. И так как за четыре года моего знакомства с Аланом у нас установились отношения не просто “босс-подчиненный”, но “бос-подчиненный-друг”, с работой по удалённой системе у меня практически не возникало проблем, за исключением того, что Алан периодически надувал свои красивые пухлые губы, слыша от меня частые слова о желании продолжать работать в уединенной обстановке.

Помимо фирмы “Шатем” у Алана Пасса к его тридцати четырём годам были достижения и на других фронтах. К примеру, два года назад он развёлся с нашим филигранным ландшафтным дизайнером Филиппой, которую все мы любя и уважая зовём просто Пиппой. Длинноногая, чернокожая, всегда красиво одетая, всегда накрашенная и с идеально уложенными, гладкими, и блестящими волосами, Пиппа была красивой женщиной, правда сколько я её знаю, она всегда выглядела на пару лет старше своего реального возраста. В прошлом месяце какой-то заказчик дал ей целых тридцать три года, хотя ей было только тридцать – для всех так и осталось секретом, каким образом Пиппа смогла сдержаться и не разбить в кровь нос близорукого мистера.

Роман Алана и Пиппы продлился ровно семь лет, пять из которых он бурлил в чане официального брака. Говорят, что своенравная Пиппа ни за что бы не вышла замуж за мягкотелого Алана, если бы не забеременела от него в первые же месяцы их отношений, так что у Алана из достижений ещё есть и озорная дочь семи лет по имени Трудит. Со стороны вся эта яркая тройка – Алан, Филиппа, Трудит – выглядела чем угодно, но только не семьёй, и всё же они были единым организмом, каждодневно штурмующим наш маленький офис своей переливающейся через края энергией. И потому я всерьёз боялась представить, какую головомойку двое из них устроят мне, когда узнают, что я сорвала проект, на который они так сильно рассчитывали. Уже сам факт того, что после провального собеседования у Крайтона никто из “Шатем” мне так и не позвонил, чтобы уточнить, как всё прошло, сгустил тучи над моей головой настолько, что с утра пораньше, проводив Берека в школу, я сразу же направилась в офис с дрожащими поджилками. Не уволит же Алан меня? Он ведь понимает, что у меня сейчас сложный период, что мы только недавно переехали, что у меня за плечами отличный послужной список... В конце концов, это был всего лишь гостевой дом... Всего лишь гостевой дом бюджетом в двести

тысяч долларов... Если не Алан, тогда меня убьёт Пиппа. И плевать, что она мне такая же подруга, как и Алан. Они меня просто растерзают в клочья...

Стоило мне только переступить порог нашего маленького офиса, как я сразу поняла, что все уже в курсе моего громкого фиаско. Как только я открыла дверь, и подвешенные над ней колокольчики звякнули, все десять человек, составляющие полный штат “Шатем”, мгновенно с наигранной заинтересованностью уткнулись в свои мониторы и в один голос поздоровались со мной, словно репетировали это приветствие всю прошедшую ночь. Интересно, как именно каждый из них узнал об этой трагедии? Алан метался по всему офису и, размахивая руками, снова вопрошал, за что ему достался очередной бездарный работник? Или Пиппа, скрестив руки на груди, битый час стояла у куллера и, по хорошо знакомой всем привычке, свирепым взглядом кипятила воду внутри него? А как эти двое узнали о провале проекта? Позвонили ли им секретарь Крайтона или они сами позвонили его секретарю? Если меня что-то и могло утешить в сложившейся ситуации, так это то, что никто, кроме меня, не знает истинных деталей и причин этого провала, а значит всё уже не так плохо, как могло бы быть...

Я успела лишь повесить сумочку на свой рабочий стул и уже хотела снимать с себя пиджак, серость которого оттеняла мою бледность, когда из директорского кабинета вдруг вынырнул Алан. Мне сразу же показалось, будто его свирепый взгляд вонзился в меня, словно остро заточенный клинок в сырое мясо.

– Ах ты... – вытянув руку вперёд, он указал на меня своим коротким указательным пальцем. Я сразу же замерла на месте, предчувствуя гром и молнии, и, возможно, даже угрозу громкого увольнения.

Сделав несколько быстрых шагов по направлению ко мне, Алан вдруг схватил меня за плечи, что меня буквально потрясло – я ожидала чего угодно, но чтобы дело дошло до рукоприкладства... Такого поворота я не предвидела даже в самом худшем раскладе.

Начав трясти меня за плечи, словно тряпичную куклу, Алан, в своей манере и всё же слишком громко, как для моих барабанных перепонки, вдруг закричал:

– Ну, кто здесь заполучил жизненно важный для нашей компашки проект и теперь будет вести его, как гордый орденосец ведёт в бой своих зелёных солдатов?!

За моей спиной неожиданно раздались громкие хлопки, вслед за которыми на мои волосы вдруг посыпалось конфетти из цветной бумаги... И тут меня и вправду словно молнией поразило – до меня наконец дошло, насколько всё будет хреново: им никто не сообщил о моём провале...

Естественно им никто не сообщил! Я ведь так и не нашла в себе смелости вчера явиться в офис или хотя бы позвонить им!

Ещё сильнее сжав мои плечи, Алан притянул меня к себе и безжалостно сильно, до неприятной боли обнял меня. Пока я, под всеобщие крики и хлопки, всячески пыталась пережить затруднительную ситуацию, в которую сама себя загнала, параллельно изо всех сил стараясь не задохнуться в объятьях своего безудержного босса, я встретила взглядом с Филиппой. Остановившись в дверном проёме кабинета Алана, она, облокотившись о дверной косяк, смотрела на меня с радостной улыбкой и весело хлопала в ладони.

– Ну что, проект наш, да? – радостно прошипел мне на ухо Алан.

– Вообще-то нет, – на последнем оставшемся в моих лёгких воздухе сжато процедила я сквозь зубы.

– Вообще-то да, – настойчиво отказывался воспринимать мои слова всерьёз Пасс.

– Нет, Алан.

– Да, Тесса.

– Да нет же... – Я резко отстранилась от содрогающегося в конвульсиях счастья Пасса. – Проект не наш.

– Наш, Тесса, проект наш! Крайтон лично звонил мне вчера, чтобы сказать, что ему понравилась твоя презентация и что он хочет видеть её реализацию в твоём авторстве!

– Что?! – в моей голове словно фейерверк разорвался.

– Да-да-да, ты сделала это, Тесса, ты смогла! Слышите все?! Эта детка заполучила проект, благодаря которому сокращение штата в этом году официально отменяется! Все празднуем! И никто не вздумает испортить мне сегодня настроение, – словив мой ошарашенный взгляд, вдруг решил добавить счастливый безумец. – Ты слышишь, дорогуша? Никто! Ты сегодня у нас герой дня, потом герой месяца, а там и всего года, так что расслабься... Вернее, соберись, тебе нужны силы, чтобы достойно справиться с этим проектом... Тебе нужны свежие идеи, поддержка... Давай-ка, собирайся и едь прямо сейчас домой! Рисуи, черти, твори, пей пиво – делай всё что необходимо для высокого результата! Послезавтра у тебя осмотр объекта с заказчиком.

“Послезавтра?!” – Моё подсознание немо выкрикнуло этот вопрос в шоковом неверии, с неожиданным ребяческим всхлипом – предвестником непредвиденной истерики.

* * *

Сидя за своим рабочим столом, не замечая всеобщего приподнятого настроения, проявляющегося в периодическом летании конфетти в пространстве офиса и громком смехе коллег, и не замечая того, что уже в который раз за прошедший час начинаю неосознанно грызть один из своих новых простых карандашей, я пыталась найти выход из западни, в которую вогнала меня моя же невнимательность. Вопросы вроде – что это значит? почему Крайтон так поступает? чего он желает этим добиться? – уже давно отошли на задний план. На переднем плане в моих мыслях теперь светилась ярко-неоновыми буквами фраза: “ЭТО СЛИШКОМ ОПАСНО”. Не только для меня – для всей моей семьи. Крайтона ни в коем случае нельзя подпускать к себе так близко, потому что если он хотя бы краем глаза увидит моё вымученное счастье, если хотя бы на йоту начнёт подозревать – он угробит всю мою дальнейшую жизнь. Достаточно того, что он поставил клеймо, этот незаживающий и теперь вновь запульсировавший шрам на измученном теле моего прошлого. Я каким-то образом смогла выжить после первого раза, но если он вновь вопьётся своими пальцами в оставленную им прежде на мне рану, я могу не пережить этой боли... Уже сейчас я вижу, что это столкновение может уничтожить меня. Нет, чего бы мне это ни стоило, я должна защитить себя и свою семью от нависшей над моей головой трагедии. Лучшим и единственным вариантом будет сдаться сразу.

К такому выводу я пришла спустя час и пятнадцать минут мучительных размышлений о моих дальнейших действиях и жизни в целом.

Из беспокойных мыслей меня выдернула внезапно выросшая перед моим столом Пиппа, как всегда неотразимая в одном из своих любимых тёмно-синих платьев-футляров:

– Ну что, красотка, Алан в очередной раз доволен тобой больше, чем собой, – довольно улыбаясь, сияла, словно рождественская лампочка, моя коллега-подруга. – Осталось только успешно закрыть этот проект, верно?

– Верно. – Жёстко отчеканила я и, бросив обгрызенный карандаш на стол перед собой, резко поднялась. Обойдя удивлённую моим выпадом Пиппу, я направилась напрямик в кабинет начальника. Перешагнув же его порог, я не менее уверенно закрыла за собой обыкновенно открытую дверь.

– Алан, нужно поговорить, – продвигаясь вглубь кабинета, я уверенным взглядом смотрела на босса, всецело поглощённого игрой в онлайн-пасьянс.

– Тесса? – не найдя в себе сил оторвать взгляд от монитора, удивлённо произнёс моё имя Пасс. – Я думал, ты уже давно ушла домой... – Он наконец посмотрел на меня. – О-о-о нет, только не этот взгляд.

– Ты о чём?

– Этот твой самоуверенный взгляд, – он окончательно оторвался от своего драгоценного монитора. – Когда ты так смотришь – это не к добру.

– Почему же?

– Потому что с таким взглядом ты становишься непробиваемой. Только не говори, что у тебя проблемы с проектом Крайтона.

– У меня проблемы с проектом Крайтона, – я скрестила руки на груди.

– Нет-нет-нет-нет-нет! – Алан резко вскочил со своего места и, бросившись ко мне, насильно расцепил мои скрещенные на груди руки. – Я не позволяю тебе превращаться в безжалостного и бессердечного титана! Даже не вздумай скрещивать руки, смотреть на меня взглядом босса – этот взгляд занят мной! – и говорить таким вот тоном...

– Каким тоном?

– Тоном босса, взглядом босса, движениями босса... Я здесь босс, понятно?!

– Понятно, босс.

– Это всё, что я хотел от тебя услышать, дорогая.

– Но это не всё, что я хотела тебе сказать. Я не хочу заниматься проектом Крайтона.

– Что значит “не хочу”?! – он так громко выкрикнул свой вопрос в моё лицо и его глаза так сильно округлились, что могло создаться ощущение, будто я поразила его громом.

– И вправду, – задумчиво сдвинула брови я. – Правильнее будет сказать: я не буду заниматься проектом Крайтона.

– Но почему?! – решил продолжать на повышенных тонах босс и в следующую секунду вдруг схватил меня за руку. – Нет! Не смей отвечать мне на этот вопрос, слышишь?! Мне наплевать на твои мотивы! Я твой босс!

– Да, Алан, ты мой босс, – отцепив его руку от своего предплечья и успокаивающе похлопав её тыльную сторону, согласилась я. – Но это моё последнее слово.

– Нет, Тесса, ты не можешь меня кинуть...

– Алан, я не кидаю тебя, я наоборот пытаюсь тебя перестраховать. Ты ведь знаешь, что у меня сейчас не самый простой период в жизни: мы совсем недавно переехали, Берек только что пошёл в школу, а ты ведь имеешь представление, что такое первый опыт со школой.

– У Труды в первый год школы от волнения высыпал диатез, – понимающе и одновременно глядя вникуда, словно в свои страшные воспоминания, промычал Алан.

– Вот видишь, ты меня понимаешь....

– Не говори чепухи! Это твой проект! Я его видел и знаю, что он до неприличия шикарен! И ты сделала ЭТО всего за каких-то двадцать часов усердного труда, не взирая на школу сына и прочую чушь вроде твоей личной жизни!

– Алан, передай этот проект кому-нибудь другому, прошу тебя.

– Ты режешь меня без ножа, Холт! Проект бюджетом в двести кусков! Передать его кому-нибудь другому – ты это всерьёз?! Стоит мне отдать его кому-нибудь другому, и он сразу же завалит его, а значит завалит и нас всех! И кому я его могу поручить?! У меня все заняты, кроме Хелены! Не смотри на меня так, слышишь?! Даже не вздумай предлагать мне Хелену!

– Пусть его возьмёт Филиппа...

– Ха! Ха! Ха!.. – Алан всегда отличался повышенной эмоциональностью, но здесь его явно понесло. – Пиппа ландшафтный дизайнер и ты это прекрасно знаешь! Лучше сразу признайся, что смерти моей хочешь! Так знай же, если умрёт голова дракона – умрёт и его тело! Иными словами: если ты лишишь меня кислорода, ты сама же лишишься своей работы, потому

что не будет меня – не будет “Шатем”, а если не будет “Шатем”, значит не будет и твоего места, и места остальных работников в нём!

– Алан...

– Нет, Тереза! Я сказал нет!

– Я буду помогать Пиппе. Послушай... Давай хотя бы разделим обязанности по проекту. Пусть она общается и встречается с Байроном Крайтоном, а всё, что будет касаться теоретической части, я возьму на себя. Пойми, я сама этот проект не потяну...

– Здесь дело в чём-то другом, девочка, – мой взъерепенный начальник вновь прибег к своему любимому жесту – он начал тыкать в меня своим коротким указательным пальцем. – Даже не пытайся запутать меня – я вижу тебя насквозь, – театрально сдерживая свою злость за стиснутыми зубами, продолжал выдавать он. – Ты себя слышишь? Ты и вдруг говоришь, что не справишься с чем-то? Мой самый главный боец, мой лучший ассасин вдруг говорит мне, что не справится с каким-то гостевым домиком... Я тебя знаю, Тереза Холт – ты президентский дворец потянула бы, ты бы даже дюжину президентских дворцов оформила в течение всего одного года и при этом не вспотела бы!

– Алан, выведи на переговоры с Крайтоном Пиппу, оставь меня консультантом на проекте. Или так, или я...

– Даже не смей! – подняв указательный палец вверх, оборвал меня в своей истерике босс. – Даже не смей, Тесса! – Не отрывая от меня полыхающего взгляда, он начал обходить свой стол, с явной целью добраться до своего кресла. – Садись! – резко опустив палец и указав им в кресло напротив его рабочего стола, потребовал он, и я послушно направилась к указанному месту, и заняла его.

Ничего не объясняя, буквально рухнув в своё кресло, Алан достал из своего стола визитку чёрного цвета и в следующую секунду начал уверенно набирать на своём рабочем телефоне цифры. Спустя несколько секунд начали раздаваться громкие гудки, подтверждающие, что мой босс настроен разговаривать по громкой связи. Я была уверена в том, что он звонит Пиппе, чтобы вызвать её в кабинет, поэтому в момент, когда в пространстве кабинета разлился болезненно знакомый мне мужской голос, мои бывшие до сих пор скрещенными руки и ноги едва не хрустнули от силы мгновенно ударившего по ним напряжения.

– Слушаю, – из телефона раздался неожиданный и до боли в ушах звучный баритон Байрона Крайтона.

– Доброе утро, мистер Крайтон, – совершенно спокойным голосом заговорил Алан. Я всегда поражалась тому, как неестественно резко этот человек мог переходить от перевозбуждённого состояния к состоянию абсолютного спокойствия и обратно. – С Вами разговаривает Алан Пасс, директор фирмы “Шатем”. Надеюсь, я не побеспокою Вас, но во время нашего последнего разговора Вы сказали, что я могу звонить Вам напрямую, если с нашей стороны вдруг возникнут какие-нибудь серьёзные вопросы.

– У меня мало времени, Алан, – спокойно, но с уловимым металлом в голосе ответил на тираду Пасса Крайтон. – У Вас возникли какие-то проблемы с проектом?

– Никаких проблем. Проект одобрен Вами и его реализация с нашей стороны остаётся в силе. Вот только наш дизайнер, Тереза Холт, которая была представлена Вам вчера, не сможет вести этот проект. Но Вы можете не переживать: в нашем штате много профессионалов, поэтому...

– По какой причине ведущий дизайнер решил уйти с проекта?

От услышанного вопроса по моей спине пробежали мурашки. Вчера я не слышала ни капли угрозы в голосе этого человека, но сегодня она была буквально осязаемой...

– Я не говорил, что дизайнер решила уйти с проекта, – заметил Алан.

– Значит, её решили снять с проекта Вы?

– Нет... Э... – Алан сдал позицию. Я видела, что он начал проигрывать. – Просто у дизайнера, который был представлен Вам вчера, возникли семейные обстоятельства, которые...

– Мистер Пасс, выслушайте меня внимательно, потому что я скажу только один раз: либо представленный Вашей фирмой мне вчера дизайнер завершит этот проект, либо я отдам его в ведение ваших конкурентов и покончим с этим. Какой вариант Вас устраивает?

Алан вцепился в меня горящими углями вместо глаз:

– Не переживайте. Тереза реализует Ваш заказ. Мы не подведём оказанное нам Вами доверие.

Я вся содрогнулась от услышанного... Нет-нет-нет!.. Это неправильный ответ! Он должен был послать Крайтона в “Don-Ton”, в “Future today”, да куда угодно, хоть в задницу, только не сдавать меня ему!..

Я едва сдерживалась, чтобы не расцепить свои скрещенные руки и ноги, и не вылететь из кабинета со скоростью пули.

– Замечательно, – в ответ на обещание Пасса раздался уверенный и явно удовлетворённый голос Крайтона. – Учтите, что я рассчитываю на Вашу фирму.

– Мы понимаем...

– Вы не понимаете в полной мере, мистер Пасс. Если Ваша фирма не оправдает моих ожиданий, в следующем году рынок не будет знать о существовании конторы под названием “Шатем”. На этом я заканчиваю этот лишённый смысла разговор. И, да, не звоните мне больше из-за подобных пустяков. Для решения такого рода вопросов у вас есть номер моего секретаря.

Резкие гудки, следовавшие за повешенной с другой стороны трубкой, разрезали пространство между мной и Аланом. Я наконец увидела, что именно запланировал Крайтон. Он желает уничтожить мою карьеру. *“Если Ваша фирма не оправдает моих ожиданий, в следующем году рынок не будет знать о существовании конторы под названием Шатем”*. Значит, он сделает всё, чтобы этот проект провалился. Он действительно решил убить мою карьеру. Вырвать с корнем, уничтожить подчистую...

В таком случае, у меня есть всего два варианта: уволиться прямо сейчас, пока всё не зашло слишком далеко, либо бороться до победного, либо фатального конца. Проблема же в принятии правильного решения заключалась в том, что по своей сути я была бойцом, хотя логика и подсказывала мне сейчас, что в этой ситуации борьба будет приравняться к неоправданному риску, если не к суициду.

Алан начал щёлкать пальцами у меня перед глазами:

– Ты меня слышишь? – он взывал ко мне взглядом, жестами, мимикой, осевшим голосом и испариной на лбу, которую он уже принялся вытирать белоснежной бумажной салфеткой. – Ты должна справиться с этим проектом! Должна! Этот проект – будущее нашей фирмы. Мы только две недели как сменили свой юридический адрес, нашли место под солнцем в этом городе. Не подводи нас под монастырь, Холт. Ты проведёшь этот проект с начала и до конца. Пойми: твой провал подобен смерти.

Глава 9

Тереза Холт

Шесть лет назад

Шесть лет назад мне был двадцать один год, я жила в Бостоне, училась на дизайнера по стипендии и параллельно учёбе подрабатывала продавцом-консультантом в фирменном салоне коктейльных платьев. Мои родители гордились тем, что я смогла добиться стипендии и, обучаясь любимому ремеслу, успевала зарабатывать достаточно, чтобы не нуждаться в финансовой поддержке с их стороны. Я тогда любила всё в своей жизни и всю свою жизнь. Откровенно говоря, больше всего в тот период своей жизни я любила именно свою временную работу. Я помогала женщинам и девушкам разных возрастов, и вкусов, находить свой образ, преобразиться и выпархивать из нашего салона на крыльях счастья. Все наши клиентки были простыми, все они были очень богаты и зачастую не менее капризны, но ни одна из них не выбралась из моих силков неудовлетворённой своим новым образом. Я чувствовала себя чуть ли не психологом тряпичного мира, хотя купить одно из тех платьев, которые я примеряла на клиенток салона, даже при своей достойной заработной плате я не могла себе позволить. В те времена я целеустремлённо копила деньги, чтобы после окончания периода своего обучения в Бостоне перебраться в Нью-Йорк и иметь возможность выстроить в этом городе-мечте свою успешную – естественно успешную! – карьеру. Возможно, со временем я смогла бы даже открыть собственную фирму...

Такие у меня в те заоблачные времена были мечты.

Почти четыре года я работала по зазубренному графику: с двух часов дня до восьми часов вечера девять месяцев в году и в летние месяцы с десяти утра до восьми часов вечера ровно. Родителей я навещала не чаще пяти раз в год: на Рождественские праздники, на Пасху, в свой день рождения и, по возможности, в дни рождения кого-то из родных. Не бывшей примерной отличницей в школьные годы, в старшей школе я так сильно размечталась о карьере дизайнера, что в итоге не просто смогла добиться стипендии в приличном колледже, но и вскоре стала одной из лучших студенток на своём курсе. Так что тот факт, что при моей привлекательной внешности с парнями у меня было глухо, для меня был совсем неудивительным и совершенно не казавшимся мне чем-то проблематичным: я в буквальном смысле с головой была погружена в интересную учёбу и любимую работу – откуда при таком плотном графике у меня мог появиться бойфренд? Естественно в моей жизни были и шумные студенческие вечеринки, и разномастные смазливые, и не очень смазливые ухажёры, но я так сильно была сосредоточена на своём независимом от кого бы то ни было образе жизни, его ритме и течении, что все ухаживания изначально страстных поклонников заканчивались двумя-тремя свиданиями – на большее у моих импульсивных ровесников не хватало терпения, потому как я не давала им даже надежды хотя бы поцеловать себя после банального похода в кино. Родители и моя старшая сестра Астрид переживали о моей сексуальной пассивности, как они в то время обозначали происходящее с моей личной жизнью, я же просто не горела желанием попробовать заняться сексом из любопытства, а парень, с которым я захотела бы попробовать это сделать, в моей жизни явно не спешил появляться. Поэтому я хорошо запомнила тот день, в который на моём пути вырос человек, кажется на всю оставшуюся жизнь сломавший мою психологию и понимание функционирования здоровых взаимоотношений между мужской и женской частями человечества.

Это произошло в конце лета, спустя ровно пять дней после моего двадцать первого дня рождения – двадцать пятого августа. Я даже знаю точное время свершения этой катастрофы, потому как четыре года к ряду я покидала салон, в котором работала, в одно и то же время –

20:05. Ровно в 20:05, двадцать пятого августа, шесть лет назад я чуть не убила Байрона Крайтона.

Он шёл по тротуару, я же выходила из салона. Он не заметил открывающейся мной стеклянной двери, а я не заметила его идущим слишком близко по отношению к ней, и в итоге с такой силой врезала ей по его лицу, что, от столкновения запрокинув голову назад, он едва не потерял равновесие. Если бы я знала, на кого наткнулась, я бы, честное слово, сняла с петель эту самую злосчастную дверь и добила бы ею его. Но я не знала, кто он есть и кем он станет конкретно для меня.

Я сразу же бросилась к пострадавшему от моей руки с извинениями, начала предлагать ему зайти в салон, чтобы приложить бутылку холодной воды к его носу, из которого, тогда к моему ужасу, сейчас же к моему вящему неудовлетворению, вытекла всего лишь одна капля крови. Но молодой человек никак не реагировал на мою панику, мои искренние извинения и активную жестикуляцию рук. Стоя прямо передо мной в оранжевых лучах закатного солнца и держась за свой пострадавший нос, парень был совершенно недвижим и смотрел на меня широко распахнутыми тёмно-зелёными глазами, словно я была какой-нибудь горгоной, обратившей его в каменную статую.

Его наваждение продлилось целую минуту. Скорее всего, его шоковое состояние было вызвано резкой носовой болью. Поняв, что он никак не реагирует на мои слова и только наблюдает за мной широко распахнутыми глазами, в которых читалось откровенное смятение, я перестала тараторить и, гулко выдохнув, тоже уставилась на него широко распахнутыми глазами. В этот момент я и составила своё первое впечатление о его внешности. Он был откровенно красивым молодым человеком: черноволосый, зеленоглазый, с широкими скулами, выше меня на полторы головы. Под его чёрной рубашкой отчётливо прослеживались мускулы, его тёмные брюки и начищенная обувь говорили о наличии у их хозяина хорошего вкуса.

– Как Вас зовут? – было первое, что он сказал мне своим грудным баритоном, который я сразу же определила мелодичным.

– Тесса... То есть... Меня зовут Тереза... Вы не сильно пострадали? Вам не больно? У Вас проступила кровь... – Я неосознанно протянула было руку к его носу, но вовремя отдернула её. Он же, смотря на меня явно оценивающим взглядом, почему-то продолжил молчать, и тогда я решила начать хоть в какую-нибудь сторону раскачивать лодку, в которой мы, по нелепой случайности, оказались вдвоём (я гораздо позже начала понимать, что случайности не случайны). – А как зовут Вас?

– Байрон, – совершенно неожиданно он протянул мне свою правую руку для рукопожатия, напрочь забыв о том, что на ней остался след от кровоподтёка, а я не заметила этого сразу и потому пожала её. Не ожидая почувствовать столь сильное ответное сжатие своей руки – я бы даже назвала эту силу напором, – я прикусила нижнюю губу, чтобы не зашипеть от хруста своих пальцев, и едва уловимо приопустила правое плечо. Заметив, что причиняет мне физический дискомфорт, мой новый знакомый резко ослабил свою хватку, но мою руку так и не выпустил на протяжении последовавшей за этим целой полуминуты. В качестве извинения от меня за нанесённый ему “урон” он попросил разделить с ним чашку кофе в кафетерии через дорогу, в котором я, бывало, баловала себя малиновым чизкейком или шоколадным мороженым. Я согласилась.

Не думаю, что то моё согласие навлекло на меня опасность. Думаю, решающим моментом всё же был именно тот, в который взгляд этого человека впервые соприкоснулся с моей кожей.

* * *

Уже спустя пару минут после нашей несуразной встречи мы заняли дальний столик на открытой террасе небольшого кафетерия, разговорились и по-дурацки разулыбались друг другу. Вспоминая теперь, как я тогда смеялась с каждого его хотя бы мало-мальски забавного высказывания, я стыжусь того, какой наивной дурочкой я наверняка выглядела в его глазах. Интересно, если бы я не превращалась в мямлющую и смущённо улыбающуюся идиотку при каждом его задержанном взгляде на моём лице или моих руках, избегла бы я его губительного внимания к своей персоне? Я часто задаюсь похожими вопросами, касающимися альтернативного развития событий в моей жизни относительно конкретно этого момента, но все эти вопросы не имеют ответов. В итоге случилось именно то, что случилось: в один из последних вечеров уходящего лета того года Байрон Крайтон мной заинтересовался. И неважно в какой момент, неважно по какой из сотен возможных причин, важно лишь то, что это произошло, и то, что я позволила этому произойти.

В тот первый вечер он много что рассказывал мне об окружающем нас мире и мало говорил о себе. Я узнала лишь, что он работает менеджером в какой-то автомобильной компании, при этом не имея собственного автомобиля, и что он старше меня почти на пять лет. Не помню, что я рассказала ему тогда о себе, да это и не важно. Однако важно то, что на следующий вечер мы вновь встретились за чашкой кофе в том же самом кафетерии и на сей раз провели в нём на час дольше, чем в предыдущий вечер.

Так прошли наши четыре первых свидания, хотя на тот момент я смутно понимала, что подобные встречи за чашкой кофе можно обозначать как свидания, однако именно таковыми они и являлись. Ровно в 20:05 я выпархивала из стеклянной двери салона, в котором всё ещё работала, и устремлялась к кафетерию через дорогу, на террасе которого, за самым отдалённым столиком меня уже поджидал Байрон Крайтон. Каждая наша последующая встреча незаметно растягивалась на час дольше предыдущей, после чего этот обезоруживающе красиво улыбающийся парень пешком провожал меня до моего студенческого кампуса, до которого было два километра пути.

В конце пятого совместно проведенного вечера мы поцеловались.

Уже в конце третьего свидания меня начинали терзать смутные сомнения относительно того, почему этот странный парень с загадочным взглядом и умопомрачительной улыбкой не проявляет ни малейшего намёка на желание сблизиться со мной физически, поэтому когда он вдруг поцеловал меня посреди пустынной каштановой аллеи, почему-то решив пропустить момент с держанием за руки и прочие обычно предшествующие поцелуям пункты, я растерялась, но в итоге ответила на его поцелуй. Следующие за этим шесть вечеров мы были заняты тем, что целомудренно целовались на лавочке в самом тёмном углу Бостон-Коммон, а на седьмой вечер меня совершенно неожиданно, спустя почти пять лет образцовой работы, уволили из салона. Дочери владельцев салона, недавно вернувшейся из Сент-Луиса с мужем и малолетним ребёнком, необходимо было рабочее место, в результате чего владельцы салона не придумали ничего лучшего, чем для решения столь нехитрой задачи лишить рабочего места своего единственного работника, не связанного с ними родственными узами – меня. Мы, конечно, расстались на доброжелательной ноте, было очевидно, что и владелице салона, и её дочери было неловко увольнять меня спустя столько времени кропотливой работы бок о бок, да ещё и по столь щепетильной причине, но я тогда всё равно очень сильно расстроилась из-за свершившейся несправедливости...

В тот вечер я по телефону рассказала уже считавшемуся моим бойфрендом Байрону о причинах своего расстройстве и отказалась от заранее запланированной встречи с ним, а уже спустя два часа, примерно около десяти часов вечера, он без предупреждения объявился на

пороге моей комнаты. Он сказал, что его пропустила консьержка, с которой я в те времена водила дружбу, завязавшуюся на фоне инцидента с её померанским шпицем: однажды я спасла её собачонку от клыков питбуля, принадлежавшего одному из студентов. Агрессивный пёс явно хотел сожрать раздражившую его блоху, но я вовремя схватила этот неведомый мне клочок белого пуха в руки и не дала питбулю вцепиться в него клыками, хотя тот угрожающе лаял на меня и явно угрожал мне не меньше, чем этой несчастной собачонке. Байрон сказал, что договорился с консьержкой посредством коробки конфет, но на самом деле он подкупил старуху деньгами. Впрочем, это была не первая и далеко не единственная ложь, которой он к тому времени напичкал меня, словно раскрытый блин кленовым сиропом. Я же в то время каждое его слово воспринимала за чистую монету, ни на секунду не ставя под сомнение ни малейшую деталь, произносимую его завораживающим баритоном. Я верила ему, как никому и никогда до него. Потому что я влюбилась в него. По-честному. Я тогда всё делала по-честному. Была для этого человека открытой книгой. Нет, даже не книгой, а открытым альбомом для рисования с кристально-чистыми листами – рисуй в нём что твоей душе будет угодно... Иными словами: я оказалась обычной, то есть миловидной и наивной девочкой, каких в мире миллионы. Правда тот факт, что я не одна в своём роде по типу своего идиотизма, меня до сих пор никак не утешает и даже расстраивает.

В общем, в тот вечер, в который меня уволили и в который Крайтон подкупил консьержку моего кампуса, я потеряла нечто большее, чем одну лишь любимую работу. Я потеряла разум. Ну и заодно, как это зачастую следует сразу за потерей разума, я потеряла и невинность.

Всё началось с того, что он обнял меня, продолжилось тем, что он отёр с моего лица парочку предательских слезинок и произнёс утешительные слова о том, что в моей жизни ещё будет много любимых работ, если я этого только пожелаю, и наконец закончилось тем, что он раздел меня до гола. Вернее, всё закончилось спустя примерно час, когда он наконец слез с меня. Я не сказала ему, но он сам сразу понял, что я оказалась девственницей. В какой же восторг он пришёл от столь неожиданного факта! Казалось, он поверить не мог в то, что девушка с моей наружностью, умом и душевной красотой, как он тогда выражался, в свои двадцать один может быть целомудренной. В ту ночь он в принципе много говорил, что прежде за ним не водилось, и большую часть его размышлений вслух занимала именно та часть, которая касалась моей невинности. Он что-то говорил о том, что теперь *я навсегда буду только его*, что он никогда меня не отпустит, на что я реагировала безвольной улыбкой и всё слушала, слушала, слушала... Моя соседка по комнате тогда съехала со своим парнем, так что мы не переживали о вторжении в наше пространство посторонних и в итоге всю ту ночь провели вместе. Мы занялись сексом ещё дважды, и в перерывах между этими раундами я слушала сладкие речи мужчины о его пылкой страсти или дремала у него на плече. Это была замечательная ночь. Конкретно в тот момент. Сейчас же она мне кажется очередной болезненной пощёчиной.

В следующий раз мы переспали в недорогом отеле, плату за номер в котором мы разделили напополам, и эта ночь по ощущениям показалась мне не менее прекрасной, чем наша первая и оттого самая незабываемая ночь. Так я поняла, что опасно быстро приистрастилась не столько к самому сексу, сколько к обнажённой душе и обнажённому телу этого малоизвестного мне мужчины. Но неизвестность продлилась недолго...

Для третьей ночи всепоглощающей страсти Крайтон пригласил меня в необычное место. Всё началось с того, что я позволила ему завязать себе глаза чёрной повязкой, после чего он усадил меня в какую-то машину, что мне сразу же показалось странным, так как на тот момент я знала наверняка, что у моего бойфренда нет никакой машины. По игре ветра в моих волосах я поняла, что мы едем с открытым верхом, но куда именно Байрон желал доставить меня

– заранее я так и не смогла выяснить у него. По пути, предположительно останавливаясь на светофорах, он брал меня за руку и, говоря нежные слова любви, целовал меня в неё. В ответ на эти нежности я позволяла себе глупо хихикать, словно была пятилетней девчонкой, испытывающей щекотку от дуновения ветра...

Мы остановились. Он помог мне выйти из машины. По отчётливому эху, производимому при каждом моём шаге, я понимала, что мы, скорее всего, находимся в помещении с высоким потолком. Как я позже поняла, это была подземная парковка...

Он уверенно вёл меня в неизвестном направлении около минуты, потом мы, очевидно, зашли в лифт, долго поднимались вверх, после чего снова куда-то шли. На протяжении всего пути он говорил мне о том, что любит меня, о том, как я красива, просил меня расслабиться... В общем, он делал всё, чтобы с моего лица не сползала глупенькая улыбочка. Помню, в лифте он целовал меня в губы...

Вскоре мы зашли то ли в номер отеля, то ли в квартиру – с завязанными глазами я не могла определить точно, но по махровому ковру, который я почти сразу ощутила под своими ногами, я поняла, что мы пришли в жилое помещение. Байрон помог мне снять туфли, после чего повёл дальше. Спустя примерно полминуты после попадания в это помещение он наконец снял с моих глаз повязку, но я, взбудораженная от предвкушения перед неизвестным, совершенно ничего не увидела. Сначала я испугалась безумной мысли о том, что, по неизвестной мне причине, я вдруг ослепла, но вскоре я начала различать расплывчатые силуэты предметов в совершенно чёрной комнате, посреди которой мы оказались. Я поняла, что нахожусь в неосвещённой спальне с занавешенными тяжёлыми шторами окнами, за которыми разливалась глубокая ночь, так что с облегчением выдохнула, осознав, что моё зрение меня всё же не подводит.

– Я ничего не вижу, – почему-то шёпотом заговорила я. – Может быть включишь свет?

Он проигнорировал мою просьбу, вместо ответа начав меня целовать. Следующие его слова стали для меня совершенной неожиданностью. Он спросил: “Ты меня любишь, Тесса?”.

Кажется, даже темнота не смогла скрыть моей растерянности. Ритуал признания в любви друг к другу свершился между нами ещё до нашего первого секса, причём первым признавшимся в этом пламенном чувстве был именно он. После мы регулярно говорили друг другу слова любви и открыто признавались в своих чувствах, но до сих пор он не вынуждал меня сказать о подобном до того, как я сама захотела бы это сделать, тем более он никогда не обрывал наших поцелуев вопросами. Из-за этого момента моя настороженность вдруг заметно усилилась.

– А ты меня любишь? – вместо ответа задала свой вопрос я, вдруг прекратив понимать, отчего именно моё сердце в этот момент вдруг начало колотиться так часто: от страсти, от новых ощущений или от страха. Но откуда вдруг мог закрасться в мою душу страх? Перед чем?.. В тот момент я не понимала этого.

Крайтон положил свою горячую ладонь на моё явно пылающее лицо, жар которого в окружающей нас темноте он мог лишь ощутить, но не увидеть. Пригнувшись к моим губам и упершись своим лбом в мой, он проговорил тихим шёпотом, и сладкий аромат его дыхания обдал моё пылающее лицо:

– Я всем сердцем люблю тебя, Тесса.

– И я тебя люблю, Байрон, – на сей раз мой голос отчётливо задребезжал. Мне явно становилось не по себе и, я уверена в этом, он почувствовал это. Потому что после моих слов он прекратил тянуть резину. Обняв меня за талию, он приподнял меня и направился со мной куда-то вперёд. Уже спустя несколько секунд я вскрикнула от страха перед падением, но за моей спиной оказалась всего лишь кровать.

– Ты чего? – ухмыльнулся где-то рядом с моим ухом мужчина, слегка придавивший меня своим тяжёлым телом.

– Послушай, это всё как-то жутковато... Давай включим свет?

– Ты мне не доверяешь? – на сей раз он отчётливо засмеялся где-то напротив моего лица.

Он всё ещё придавливал меня своим весом, так что я не могла даже пошевелиться.

– Доверяю, – попыталась в ответ улыбнуться я, но, кажется, у меня получилось не очень искренне.

– Тогда расслабься...

Он снова начал меня целовать и... Через какое-то время я действительно расслабилась. В итоге мы занялись сексом в крошечной темноте, в которой я едва могла рассмотреть очертания своего партнёра. Это был хороший секс, я искренне отдавалась тому, кого любила и, как мне казалось, тому, кого знала.

В этот раз Байрон был очень хорош. Мне даже казалось, будто он с каждым разом становился всё более и более внимательным в процессе, и одновременно всё более страстным. Когда всё закончилось, я удовлетворённо и мирно заснула на его груди под мерными поглаживаниями его ладонями моих плечей и головы. И всё было хорошо, и даже замечательно. А потом наступил рассвет и, раскрыв глаза, я увидела место, в котором проснулась.

Глава 10

Пейтон Пайк

02 октября – 08:35

Вскрытие показало отсутствие следов насилия у убитой. Также жертва не была ограблена и на момент убийства не находилась под действием алкогольного, наркотического или любого иного токсического опьянения.

Вопрос, который вспорол пространство между этой жертвой и другими возможными жертвами Больничного Стрелка, был слишком нестандартным и наверняка имел нестандартный ответ, который ни я, ни Арнольд, никто другой всё ещё не видел...

Зачем убийца передел жертву?

Глава 11

Тереза Холт

Шесть лет назад

Проснувшись, я не сразу поняла, где именно нахожусь. Когда же я не увидела рядом Байрона, я начала вспоминать детали прошедшей ночи и потому стала активно осматриваться. В комнате, в которой я проснулась и которую теперь могла свободно рассмотреть при свете пасмурного дня, льющегося из-за газовых тюлей, освобожденных из-под пластов тяжелых штор, было что-то не так. И я достаточно скоро поняла, что именно меня так остро смутило: комната была люксовой. Никогда прежде я не находилась в обстановке неприкрытой роскоши, поэтому вдруг очутившись в её эпицентре почувствовала себя обнажённой в самом буквальном смысле: я походила на воровку, забравшуюся ночью в пятизвёздочный отель с целью его ограбить, но так сильно увлекшуюся его роскошью, что в итоге задержалась и не заметила, как уснула на шелковых простынях. В голове у меня была абсолютная неразбериха, и Байрона не было рядом, чтобы объяснить мне, откуда у него деньги на подобный номер, и почему ночью ему так остро необходима была темнота? Если он решил потратить свои сбережения на самый роскошный номер в самом роскошном отеле Бостона, зачем закрывать мне глаза? С не меньшим успехом мы могли бы заняться сексом и в трехзвёздочном отеле – я бы разницы точно не обнаружила. По крайней мере, до рассвета.

Чувствуя дискомфорт от непривычной моей натуре обстановки, я поспешно спрыгнула с высокой постели – точнее соскользнула с её шёлкового убранства – и начала поспешно одеваться. Натянув на себя джинсы и застегнув на них ремень, я не нашла своей рубашки ни на кровати, ни под ней, зато вдруг заметила рубашку Байрона, беспорядочно повисшую на спинке необычного в своей красоте кресла. Факт нахождения этого предмета мужского гардероба в комнате успокоил меня дважды: во-первых, раз рубашка Байрона здесь, значит и он сам должен быть где-то неподалёку – ведь не мог же он уйти полуголым? – а во-вторых, я не оставалась без верхней одежды.

Схватившись за успокаивающую мои нервы рубашку, уже в следующую секунду я вдруг замерла от шока: на столе, перед которым располагался стул с рубашкой Байрона, стояла фотография в изящной серебристой рамке, украшенной тремя большими белыми камнями. Не веря своим глазам, я машинально потянулась к неожиданной находке и, взяв её в руки, начала рассматривать её с таким вниманием, словно впервые видела, хотя это было не так. Эту фотографию я уже видела в своей жизни и не единожды. В середине мая того года её сделала моя лучшая подруга Рина Шейн, уже пару лет владеющая фотосалоном в Роаре. На этом снимке улыбающаяся я, в ослепительном розовом платье, которое я за всю историю его пребывания в моём гардеробе в итоге надела всего раз, позировала на фоне буйно цветущего дерева с раздвоенным стволом. Роскошная фотография, пожалуй даже одна из лучших в моей жизни, но... Я её не дарила Байрону. Более того, этот снимок я даже не выставляла в своих социальных сетях, где он, предположительно, мог бы достать мои фотоснимки, если бы он добавился в список моих друзей, но он утверждал, что не ведёт страниц в социальных сетях, а я не проверяла этого утверждения, так что... Откуда?!..

Продолжая в одной руке удерживать фотоснимок, а во второй рубашку, я поспешно начала оглядываться по сторонам, на сей раз желая разглядеть детали места, в котором оказалась. Платяной шкаф был слегка приоткрыт, так что я сразу рассмотрела висящие в нём галстуки. На столе лежала необычная ручка-перо с гравировкой “Б.Р.Крайтон”. Позади меня стоял деревянный комод, явно выбивающийся из общей концепции интерьера – столь неподходящую, старую и потёртую вещь ни за что бы не установили в номере пятизвёздочного отеля...

Поспешно набросив на себя рубашку Байрона и запахнувшись, я выглянула в окно и сразу же поняла, что я права в своих предположениях – я нахожусь не в отеле. По крайней мере, не в самом лучшем отеле, который имелся в Бостоне. Однако вид на знакомый мне залив был лучшим, что я видела в этом городе, значит я определённо точно всё ещё находилась в пределах Бостона... И всё же это был явно не отель.

Отстранившись от окна, я начала поспешно застегивать рубашку на себе и вдруг, по не попадающим в петли пуговицам поняла, что мои руки, почему-то, трясутся.

– Тесса? – от неожиданно и громко прозвучавшего в пространстве моего имени я инстинктивно подпрыгнула на месте, и прекратила застёгивать непослушные пуговицы, странно пришитые не к привычному мне развороту. – Почему ты так рано проснулась?

– Что это за место? Куда ты меня привёл? – неприкрыто напряжённым тоном отозвалась я, после чего машинально продолжила застёгивать пуговицы надетой на меня рубашки, на сей раз даже не смотря на них.

– Как насчёт завтрака, а после ответов?

По его голосу я поняла, что он напряжён не менее меня, может быть даже более, что сразу же напугало меня ещё сильнее. Сделав пару поспешных шагов по направлению к столу, я взяла с него рамку с вставленным в неё моим фото и указала этим предметом в направлении стоящего в дверях комнаты Байрона.

– Откуда у тебя эта фотография?

Тяжело выдохнув, он расцепил свои сильные руки, до сих пор лежавшие накрепко скрещенными у него на груди, и подошёл ко мне. Пристально глядя на меня, он забрал из моих рук фоторамку и, подождав пару секунд, дотронулся одной из выбившихся прядей моих расчёпанных волос, и заправил её мне за ухо. Всё это время я не шевелилась и не моргала, чтобы случайно не выдать своё зашкаливающее переживание, которое, как я понимала, для Байрона было очевидным и без лишних телодвижений с моей стороны.

– Какая же ты красивая, – своим фантастическим баритоном произнёс он, но эти слова не были ответом ни на один из моих вопросов. Вдруг опустив свой взгляд на фото в своих руках, он наконец решил начать отвечать. – Эту фотографию я нашёл у твоей подруги, кажется её зовут Рина. Она разместила её на своей профессиональной странице в социальной сети.

– Но ведь ты говорил, что у тебя нет аккаунтов в социальных сетях.

– Я солгал тебе, Тесса. И, боюсь, не единожды...

Именно с этой фразы с моих глаз впервые попыталась слететь маразматическая пелена слепой влюблённости. Именно с этой фразы начала раскрываться первая правда. Как роза, постепенно распускающаяся листок за листком, она должна была рано или поздно распуститься вся, окончательно и бесповоротно, чтобы ударить своим резким ароматом в нос, чтобы вызвать силой своего пьянящего аромата головную боль, и чтобы после отцвести, превратиться в ничто, в прах и пепел. Но что сегодня выжженное пепелище привычной экосистемы, то завтра благодатная почва для новых видов и форм жизни. Сегодняшний пепел – завтрашняя благодать.

* * *

Байрон Крайтон оказался не тем, за кого он выдал себя в момент нашей первой встречи. Он не был тем, с кем, как я думала, я ходила на свидания, с кем целовалась, кому позволяла держать себя за руку, и не был тем, с кем я бездумно быстро легла в одну постель. Имя было тем же, но личность... Личность отличалась настолько кардинально, что эта разница резала и глаза, и душу.

Он рассказывал правду уверенно и последовательно, что подтверждало мои догадки о том, что к этому разговору он готовился заранее. Я же, слушая его речь с широко распахнутыми глазами и слегка приоткрытым от шока ртом, совершенно не была готова к столь крутому повороту. И поплатилась за это. Моя растерянность в тот ответственный момент в итоге дорого обошлась мне в будущем.

Байрон Крайтон не был заурядным менеджером в штате преуспевающей автомобильной компании. Он был вице-президентом некой компании, специализирующейся на производстве эксклюзивной мебели. Тогда он не назвал наименование упомянутой компании, а я не поинтересовалась хотя бы ради уточнения, да и тогда это название всё равно бы ничего мне не сказало: о “Coziness” в США в то время мало что было известно. Но если бы я узнала тогда название этой компании, я бы наверняка запомнила его и уже в настоящем времени не попала бы в эту нелепую ситуацию с заказом по гостевому дому. Только сейчас я поняла, что даже дозировку и ракурс правды Крайтон тогда предусмотрел для меня, как знающий аптекарь или опытный астроном. Я знала её и не знала одновременно. Он – вице-президент мебельной компании, но какой? Где, в случае чего, я смогла бы его отыскать? По каким ниточкам? Как позже выяснилось, этих ниточек вовсе и не было... Голая правда, облачённая в одеяние, сотканное исключительно из призрачных нитей.

Услышав первую же правду, я, сев на край кровати, посмотрела на признавшегося во лжи и наконец заговорила:

– Ты богат. Но зачем ты соврал мне? Для чего скрывал свой статус? До сих пор я всерьёз считала, что у тебя даже собственного автомобиля нет...

Мой голос и несвязная речь с потрохами выдавали мою растерянность. Я прокручивала в голове мельчайшие детали: мы расплачивались в кафе и за отель напололам – он ни разу не угостил меня. Более того, я только теперь заметила, что до сих пор он не оказал мне даже минимального, стандартного для мужской стороны внимания в материальном виде. Ухаживающие за девушкой парни обычно дарят своим избранницам шоколад или какие-нибудь безделушки, в конце концов цветы. Байрон же до сих пор не преподнёс мне не то что ни единой безделушки, с которой я могла бы таскаться повсюду и которой могла бы хвастаться перед подружками, но даже захудалым букетиком, хотя бы одной-единственной ромашкой меня не одарил. Это ведь ненормально... Наверное... Как я до сих пор об этом не задумалась? Почему не заметила?..

– Тесса, выслушай и пойми меня, пожалуйста, – присев напротив меня на корточки, он вдруг взял обе мои руки в свои. – Я солгал тебе, причём сделал это в самом начале наших отношений. Мне жаль, что мне *пришлось* это сделать, и я приношу тебе свои искренние извинения за этот обман, но, пойми, по-другому я *не мог* поступить, – он смотрел не на меня, а буквально в меня своими фантастическими зелёными глазами.

– То есть, если бы ты мог вернуться в прошлое, ты поступил бы точно так же? – я пыталась понять... Пыталась-пыталась-пыталась... Но, несмотря на свои усердные старания, всё равно в итоге промахнулась.

– Да, – не колебаясь ни секунды дал однозначный ответ он, и в эту же секунду мои безвольные ладони, всё ещё лежащие в его горячих руках, сжались в кулаки.

– Объясни, – я не просила – я требовала.

Он с ещё большей силой сжал мои кулаки, словно желал, чтобы я их разжала:

– До встречи с тобой я не видел возможным выстроить с кем-либо серьёзные отношения, тем более завести семью... – слова о семье мгновенно смутили меня – как мне казалось, мы были откровенно далеки от той стадии, на которой о подобном в принципе можно было бы начать размышлять. Тем временем он продолжал. – Все встречающиеся на моём пути девушки падали на моё богатство и статус, и я тоже плевал на составляющие части их душ, но ты... С тобой я ни при каких условиях не мог позволить себе начать не с души. Увидев тебя в первый раз, я думал, что взрыв в моей голове вызван разбитым тобой моим носом. Мне понадобилась

целая минута – целая вечность, чтобы понять, что всё не так поверхностно, что всё глубже, и что с тобой я должен смотреть дальше своего носа, – он ухмыльнулся одной из тех своих коронных улыбочек, от которых моя душа замирала или переворачивалась с головы на ноги. Сейчас моя душа замерла в своей осторожности. – Я тебе ещё не говорил этого, но то, что между нами – это любовь с первого взгляда. По крайней мере с моей стороны. Я влюбился в тебя, Тесса, в момент, когда впервые увидел омут твоих глаз. Ты тогда так испугалась за мой нос, что я мог тонуть в твоём омуте бесконечно...

Я заулыбалась. Размякла. Я всё ещё была влюблена. Чувство влюблённости порой не вырвешь из груди даже правдой. Крайтона в тот момент слушала не трезвая я, а опьянённая ядом чувств, совершенно другая я. Будучи пьяной, я слушала его, но пропускала странности, которые видела, а может даже и пропускала мимо ушей гораздо большие подозрительные вещи. Не в тот момент, а непростительно гораздо позже я поняла, что из-за розовых очков влюблённости, затмивших моё внутреннее зрение, я допустила череду предопределяющих мою дальнейшую судьбу ошибок. Я просто не заметила очевидного. Передо мной возник вовсе не сказочный принц на чёрном мерседесе. Передо мной был самый обыкновенный, каких масса, обманщик, под очаровательной внешностью и завораживающим голосом которого пряталась совершенно заурядная, однако страшно ядовитая правда. Но в тот момент я рассудила следующим образом: то, что он солгал мне – правда, но наша любовь мне кажется правдивее. В тот момент я ошиблась. Я страшно-страшно-страшно ошиблась. Правдивее в итоге оказалась его ложь, а вовсе не мои иллюзии.

* * *

Все последующие наши встречи происходили исключительно в его апартаментах. Первые недели я всё ещё была напряжена до предела из-за резкой перемены в лице своего бойфренда: прежде он был едва ли не самым бедным из всех парней, которые когда-либо ухаживали за мной, теперь же он был до неприличия богат, в то время как я оставалась собой. И моё напряжение лишь подпитывалось чрезмерными попытками Байрона расслабить меня: роскошные ужины при свечах, огромные букеты роз, невероятные платья из натурального шёлка – всё это ввергало меня в пучину непривычной мне обстановки, из-за чего рядом со своим парнем я вдруг начала на постоянной основе чувствовать себя не в своей тарелке. Порой даже я чувствовала себя в буквальном смысле тусклой, если не сказать посредственной, на фоне того блеска, который разливался и отражался от выбравшего меня мужчины. Психологическое давление было ужасным, но в итоге я его по чуть-чуть переборола, решив, что этот парень стоит моей борьбы с собой же. Но и на это моё решение прямым упором повлиял именно Байрон. Возможно, он замечал мои страдания, вызываемые диссонансом, который представляли наши два совершенно полярные друг другу, но вдруг столкнувшиеся лоб в лоб мира, поэтому он решил что-то предпринять и сделать это максимально быстро, пока нить моего терпения ещё не лопнула, после чего я неизбежно начала бы отдаляться от него, что вполне могло бы закончиться разрывом наших тогда ещё только начинающих отношений. Я была растеряна, поэтому тогда мне показалось, что таким образом он пытается в быстром порядке предоставить мне почву под ногами, равновесие, необходимое для здорового развития наших странных отношений, но сейчас я понимаю, что и тогда он лишь пользовался моей уязвимостью. Он предложил мне съехаться. Переехать к нему. Прошло всего лишь две недели с момента нашего знакомства, одна неделя с момента обнародования той части правды, которую он захотел мне предоставить. Я его окончательно перестала понимать... Он говорил, что безумно влюблён в меня, а я смотрела в его глаза и не понимала... Мне и вдруг съехаться с мужчиной?! Шок сменился веселем. Потому что такое предложение могло меня позабавить и только. Естественно я отказа-

лась, но я не ожидала того, что этот вопрос станет для Байрона столь острым. Он неожиданно чрезмерно сосредоточился на том, что “его женщина должна жить с ним”, однако он упускал из внимания тот момент, что подобный напор меня хотя и веселил, но и нешуточно пугал. В итоге, в один из бурных вечеров, он заставил меня пообещать ему, что я подумаю над этим его предложением, но шло время, его напор не ослабевал, а моё нежелание трогаться с места никуда не уходило. Было совершенно очевидно, что я не хотела торопить развитие событий, Байрон же напротив буквально с головой ушёл в непонятный мне марафон. Он словно гнался за чем-то, чего я никак не могла рассмотреть и, соответственно, понять... Однако в итоге я, конечно, всё поняла. Просто слишком поздно.

* * *

Для того, чтобы ускорить процесс моего соглашения жить с ним, Байрон решил начать пичкать меня информацией о себе и своей жизни, до сих пор бывшей покрытой для меня завесой тайн. Так я в достаточно сжатый срок узнала достаточно сжатую информацию о его семье: его семья богата, отец является основателем успешного мебельного бизнеса в Канаде, а он, как наследник компании и правая рука отца, пытается распространить успех семейного бизнеса на территорию США, из-за чего и прибыл в Бостон в начале лета – проверив потенциальную, целевую аудиторию, он пришел к выводу, что этот город отлично подходит для старта реализации его смелой затеи, в результате чего решил обосноваться здесь до тех пор, пока не “добьётся успеха на малых территориях”, после чего он рассчитывал взять Нью-Йорк. Помимо бизнеса и отца, у него ещё имелись мать и сестра. Сестра была старше него на три года, и благодаря тому, что пару лет назад она вступила в благополучный брак с неким известным канадским банкиром, Байрон уже год как являлся счастливым обладателем очаровательной племянницы, фотографий которой у него на телефоне было в десять раз больше, чем собственных. Взамен на эти откровенности я рассказала ему о своей семье: у меня есть родители, старшая единородная сестра, от которой у меня имеются уже взрослые племянники, оба парни, и ещё у меня есть старший брат, от природы получивший карликовость, из-за чего его рост составляет всего сто сорок сантиметров. Так как Байрон поделился со мной рассказом о своих тёплых отношениях со своей сестрой, я тоже рассказала ему о своей крепкой связи с Астрид и Гриром. То были времена обмена информацией, моменты сближения, проникновения в прошлое и понимания настоящего... Так мне казалось и потому неудивительно, что я в итоге расслабилась. Когда думаешь, что узнаёшь в человеке близкую душу, это может расслаблять...

Я хорошо помню даты, связанные с Байроном. Потому что все они каким-то странным образом совпадали с каким-нибудь отдельно значимым для меня событием.

Впервые я увидела мать Байрона первого ноября – она приехала на следующие сутки после дня рождения Байрона, чтобы поздравить его с двадцать шестым годом его жизни. Ни я, ни, как сразу же выяснилось, сам Байрон – никто не ожидал её появления, и потому всё с первого же момента нашей встречи пошло комом.

Тридцать первого октября мы с Байроном не смогли провести весь день вместе, виной чему были какие-то его срочные дела в его всё ещё остающемся для меня смутно понятном бизнесе, зато весь вечер и всю ночь мы провели вместе. В честь его дня рождения я подарила ему дурацкую фенечку, на плетение которой у меня ушло без малого двое суток, шоколад в форме сердец, тоже собственного приготовления, и ещё чудовищно дорогие запонки, купленные мной в ювелирном салоне “RioR” – эти мелкие побрякушки обошлись мне в целую месячную зарплату! Идя на такую серьёзную затрату при отсутствии работы, я вынуждена была вычестить необходимую сумму из сбережений, которые откладывала на протяжении четырёх лет, и потому заранее прозондировала почву для столь рискованного подарка: я видела, что у Бай-

рона имеется целая коллекция запонок и зажимов для галстуков, большая часть которой принадлежала именно бренду “RioR”, но я даже не подозревала, сколько подобные безделушки могут стоять...

Больше всего ему в итоге понравилась фенечка.

Той ночью мы пили вино, закусывали моим шоколадом, который, к моему удивлению, у меня получился очень даже недурно, и позже занимались сексом. Помню, что я засыпала под слова Байрона о том, что он жалеет, что познакомился со мной уже после моего дня рождения – он обещал мне, что в следующем году устроит в честь этого знаменательного дня такой праздник, о котором я всю свою жизнь буду помнить... И ведь в итоге он почти сдержал своё обещание.

На следующее утро мы проснулись одновременно, но постель покинула первой я. В который раз надев на себя очередную рубашку Байрона, я сонно поплелась в сторону уборной, но вдруг остановилась посреди гостинной из-за неожиданности, поразившей меня, словно гром среди ясного неба: посреди комнаты стояла неизвестная мне женщина. На вид ей было лет пятьдесят пять, она была немногим выше меня, её коротко стриженные волосы были пепельными от седины, а глаза такими светло-голубыми – казалось, они способны были пронзить до самых костей, – что я сразу поняла, что она носит контактные линзы. На женщине был надет белый кардиган, вся же остальная её одежда, включая массивные и оттого очень броские браслеты на тонких запястьях, была выполнена в тёмно-сером цвете. Даже небольшой чемодан на колесиках, который стоял позади неё, тоже был серым.

Ситуацию почти сразу прояснил Байрон. Выйдя из спальни с голым торсом, он удивлённым тоном произнёс одно-единственное слово, мгновенно пригвоздившее меня к полу: гвоздём стало слово “мама”.

Машинально оттянув на себе мужскую рубашку, опасаясь того, что она может недостаточно прикрывать моё нижнее бельё, я сразу же почувствовала, как краска начинает заливать моё лицо.

– Что ты здесь делаешь? – начал попытки разругать ситуацию Байрон.

– Приехала поздравить своего любимого сына с его двадцать шестым днём рождения, – отозвалась дама в сером, и по её тону, в котором одновременно звучали металл и усмешка, и по её величественному взгляду, с первой секунды начавшему прибавлять меня к паркетным половицам, я поняла, что я ей не понравилась.

– Познакомься, мама, это Тесса, – подойдя ко мне сзади, Байрон, явно улыбаясь, нескромно обнял меня сзади. – Моя девушка.

– Да, я вижу, что это девушка, а не парень. И на том спасибо.

Словив её взгляд на моём чрезмерно открытом декольте, я инстинктивно прикрыла зазор ладонью, второй рукой всё ещё продолжая оттягивать подол рубашки куда-то вниз. Уже по её словам, по их тону, но больше всего по её взгляду я поняла, что в тот момент она увидела во мне чуть ли не проститутку. Поэтому, когда она никак не отреагировала на мою протянутую для рукопожатия руку, я совершенно этому не удивилась.

В то утро я поспешно оделась и, несмотря на уговоры Байрона остаться, вылетела из квартиры, словно выпущенная из ствола пуля, которую было не остановить, но уже вечером мне пришлось вернуться назад в дуло своего пистолета, потому что Байрон организовал у себя ужин, тем самым желая если не расположить свою мать ко мне, тогда хотя бы познакомить нас друг с другом получше. Помню, как сильно тряслись мои поджилки перед тем ужином и как все мои страхи к его завершению оправдались. Единственным разом, когда эта женщина обратилась ко мне напрямую, был момент, когда в самом начале ужина она попросила меня обращаться к ней по имени, но Лурдес так и не дала мне ни единого повода или шанса сделать этого. Она разговаривала с Байроном исключительно на те темы, которые я никак не могла поддержать – его работа, его университетские друзья, его отец и семья его сестры – а когда он

пытался выручить меня и остановить успешные попытки матери игнорировать меня, она просто начинала игнорировать и его тоже. Кажется, будь у неё в тот момент возможность, она бы заморозила меня своим высокомерным безразличием, после чего толкнула бы моё застывшее тело, чтобы оно разбилось на миллионы непригодных к повторному сбору осколков. Помню, что я её не винила. Я предполагала, что, возможно, Байрон ей просто плохо объяснил, какие именно у нас с ним отношения... Так я считала в тот момент. И, соответственно, потому могла понять позицию Лурдес: какой матери было бы приятно ужинать в компании легкомысленной девицы, разгуливающей по квартире её сына полуголой, которую, возможно – не возможно, а наверняка – её сын имел прямо на этом самом столе, за которым она теперь вынуждена была терпеть присутствие этой самой, уже одетой, девицы?... И всё равно меня задела столь ярко выраженная неприязнь.

– Твоя мать никогда меня не полюбит, – уже спустя пятнадцать минут после окончания ужина, констатировала я. Мы с Байроном сидели в его спортивном ауди, припаркованном напротив моего кампуса – он наотрез отказался отпускать меня одну, дабы самому составить компанию матери в игре в бридж, как того хотела она. Уже сам тот факт, что он при моём присутствии пошёл против её желания, не задумываясь предпочтя мою компанию её, не предвещал мне радужного будущего в общении с этой женщиной, скулы которой как будто бы стали ещё глубже, стоило ей только услышать от сына слова: “Я с удовольствием составлю тебе компанию, но только *после* того, как провожу Терезу”.

– Ей придётся тебя полюбить. Ты ведь моя женщина. – Вот что он ответил мне тогда, не забыв при этом скрепить свои слова поцелуем.

Всю следующую неделю мы не виделись. С момента нашей первой встречи мы расставались максимум на двое суток, так что разрыв в целую неделю неожиданно стал для меня не просто ощутимым, но даже болезненным. Мы активно переписывались в мессенджере по два-три часа каждый день и по ночам часами разговаривали по телефону, но мне этого явно не хватало и, как утверждал Байрон, он тоже страдал от не меньшей ломки. Мы встретились ровно спустя семь дней и семь ночей, когда Лурдес наконец отбыла обратно в Канаду. Наше воссоединение было настолько страстным, что я до сих пор помню, как в последующую неделю мои колени тряслись и подгибались от бессонных ночей. Помню, в ту же неделю мы несколько раз гуляли по засыпанной опадающей пёстрой листвой, изогнутым дорожкам парка и однажды забрели в передвижной тир, где Байрон ради меня с первых же попыток выбил десять из десяти мишеней пять раз к ряду, в результате чего ошарашенный такой удивительной меткостью владелец тира с радостью вручил мне огромного коричневого медведя, размером бывшего почти с меня, в сомкнутых лапах которого красовалась его уменьшенная копия. В тот день Байрон Крайтон едва не уговорил меня съехаться с ним “окончательно и бесповоротно”, как он выразился. Лучше бы я согласилась тогда... Быстрее бы всё закончилось.

Глава 12

Тереза Холт

Пять лет назад

В следующий раз я встретила с Лурдес пятого января.

Числа с тридцать первого декабря по третье января того года я запомню навсегда: я провела их практически не вылезая из постели Крайтона. Это был самый страстный и одновременно самый нежный Новый год в моей жизни, и он стал первым, и последним Новым годом, который я позволила себе встретить вне круга своей семьи. В течение всех четырех праздничных дней и ночей Байрон неустанно уговаривал меня наконец согласиться переехать жить к нему. В своих уговорах он оперировал разными весомыми аргументами: мы провстречались четыре месяца ни разу серьёзно не поссорившись; мы не выпускали друг друга из поля зрения более чем на двое суток, за исключением того случая с приездом его матери; мы большую часть своего свободного времени проводили в компании друг друга и, на что он давил больше всего, мы будто бы взаправду не могли жить друг без друга... Врал, конечно. Конечно мы в итоге смогли.

На закате третьего января я сдалась. Решила, что и *вправду* достаточно знаю этого мужчину, что *действительно* сохну без его длительного присутствия в моём пространстве, что *действительно* хочу готовить ему ужины и принимать от него завтраки в постель... В общем, я признала себя недееспособной. Я в буквальном смысле не могла противостоять напору, который Байрон, до сих пор более-менее справлявшийся с моим отказом на сожительство с ним, вдруг обрушил на меня безудержной лавиной в те праздничные дни.

Утром четвертого января Байрон довёз меня до студенческого городка. Он хотел помочь мне собрать вещи, но я отказалась, в результате чего мы договорились встретиться в обед – он должен был подняться в мою комнату, чтобы помочь мне перенести три чемодана моих вещей в свою машину. В то утро он никак не хотел отпускать меня. Помню, как мы не могли прекратить целоваться, а за окном шёл снег, который посыпал Бостон всю неделю.

– Только не передумай, – наконец оторвавшись от моих губ, улыбнулся он, уже смирившись с тем, что я всё же хочу выйти из машины.

– Не передумаю, – улыбнулась в ответ я.

– То есть ты точно решила начать жить со мной под одной крышей?

– Точно, Байрон, точно. Я ведь уже сказала...

В тот момент я искренне не понимала, почему он так настойчиво и так часто требует от меня подтверждения принятого мной решения. Помедлив несколько секунд, он вдруг произнёс:

– Смотри, ты сама сказала, что хочешь и готова жить со мной.

– Да, я именно так и сказала.

– Учти: я одиноличник в подобных вопросах. Не пожалей о своём согласии.

– Не пожалею, – самоуверенно ухмыльнулась я, после чего, окрылённая возвышенными чувствами, наконец выпорхнула из тёплой машины напрямик в холодный сугроб.

Я пожалела. Я очень-очень-очень... Очень сильно пожалела. Не прошло и двух суток.

* * *

Байрон пообещал заехать за мной ровно в два часа дня. Выделенного мне времени на сборы было более чем достаточно – я никогда не была барахольщицей и личных вещей у меня

было всего три чемодана, без учёта одной коробки с художественными книгами, которые накопились у меня за четыре года моего обучения – не так уж и много.

Я успела аккуратно упаковать всё своё добро за какие-то пару часов, после чего начала прилежно дожидаться прихода Байрона. Но в назначенное время он вдруг не пришёл. Прежде он всегда был пунктуален, поэтому я сначала решила, будто у меня шалют часы, но время оказалось правильным, и тогда я решила, что его задерживает какое-то срочное дело по работе. Спустя два часа задержки я наконец обнаружила пропажу своего телефона – скорее всего, я забыла свой телефон у него в квартире. Одолжив допотопный телефон у девушек из соседней комнаты в обмен на кое-какую косметику, я, боясь отвлекать своего вечно занятого делами вселенских масштабов мужчину – наверняка он в очередной раз находится на каком-нибудь неведомом мне и обязательно важном совещании! – написала ему первое сообщение и, пока ожидала его ответа, отвлеклась на подругу, живущую в комнате напротив. Соседка явилась ко мне в расстроенных чувствах из-за ссоры со своим бывшим бойфрендом, с которым им суждено было сойтись в тот же вечер. Выслушивание душевных излияний подруги меня сильно заняло, а когда она ушла и я наконец вспомнила о своей личной жизни, за окном уже стусились сумерки и наступил глубокий вечер. Поняв, что час уже поздний, я поспешно бросилась к телефону, будучи уверенной в том, что я пропустила ответ Байрона – вдруг его не пропустил в кампус охранник? а я здесь совершенно безответственно заболталась! – но никакого ответа не было: ни сообщения, ни пропущенного входящего вызова – ничего. Я сразу же принялась звонить ему, но он не брал трубку, хотя его телефон явно находился в зоне действия сети. В тщетных попытках дозвониться прошли ещё два часа, по истечению которых я решила сама поехать к нему, но в городе, из-за недельной нормы выпадения осадков в сутки, был объявлен режим чрезвычайного положения, в результате чего ни до одной службы такси я так в итоге и не смогла достучаться, пешком же тащиться на другой конец Бостона сквозь снегопад было откровенно сумасшедшей идеей, так что я приняла решение продолжать звонить...

Обессиленная бурной ночью и последовавшим за ней активным днём, я не заметила, как заснула лежа прямо на полу у своих чемоданов. Проснувшись только утром, я спустилась на первый этаж, чтобы в очередной раз узнать у охранника, не приходил ли ко мне какой-нибудь парень, но в ответ вновь получила лишь короткое и чёткое «нет».

Телефон, который я одолжила у знакомых накануне вечером, пришлось вернуть, но так как я не могла покинуть кампус из-за разбушевавшегося снегопада, весь оставшийся день я прошаталась по коридорам в поисках связи: знакомые и незнакомые мне девушки, и парни, по различным причинам оставшиеся в праздничные дни в кампусе, с лёгкостью предоставляли мне свои телефоны для пары-тройки попыток дозвониться до необходимого мне абонента, но Байрон не брал не только свою трубку, но и мою. Факт с моим телефоном напрягал меня ещё больше – если бы Байрон был дома, он бы точно поднял трубку моего телефона, ведь я помнила, что забыла телефон на видном месте, на подвесной тумбочке в прихожей, и он точно не был переведён в беззвучный режим... Но если Байрон не дома, тогда где? Я с ужасом смотрела на снегопад, валяющийся за окном... А вдруг с ним что-нибудь случилось?.. Вдруг...

И здесь я впервые поняла, что несмотря на максимальную, как я теперь её называю безрассудную близость с этим мужчиной, я до сих пор не была представлена ни одному его другу или знакомому – он словно прятал меня от них или... Или их от меня. Факт оставался фактом: мне не к кому было обратиться, к кому бежать, кого спросить...

Я смогла вырваться из стен кампуса только вечером пятого числа, когда снегопад прекратился. Проехать на такси мне удалось только восемьдесят процентов пути: чтобы добраться до пункта назначения, дальше, из-за сильных снежных заносов, мне пришлось идти пешком по сугробам, и я сделала это. Я добралась.

* * *

У меня были ключи от квартиры. Байрон буквально подбросил их мне ещё в октябре, в очередной безуспешной попытке заставить меня как можно быстрее съехаться с ним. Было около семи часов вечера, когда я вставила свой ключ в замочную скважину и с лёгкостью повернула его – замок без проблем поддался, однако иного поведения от него я и не ожидала.

В прихожей я сразу же увидела свой мобильный, лежащий именно на той тумбочке, на которой, как я всё это время считала, забыла его. Взяв телефон в руки и обнаружив на его экране оповещение о 55+ пропущенных вызовах с неизвестных номеров, с которых в течение прошедших суток себе же названивала я, я спрятала устройство в задний карман джинс, разулась и, не снимая куртки, направилась вглубь квартиры, как вдруг заметила неизвестную мне сумку, стоящую на границе прихожей и гостиной. Значит, Байрон всё же был в квартире после того, как отвёз меня в кампус, потому как во время моего последнего присутствия здесь, подобной сумки в помещении определённо точно не наблюдалось.

Как только я переступила черту прихожей и вошла в гостиную, я сразу же увидела её. Лурдес, сидящая в ореоле тёплого света, люющегося из одной-единственной конусной лампы, висящей над кухонным столом – у Байрона кухня была совмещена с гостиной. Она тоже сразу заметила меня. Мы обе замерли.

– Тереза, верно? – наконец решила прервать неловкое молчание женщина.

– Верно, – настороженно отозвалась я, неожиданно для себя не уловив в тоне этой запомнившейся мне ледяным поведением женщины ни единой ноты высокомерия.

Миссис Крайтон, как и в прошлый раз, выглядела очень элегантно: красиво уложенная короткая стрижка, блестящие серьги в ушах и тонкой работы подвеска на шее, стильный кардиган светлого цвета... Судя по стойкому аромату парфюма “Shalini”, витающему в пространстве, в квартире она находилась уже давно. На этот аромат я обратила внимание ещё во время прошлого её приезда и, случайно узнав его название от Байрона, уже намеренно воспользовавшись помощью интернета, узнала, что только один флакон таких духов стоит около девятисот баксов. На Новый год Байрон подарил мне “Chanel No. 5”, а эти духи стоили в два раза дороже, чем те, что предпочитала Лурдес, так что я оценила его щедрость и тонкий намёк... Однако это был вовсе не намёк на то, как высоко он меня ценит. Это была всего лишь его очередная дорогостоящая для меня, но дешёвая для него уловка.

– Байрон не говорил, что Вы приедете, – не сдвигаясь с места, я решила продолжать барахтаться на поверхности озера растерянности.

– Не удивлена, – вдруг совершенно неожиданно улыбнулась моя собеседница, что окончательно выбило меня из колеи. – Подойди сюда, девочка. Присаживайся, – она сидела во главе стола и указывала мне на стул, стоящий справа от неё. Заставив себя сдвинуться с места, я зашла в кухонную зону, но вместо того, чтобы сесть на указанное мне место, села на соседнее, таким образом оказавшись на расстоянии двух вытянутых рук от своей собеседницы.

– Где Байрон? – я решила сразу же выяснить ответ на терзающий моё нутро вопрос и, чтобы успокоить свои странные предчувствия, не соответствующие известной мне реальности, сцепила замерзшие пальцы рук, положив их себе на ноги. Мы встретились взглядами. Её глаза были настолько светло-голубыми, что, казалось, будто от их сияния в комнате становится ещё холоднее.

– Байрон в Канаде.

– В Канаде? – я не смогла скрыть своего удивления. – Но он не собирался... – Я прикусила губу изнутри, едва импульсивно не раскрыв тайну того, что Байрон планировал съехаться со мной. – Он не говорил мне о том, что собирается в Канаду, – наконец завершила свою завуалированную мысль я.

– Позволь я угадаю, – как-то приглушённо улыбнулась моя собеседница. – Ты – его любовь с первого взгляда, верно?

Внутри меня кольнула невидимая игла.

– Верно, – второй раз за прошедшие три минуты подтвердила я, но на сей раз мой тон прозвучал неприкрыто твёрдо.

– Я не буду ходить вокруг да около, потому что мне самой это очень не нравится. – “Не нравится что?” – хотела спросить я, но вместо этого решила ждать и потому лишь сцепила пальцы ещё сильнее. – Дело в том, что мой сын поступает так уже не первый раз. Я бы даже сказала, что у него выработана определённая система: он приезжает в США на несколько месяцев, на время пребывания здесь заводит себе девушку для удовлетворения своих естественных мужских потребностей, а потом, добившись желаемого, он возвращается в Канаду, где продлевает в точности то же самое – выстраивает подобие серьёзных отношений. Мальчишка никак не повзрослеет, девушки же с лёгкостью клюют на его удочку, ведь он достаточно богат и к тому же несомненно красив. И вся эта цепочка крутится год за годом: Канада – США – Канада – США, новая девушка, ещё одна и ещё одна... При первой нашей встрече тебе могло показаться, Тереза, будто ты могла не понравиться мне и якобы по этой причине я проявляла к тебе некоторую холодность. Однако же моя холодность объясняется совершенно противоположными доводами. Я была с тобой холодна не потому, что ты мне не понравились, а потому, что ты, напротив, понравились мне *с первого взгляда* – поверь, девочка, мои глаза мгновенно определяют человеческую суть – и потому, что я знала правду о действиях своего сына. Увидев тебя, мне стало досадно, что мой жестокий в своих играх в чувства сын выбрал такую... Хорошую девушку. Обычно он останавливал свой выбор на силиконовых модельках, с которыми ему приходилось недолго возиться, чтобы уговорить их съехаться с ним, но здесь...

– Съехаться с ним? – сама того не ожидая, я оборвала собеседницу на полуслове, впервые позволив себе вставить слово в её безумный монолог, в котором не могло быть ни слова правды. Не могло!..

– Очевидно, ты тоже согласилась съехаться с ним, раз уж он вернулся в Канаду. Байрон всегда добивается от выбранных им девушек конкретно этого момента: их согласия начать жить с ним вместе. Как только девушка соглашается, то есть внутренне сдаётся перед желанием начать с ним серьёзные отношения, он, удовлетворившись этим, раз и навсегда исчезает из её жизни. В прошлый раз он исчез из Нью-Йорка, перед этим из Квебека, а перед Квебеком был Сакраменто... – её холодные, но пытающиеся сиять теплотой глаза встретились с моими. Кажется, эта странная женщина своевременно остановила свой импульсивный порыв взять меня за руку. Не отрывая взгляда от моей легкой на край стола руки, она продолжила. – Тереза, может быть для тебя это ничего не будет значить, но я всё же признаюсь тебе: ты стала первой, кого он заставлял так долго. Обычно он уговаривал девушку начать жить с ним уже к концу первого – началу второго месяца отношений, если эту жестокую игру можно обозначит подобным словом, после чего он неизменно уезжал в другую страну, чтобы избавиться от лишних претензий со стороны пострадавшей стороны. – Лурдес вдруг резко заглянула мне в глаза. – Долго же ты его не отпускала.

В её словах сквозило неодобрение, но чего именно: того, что я долго не отпускала её сына, или того, что Байрон, *якобы* – я всё ещё отказывалась верить в это! – ведёт себя таким образом, живёт двойной жизнью – я понять не могла. А тем временем Лурдес продолжала:

– Пойми, это как охотничий инстинкт. Он добился от тебя того, чего хотел, утолил свою жажду победы и, утолив её, отправился на новую охоту, за новой *порцией*.

Всё вылетающее из уст этой женщиной было абсолютным абсурдом. Байрон меня любил! До безумия любил: я видела *любовь* в его глазах, я слышала *любовь* не только в его словах, но даже в его дыхании, я чувствовала *его любовь* в каждом соприкосновении наших тел, наших пространств... Совершенно всё, что говорила эта элегантная дама – чушь собачья!

В комнате стало вдруг очень жарко: из холода меня резко бросило в жар.

– Я вижу, что ты мне не веришь, – доброжелательно и даже с промелькнувших на устах грустью улыбнулась мне Лурдес Крайтон. – Неудивительно. Куда тягаться словам пожилой дамы со страстью молодого парня, которую ты не просто услышала, но почувствовала? Но смысл мне врать? Ты в любой момент можешь дозвониться до Байрона и, если он вдруг изменил бы себе и после завершения с тобой всех *своих дел*, поднял бы трубку, думаешь, он уличил бы свою мать во лжи? Если бы всё мной сказанное тебе только что было бы ложью, это быстро бы открылось и навсегда разорвало бы мою *бесценную* связь с единственным сыном. Подобная ложь с моей стороны походила бы на поступок сумасшедшей, решившей утопить корабль, в котором она же сама и плывёт. Впрочем, ты с лёгкостью можешь убедиться в том, что я не сумасшедшая: попробуй дозвониться до Байрона, вдруг произойдёт чудо и он ответит тебе? Может быть, за прошедший год он повзрослел и у него хватит мужества самому сказать *очередной* своей жертве правду – *он тебя не любит*. Он играл с тобой, и правила этой игры мне давно хорошо известны: любовь с первого взгляда – соглашение девушки жить с ним под одной крышей – решительный отъезд за границу. Обычно он не позволяет мне лезть в его личную жизнь, но в случае с тобой я не стала терпеть. Одно дело легкодоступные девицы из высшего общества, и совсем другое такая девушка, как ты... Я наотрез отказалась улетать с ним сегодня утром и поменяла билеты на ночной рейс, рассчитывая встретиться с тобой здесь сегодня. Я пыталась до тебя дозвониться, но ты, очевидно, забыла свой телефон здесь. Байрон сказал, что забыл забрать у тебя ключи, так что я рассчитывала, что ты успеешь прийти до того, как уйду я, и ты пришла. В противном случае тебе пришлось бы всю оставшуюся жизнь прожить в неведении. Пока я дожидалась твоего прихода, я собрала все твои вещи, которые только смогла найти в этой квартире, чтобы тебе не приходилось заниматься сборами в потрясённом состоянии. Если хочешь, проверь все комнаты и заberi всё своё, что я могла пропустить... – Эта высокородная женщина смотрела на меня с неприкрытой, высокомерной жалостью, от которой у меня во рту вдруг проступила горечь. – Ты первая девушка, перед которой у меня есть возможность извиниться за поступки моего сына, – тем временем уверенно продолжала она. – Прошу, прости за то, что Байрон поступил с тобой так жестоко. Но он мой сын, и я не могу на него всерьёз сердиться за образ его личной жизни, который он избрал для себя и ведёт уже долгие годы, пойми...

Эта женщина извинялась передо мной за своего сына, а между тем она должна была приносить мне извинения за себя. Она должна была извиняться за то, что подобным образом воспитала своего единственного сына...

Нет, я всё ещё не верила её словам. Я отказывалась верить. Я знала Байрона больше и лучше, чем она, даже несмотря на то, что она была той, кто произвёл его на свет, а я была лишь той, которая полюбила его на этом свете. И всё же в тот момент моя душа получила максимальное сотрясение мозга, из-за чего я просто не была в состоянии осознавать происходящее трезво.

Я не стала бродить по квартире в поисках своих вещей. Ничего, кроме выставленной на границе прихожей и гостиной сумки я не забрала. Лурдес попросила меня не забыть оставить данную мне Байроном связку ключей на тумбочке в прихожей, и я не забыла. На ватных ногах я покинула тот дом раз и навсегда, отказываясь верить в то, что всё это может быть правдой и что я больше никогда в жизни не увижу того, кто любил меня, как мне до сих пор казалось, больше себя.

Глава 13

Пейтон Пайк

02 октября – 09:35

– Муж жертвы вне подозрений, – идя рядом со мной от полицейского участка по направлению к парковке, вдруг сообщил мне Арнольд.

– Почему? – метнула свой сосредоточенный взгляд на напарника я.

– У него железобетонное алиби: в ожидании прихода супруги он всю ночь провёл в компании родителей погибшей и своего брата – у них должен был состояться ужин в честь какого-то успешного проекта, но виновница празднования на ужин так и не пришла.

– Когда и как ты успел получить эту информацию?

– Пять минут назад столкнулся с Джексоном в коридоре.

– Что по автомобилю?

– В машине жертвы ничего подозрительного не обнаружили, но салон, естественно, пропустим через экспертизу.

Продолжая уверенно шагать, я вновь и вновь прокручивала кадры видеозаписи, которые мы только что получили с единственной видеокамеры, установленной на той злосчастной прибрежной парковке. Жертва вошла на парковку в 21:07:05, а уже в 21:07:19 рухнула посреди парковки замертво. Её образ камера зафиксировала превосходно, но Стрелок не попал в кадр. Всё, что у нас было – это его тень, отбрасываемая от света парковочного фонаря. По этому сгустку тени, отброшенному на неровный асфальт, было сложно определить, стрелял ли мужчина или это всё же была женщина, но в руке тени ровно две секунды, совершенно отчётливо проступал силуэт пистолета. Это было очень рядом – сделай стрелявший ещё пару шагов вперёд, он бы определённо точно попал в кадр и тогда... Мы схватили бы его уже сейчас.

– На теле жертвы нет разрывов и ожогов, что значит, что выстрел был произведён не в упор, что также неоспоримо доказывает запись с камеры наблюдения. Он стрелял с расстояния не менее чем в десять шагов и при плохом освещении попал прямо в сердце, с первого раза. У него должно быть отличное зрение.

– А что думаешь по поводу переодевания жертвы?

– Только то, что она определённо точно была переодета до того, как вошла на парковку. Если бы Стрелок возился с ней после того, как пристрелил её, камера бы запечатлела эту возню... Что с видеорегистраторами?

– Всего пять. Все в обработке. Как только появятся результаты – нам сразу сообщат. Что дальше?

– Дальше нам необходимо допросить Терезу Холт. Она последняя, кто видел жертву живой.

Глава 14

Тереза Холт

Пять лет назад

Я искренне верила в то, что Лурдес обрушила на меня страшную ложь, даже несмотря на то, что с её стороны лгать, как она сама признала, было бы совершенно нелогичным действием – соври она подобным образом при условии того, что Байрон действительно любил бы меня, во что я всё ещё искренне продолжала верить, она бы в мгновение ока потеряла своего сына. Но я не понимала... Я продолжала настойчивые попытки связаться с Байроном: звонила ему по сотни раз за сутки, десятки раз отсылала ему одно и то же призывное сообщение, состоящее из одного-единственного слова, и этим словом было слово “ответь”. Ответь. Ответь. Ответь. Ответь-ответь-ответь-ответь... Он был в зоне действия сети, я видела, что он просматривал мои сообщения в мессенджере, но он не отвечал. И я не верила в это.

Я хорошо помню все даты, связанные с Байроном Крайтоном. Двадцать пятого августа мы впервые увидели друг друга, тридцатого августа мы впервые поцеловались, седьмого сентября мы впервые переспали, четвёртого января мы целовались в последний раз, а утром двенадцатого января меня впервые стошнило. Я сразу поняла, что это значит. Мне даже не нужен был тест на беременность, на положительный результат которого я смотрела уже спустя час после утренней рвоты, сидя на том самом унитазе при своей комнате в кампусе, в который меня уже дважды успело вывернуть. Я определённо точно была беременна. И даже догадывалась, когда именно могло произойти зачатие. В новогоднюю ночь я заподозрила, что презерватив в самом конце полового акта порвался, но Байрон убедил меня в том, что мне это только показалось. Не показалось. Мне показалось, что он любит меня, но порванный презерватив мне не показался. О чём красноречиво свидетельствовал положительный тест в моей руке, который я не могла продемонстрировать тому, без кого эта штука не материализовалась бы в моём пространстве.

Я мгновенно впала в панику.

Я не была из тех, кто хотя бы по-мелкому глупит из-за недоговорок, так что глупить по-крупному из-за своего молчания или молчания своего *бывшего* мужчины я точно не собиралась. Моё нутро кричало мне о том, что мне жизненно необходимо достучаться до Крайтона, *чего бы мне это ни стоило...* И я начала стучать так, как никогда и ни в какие двери и стены не стучала до сих пор.

Я звонила ему не менее десяти раз в час, писала сообщения, которые он к тому моменту уже перестал просматривать, и каждый вечер на общественном транспорте добиралась до его дома, чтобы в очередной раз убедиться в том, что свет в окнах его квартиры не горит. В конце января он однажды сбросил трубку. Прежде он её просто не брал, но в тот вечер он её именно сбросил. И тогда меня словно озарило: помимо номера его телефона и мессенджера, у меня где-то была сохранена его личная почта. Я быстро отыскала её. До сих пор помню каждое слово, которое написала ему в том емейле: *“Байрон, прошу тебя, скажи мне всё лично. Поговори со мной один-единственный раз”*, – подумав, в конце я добавила уничижительное: *“Умоляю”*.

Я опустила до мольбы. Потому что я была не просто брошена – я была брошена беременной. Этот факт должен был что-то решить, что-то изменить, повернуть вспять, хотя бы выдать мне право на объяснения. Именно поэтому я не хотела сообщать своему обидчику о своём положении по телефону или в письменном виде.

Ответ на мой емейл пришёл. Меня шокировал даже не сам этот факт, а то, как быстро Байрон ответил мне – спустя всего лишь час.

Помню, я так сильно боялась прочесть то письмо, что потратила полминуты на то, чтобы заставить себя открыть его. Оно оказалось гораздо более объёмным, чем моё. Я прочла его не дыша. Оно начиналось со слов “Принцесса-Тесса” – об этом обращении ко мне знали только мы, так что я с первой же ноты угадала почерк Байрона, хотя и не узнавала его одновременно из-за налёта холодности, который последовал далее и в итоге пронзил всё содержимое послания:

“Принцесса-Тесса, прости меня за всё, что я для тебя сделал. Не в моих правилах писать девушкам после разрыва с ними, но ты очень настойчива. Думаю, виной тому моя мать, которой я позволил сказать тебе правду. Это было ошибкой. Не пытайся искать встречи со мной – я знаю, где ты находишься и, если бы хотел, уже давно пришёл бы к тебе. И, прошу, дорогая, не звони мне больше. Обещаю сменить свой номер телефона, чтобы ты больше не тратила своё время на безрезультатные звонки. Это большее, что я могу для тебя сделать.

Желаю тебе найти своё настоящее счастье. Прощай.”

...Я всю ночь просидела перед открытым ноутбуком обливаясь слезами. Слова: “Это было ошибкой”, – разъедали мои лёгкие и грызли моё сердце. Что он имел ввиду, сказав их? То ли, что он позволил своей матери рассказать мне правду, или он подразумевал всё бывшее между нами?..

* * *

Спустя два дня после того злосчастного емейла я попыталась позвонить Крайтону ещё хотя бы один раз, но номер его телефона уже был заблокирован – он сдержал своё обещание избавиться от этого номера. По его пониманию, он сделал большее из того, что мог сделать для меня. Разозлившись, я вытащила из своего телефона сим-карту, разломила её напополам и утопила в том самом унитазе, над которым теперь корчилась каждое утро от приступов токсикоза. Я тоже хотела сделать большее, но больше этого поступка мне в тот момент ничего не было доступно...

Первыми, кому я рассказала о серьёзном тупике, в который угодила из-за своего непростительного легкомыслия, стали моя старшая сестра Астрид и лучшая подруга детства Рина. Увидев моё разбитое состояние, которое я не смогла, хотя и тщательно пыталась скрыть во время видеозвонка, они обе примчались ко мне из Роара уже спустя десять часов и были со мной рядом на протяжении целой недели, хотя у обоих была и работа, и обязательства в личной жизни. За те семь дней они сделали то, что, как мне казалось, было невозможным – они возродили если не мою душу, тогда мои силы. Когда они уезжали, я уже знала, что со мной всё будет хорошо даже без поддержки Байрона, но всё равно... Всё равно потащила к его дому вечером Дня святого Валентина.

К тому времени я привыкла к тому, что окна интересующей меня квартиры никогда не бывают освещены. Какой же у меня случился шок, когда я увидела свет в двух из трёх окон! Бросившись к домофону, я начала звонить в него. Первая попытка не сработала, но я попробовала снова, а потом снова и ещё раз, и ещё... Я простояла на морозе в минус десять градусов ровно час. За этот час никто ни разу не вошёл и не вышел из этого огромного дома, чтобы у меня была возможность проникнуть хотя бы в подъезд. От холода пальцы на моих ногах онемели, а на руках ещё и посинели. Промёрзнув до костей, я начала стучать зубами, и прыгать на месте, чтобы согреться, но звонить в домофон не прекращала. К моим глазам периодически подступали страдальческие слёзы, но всякий раз я подавляла их, боясь отморозить себе ещё и щёки.

Когда часы на моём мобильном подсказали мне, что я мучаюсь уже час и четырнадцать минут, я кашлянула и, испугавшись простуды, закутала лицо в свой огромный, старый шарф,

спрятала пальцы в вязанные перчатки и, поправив на голове шапку, решила слегка отойти от дома, чтобы ещё раз взглянуть на окна – всё ли ещё горит в них свет?

Отойдя на пару метров от крыльца дома, я вскинула голову к небу и, посчитав этажи дважды, дважды убедилась в том, что свет горит именно в квартире Крайтона. Помню, как смотрела на этот тёплый свет через густые клубы пара, вырывающиеся из моих носа и рта, и дрожала всем телом от внезапно поднявшегося, пронизывающего до костей ветра. В голову пришла идея позвонить в соседнюю квартиру, как вдруг из дома кто-то вышел. Я сразу же бросилась к нему, чтобы успеть придержать дверь, но, видя, что не успеваю, едва уловимо выкрикнула: “Придержите..”, – прежде чем я успела закончить свою просьбу, я увидела, кто именно вышел из дома. Это была мать Байрона.

– Тесса, прекратите звонить в домофон. Своей настойчивостью Вы рискуете вызвать у меня мигрень, – не враждебно, но и не дружелюбно заговорила первой эта словно вырезанная изо льда женщина в роскошной шубе, на фоне которой мой бесформенный пуховик выглядел по меньшей мере смешно.

– Мне нужно поговорить с Байроном, – неожиданно осипшим голосом отозвалась я.

Как же жалко, а возможно даже смешно со стороны я выглядела в ту ночь! Волосы безумно разметались по шарфу, нос и щёки наверняка были неестественно красными, голос сипел, зубы стучали, замерзшие до косточек конечности предательски отчётливо дрожали...

– Я понимаю. Но Байрона дома нет.

– Вы не понимаете, – поморщившись, я неожиданно сорвалась на слёзы, которым вскоре начали сопутствовать судорожные всхлипы. – Мне *очень... Очень* нужно с ним поговорить... Это важно...

Я сразу же возненавидела себя за сорвавшиеся эмоции, которые так умело сдерживала последние две недели своей жизни. Во мне словно плотина прорвалась, когда я увидела перед собой Лурдес Крайтон. В тот момент она виделась мне чуть ли не мостом, который может связать меня с берегом Байрона. Вот она – коснись я её, и я почти коснусь Байрона. Но она явно не желала, чтобы какая-то расхныкавшаяся девчонка, очередная фанатка из длинного списка разномастных девиц её венценосного наследника, касалась её роскошной шубы, не то что руки, и потому я стояла на месте, словно прикованная к позорному столбу, и рыдала, словно трех-летка.

– Умоляю, дайте мне поговорить с Байроном... Один... Всего лишь один раз...

– Но разве я могу вынудить своего сына общаться с кем-то или не общаться с кем-либо? Он взрослый молодой человек и он сам выбирает, с кем говорить, а с кем нет. Неужели за прошедшие полтора месяца он ни разу с тобой так и не связался?

В её голосе не было жалости. Не было грубости. Возможно, ей было просто любопытно. Да, она смотрела на меня с тем интересом, с которым учёный-биолог мог бы рассматривать микроскопический организм под увеличительным стеклом микроскопа.

Я не стала отвечать на её вопрос. Не хотела посвящать её в подробности, рассказывать о том жестоком письме, о глубине своего душевного потрясения и тем более о своей беременности. Если Байрон и должен был узнать о моём положении, тогда только и только от меня лично – только из моих уст.

– Пожалуйста... Позвоните Байрону... У вас есть телефон? Позвоните ему, он ответит на Ваш звонок... Дайте мне шанс поговорить...

– Девочка моя, – в голосе женщины прозвучали непонятные мне ноты, – я не хотела тебе этого говорить, чтобы не травмировать тебя ещё больше, но, видимо, мне придётся, ведь ты так упряма. На прошлой неделе мой сын объявил о помолвке с дочерью влиятельного венецианского банкира. Для всех, даже для меня это стало настоящим шоком, ведь он, насколько мне известно, провёл с этой девушкой не больше четырёх недель. Впрочем, достаточно скоро он разрешил моё непонимание – этот брак, как он уверил меня, состоится по чистому расчёту.

Девушка из очень влиятельной европейской семьи, с большим приданым, за счёт которого наша семья сможет закрыть серьёзные финансовые дыры в бизнесе, так что... – Её губы шевелились ещё и ещё, но в какой-то момент я прекратила её слышать, как вдруг, примерно спустя полминуты звенящей тишины в моих ушах, я услышала последнее, что окончательно раздавило меня в лепёшку. – Свадьба состоится в начале марта. Если ты всё ещё хочешь, чтобы я позвонила моему сыну, я сделаю это... – Она достала из своего кармана золотистый мобильный телефон размером с две её ладони. – Однако прошу, скажи ему всё что хочешь, но только не то, что могло бы повлиять на его помолвку. Этот брак очень важен для обеих наших семей. Я понимаю, что Байрон крайне жестоко воспользовался тобой, и только потому иду на такую уступку...

Всё, что было сказано после слов о свадьбе, должной состояться в начале марта, я не услышала. Я смотрела на белоснежные тонкие руки своей собеседницы и не понимала, зачем она достала из кармана своей шубки телефон, я смотрела на её шевелящиеся губы и не слышала слов, стремительно вылетающих из рождающего их рта. Мои руки повисли вдоль туловища обессиленными канатами, мои пальцы, которыми я больше часа вжимала леденящие остывшим железом цифры на домофоне, окончательно онемели, а слёзы вдруг застыли на холодном февральском ветру, превратив мои глаза в болящие стеклянные шарики. Со страшным звоном в ушах, угрожающим разорвать мои перепонки в кровь, я, не помня себя, развернулась и зашагала от того дома куда-то прочь...

До сих пор не пойму, как в ту страшную ночь я не простудилась, ведь до студенческого городка я добиралась пешком, местами борясь с сугробами, и в итоге добралась до точки назначения глубоко за полночь.

В ту ночь я решила, что не просто смогу жить без Байрона Крайтона, не просто восстановлюсь после урона, так безжалостно нанесённого им мне – я справлюсь без него. Справлюсь, а значит одержу победу.

Глава 15

Пейтон Пайк

02 октября – 10:00

Мы подъехали к старому двухэтажному таунхаусу, стоящему у самого залива. Нас интересовала третья квартира со стороны залива, но шагая в её направлении в компании Арнольда, я ловила себя на том, что оцениваю расстояние от таунхауса к парковке. Всего двести метров, которые полиция просмотрела чуть ли не под увеличительным стеклом, но никаких зацепок так и не обнаружила. Что произошло на этих двухстах метрах, что в результате привело к гибели этой женщины?

Бросив взгляд в сторону парковки, я заметила оградительные жёлтые ленты, развевающиеся на ветру словно жаждущие свободы питоны – почему ограждение до сих пор не сняли? Прошло уже пять часов. Снова Джексон не успевает справиться со своей работой...

Арнольд первым взобрался на крыльцо, но подождал, пока к двери подойду я и нажму на кнопку звонка самостоятельно: в конце концов, это дело пока ещё значилось за мной.

Позвонив в старый дверной звонок трижды, я достала из внутреннего кармана куртки свой полицейский жетон, чтобы заранее подготовить его к демонстрации. Не прошло и пятнадцати секунд, как дверь нам открыла молодая девушка весьма красивой наружности: длинные каштановые волосы, голубые глаза, стройная фигура, ростом выше меня на полголовы, возрастом младше меня лет на восемь, не больше.

– Пейтон Пайк, отдел уголовного расследования, – продемонстрировала девушке свой жетон я. Дав ей пару секунд на то, чтобы рассмотреть его, я продолжила по привычной схеме: – Вы Тереза Холт?

– Да, всё верно, – в глазах девушки читалось лёгкое беспокойство, которое, впрочем, легко объяснялось.

– Разрешите пройти?

– Конечно, проходите, – она сделала несколько шагов назад, позволяя нам войти в её скромное жилище, и сразу же обернулась на поспешные детские шаги, вызвавшие скрип старых половиц. Хозяйка апартаментов обратилась к появившемуся в коридоре мальчику голосом, который выдавал в ней ласковую, но одновременно строгую мать. – Берек, дорогой, поднимись, пожалуйста, в свою комнату.

Послушно кивнув, мальчик направился к крутой лестнице, ведущей на второй этаж. На вид ему было лет пять, не больше.

– Простите, я на секунду отлучусь к сыну, хорошо?

– Да, конечно, – поджала губы я, снимая со своих ног обувь.

– Проходите в гостиную, – она указала в сторону дверного проёма, за которым, очевидно, располагалась предлагаемая для нашего расположения гостиная. – Я скоро вернусь.

Как только Тереза удалилась наверх, я едва уловимым шёпотом обратилась к Риду:

– Обрати внимание, – я кивнула головой в сторону женского плаща, висящего на вешалке у выхода, после чего почти сразу услышала шаги, предупреждающие о возвращении к нам хозяйки дома.

Мы перешли в гостиную до того, как Тереза вновь возникла перед нами. Из-за пасмурной погоды и соответствующего ей освещения, это и без того скромное жилище сейчас выглядело совсем маленьким от теней, собравшихся по углам за мебелью, но оно определённо точно было ухоженным и даже уютным. У Терезы Холт явно наличествует хороший вкус. Основное внимание в интерьере гостиной привлекала пусть и не новая, но всё ещё красивая мягкая мебель горчичного цвета, и приятно гармонирующий с ней напольный торшер в стиле Тиффани.

– Присаживайтесь, – Тереза указала нам на диван, после чего заняла одно из двух продавленных кресел.

– Должно быть, вы догадываетесь, с чем связан наш визит к Вам, – заняв ближайшее к ней место на диване, решила начать издали я.

– Да... Да, я догадываюсь, – поправив прядь своих густых волос, моя собеседница запрокинула ногу на ногу и сцепила пальцы на оказавшемся сверху колене. Жест человека, желающего закрыться. – Мы с Береком полночи не спали из-за этого. Муж миссис Фокскасл звонил мне несколько раз... Он... Кхм... Говорил, что она не вернулась домой, а потом... Около пяти часов утра к нам приходили ваши коллеги, так что... Это так ужасно... – её голос отчётливо дрожал. – Ванда Фокскасл была учительницей Берека... Я решила не отпускать его сегодня в школу...

Я заметила, что моя собеседница старалась смотреть исключительно в глаза, предпочитая мои глазам Арнольда, и это уже было неплохо.

Я вспомнила её маленького сына, которого увидела лишь краем глаза: ребёнок не выглядел на школьный возраст, и всё же собеседница утверждала, что он уже ходит в школу.

– Скажите, Тереза, зачем к Вам приходила Ванда Фокскасл? – решила начать поворачивать русло реки в необходимом мне направлении я.

– Как я уже сказала, миссис Фокскасл была учительницей Берека... Его классным руководителем. Насколько мне известно, она всю прошедшую неделю обходила дома своих учеников... Понимаете, с целью познакомиться с семьями и обстановками... Вчера вечером наступила наша очередь.

– В котором часу она ушла от вас?

– Она ушла ровно в девять часов. Я запомнила, потому что обычно в девять я готовлю Берека ко сну.

– Девять часов – это относительно позднее время. Почему миссис Фокскасл задержалась у вас?

– Не знаю... Кажется, она не задержалась особенно... – Тереза поджала губы, словно задумалась. – Мы ели малиновый пирог с лимонным... Чаем... – Ей определённо точно тяжело давалось осознание того, что человек, с которым она ещё несколько часов назад разговаривала с глазу на глаз и запивала малиновый пирог лимонным чаем, был пристрелен фактически за порогом её квартиры. – Возможно, мы немного заговорились, но она провела у нас всего час.

– Не знаете, миссис Фокскасл предпочитала так поздно обходить все семьи?

– Я знаю, что она предпочитала ходить по домам своих учеников после обеда, но из-за загрузки на работе я не могла подстроиться под столь раннее время и потому она любезно предложила мне посетить нас первого октября в удобное для меня время. Мы договорились встретиться в восемь вечера.

– Вела ли она себя странно?

– Нет.

– Никаких странных жестов или подозрительных намёков?

– Никаких, – мило выпятив нижнюю губу в задумчивости, уверенно отвечала мисс Холт.

– В какую сторону она направилась, когда вышла от вас?

– В сторону берега.

– Вы наблюдали за ней?

– Нет.

– Тогда откуда Вы знаете, что она направилась в сторону берега?

– Когда я отходила от двери, в витражное окно я заметила, что она повернула налево, а это сторона берега. Я подумала, что она пошла на прибрежную парковку, потому что на этой улице с шести часов вечера до восьми часов утра парковаться разрешено только жителям таунхаусов.

– У Вас были враги?

– Что?.. Что, у меня?.. – подобного вопроса она от меня точно не ожидала и сейчас явно пришла в замешательство получив его. – Враги у меня?..

– Да. Недоброжелатели. Они у Вас есть? – я вцепилась в свою собеседницу заточенным взглядом.

– Нет никого, кто желал бы мне навредить... – она произнесла эти слова искренне веруя в их правдивость, либо желая в её верить, но вскоре она начала быстро моргать, что выдавало её сомнение.

– Вы уверены?

– Да. У меня нет врагов... А почему Вы...

– Вы всегда здесь жили? – я театрально окинула взглядом уютно обставленную гостиную, скользнув им по обоям с цветочным принтом. Если эта молодая женщина самостоятельно обставляла эту комнату, она, со своим явным чувством вкуса, не могла выбрать под свою мебель эти обои. Значит, это, скорее всего, арендуемая квартира.

– В августе перебралась сюда из Куаэт Вирлпул.

– Куаэт Вирлпул? – я снова вернула свой взгляд на собеседницу, позволив ей вцепиться в спасательный круг, которым ей, отчего-то, представлялись мои глаза. – Это совсем рядом. Всего двадцать пять километров на север. Почему решили переехать в Роар?

– У моего сына высокий показатель айкью... – она прикусила свою нижнюю губу. – Очень высокий. А в Роаре не просто ближайшая школа для одарённых детей, но лучшая во всём Мэне. Так что переезд нам был необходим.

– Значит, Вы не местная.

– Относительно... – она снова в чём-то начала сомневаться. – Я родилась и выросла здесь, в Роаре, но когда мне было пятнадцать мы с родителями переехали в Куаэт Вирлпул, затем я несколько лет училась в Бостоне, планируя позже перебраться в Нью-Йорк, но забеременела. Я хотела приехать сюда сразу после окончания колледжа, планировала родить сына здесь, так как у меня в этом городе живут старшие сестра и брат, и в то время здесь всё ещё жила моя лучшая подруга, Рина, но... Трагические события, произошедшие в тот год с моей подругой, заставили меня сменить изначально выбранный курс, в результате чего я выбрала Куаэт Вирлпул, чтобы быть поближе к родителям. В конце концов, я собиралась стать матерью-одиночкой, так что поддержка родных мне была необходима, как кислород.

Она с лёгкостью говорила о тех вещах, о которых иным женщинам зачастую бывает сложно размышлять вслух откровенно. Тереза Холт не боялась признаться в своей слабости – она видела в ней силу. Значит, она боец.

– Простите, я понимаю, что это не имеет никакого отношения к нашему делу, но... – мой тон практически выдавал во мне тонкого психолога, который жил глубоко внутри меня, но услугами которого я крайне редко пользовалась. – Что случилось с вашей подругой?

– Рину пристрелили. В этом городе. В марте этого года было ровно пять лет со дня её смерти. Полиция так и не нашла убийцу.

От услышанного я почувствовала, как каждая мышца моего тела напряглась и вытянулась в струну.

– Вы говорите о деле Рины Шейн? – кажется, я не верила своим ушам. – Она была Вашей лучшей подругой?

– Да. Была... – в красивых синих глазах Терезы заплескались всё ещё хорошо сдерживаемые слёзы. – Простите... У вас ещё будут ко мне вопросы? Не хочу оставлять Берека надолго одного.

Слёзы так и не сорвались с её глаз. Эта молодая мать-одиночка определённо точно входила в лигу сильных персонажей.

– Нет, больше вопросов *сегодня* не будет, – отведя взгляд от бледного лица своей собеседницы, я увидела, как Арнольд закрывает свой блокнот и вставляет в его карман шариковую ручку. – Приносим извинения за беспокойство.

– Всё в порядке, – уже поднимаясь с кресла, Тереза пожала мою руку, но её рукопожатие оказалось слабее моего, даже несмотря на то, что перед этим я успела определить её как сильную личность. – Если я смогу ещё чем-нибудь помочь вам, обязательно сообщите мне – буду рада оказать следствию любую посильную помощь, – продолжала говорить она, провожая нас в прихожую.

Уже надевая свою обувь при помощи высокой обувной лопатки, я как бы отстранённо коснулась бежевого плаща, висящего на вешалке, на стене напротив меня.

– Красивая вещь, – заметила я. – Стильная. Приобрела бы себе что-нибудь похожее.

– Я купила его на распродаже в “Тюльрули” пару недель назад. Недорогая, но очень качественная и красивая вещь. Может быть там ещё остались такие модели, – отстранённо ответила Тереза, при этом слегка пожав плечами.

* * *

– Кажется, мы только что нашли серьёзную зацепку, – быстрым шагом направляясь по мокрому асфальту в сторону оставленных нами через дорогу автомобилей, возбуждённо говорила я. – Тереза Холт знала, причём *близко* знала, не только Ванду Фокскасл, но и Рину Шейн. То есть она имеет прямую связь с двумя жертвами Больничного Стрелка. Это определённо точно не может быть случайным совпадением. А значит, нам необходимо выяснить, не знала ли она ещё трёх жертв.

– Ты гений, Пейтон, но ты увлеклась, – остановившись напротив своего автомобиля, Арнольд спрятал руки в карманы куртки. – Тереза Холт не могла знать трех первых жертв Стрелка. Я навёл справки по ней, прежде чем выезжать на этот допрос – ей только двадцать семь лет. Случаю же с Больничным Стрелком уже тридцать два года.

– То есть Больничный Стрелок объявился за пять лет до рождения Терезы. Снова пять...

– Что?

– Между двумя жертвами – Риной Шейн и Вандой Фокскасл – разница в пять лет. Больничный Стрелок впервые начал действовать за пять лет до рождения Терезы...

– А ты не слишком закручиваешь?

– Возможно. Но мне необходимо, чтобы ты уточнил для меня все цифры.

– Понял.

– Как-то она могла быть связана с первыми тремя жертвами, если она связана с последними двумя... – задумчиво продолжала я. – Может быть, через родителей? Связь между семьями? – Арнольд внимательно смотрел на меня.

– Думаешь, Тереза Холт приведёт нас к Больничному Стрелку?

– Я почти уверена в том, что она приведёт нас к разгадке. Она уже ведёт. Ты видел её плащ?

– Точь-в-точь такой же, какой был на жертве, – утвердительно кивнул напарник. – Я посмотрел ярлык – одна модель, только на жертве плащ был на размер меньше.

Я задумалась, пытаюсь вспомнить ещё что-нибудь, но больше ничего не приходило.

– Тебе что-нибудь ещё бросилось в глаза? – наконец решила начать смотреть на общую обстановку глазами напарника я. Этот манёвр ещё ни разу меня не подводил.

– Да, бросилось, – уверенно произнёс Арнольд, чем сразу же приковал мой взгляд к себе. – Меня удивило то, как вы похожи внешне.

– О чём ты? – решила уточнить я, хотя прекрасно понимала, о чём он говорит – я сама заметила сильное внешнее сходство.

– Да вы как две капли воды, только она выше на пару сантиметров, и у тебя глаза карие, а у неё голубые.

– Бывают схожести на свете, – прикусив нижнюю губу изнутри, заметила я. – Её волосы длиннее моих, но они не намного длиннее волос Ванды Фокскасл. И Рина Шейн, – образ этой жертвы стоял у меня перед глазами, потому как последние пять лет я практически не выпускала его из поля своего зрения.

– Нет, Рина Шейн не похожа, – озвучил мои сомнения Рид. – Цвет её кожи был смуглым.

– Дело не в цвете кожи... Все убийства были совершены ночью, Шейн же была убита в собственной машине, которая была заблокирована: Стрелок произвёл выстрел снаружи – через закрытое окно он мог и не рассмотреть смуглого цвета кожи. Ванда, Рина и Тереза приблизительно одного роста, с одинаковой длиной волос, все трое брюнетки... Кстати, женщины, убитые тридцать два года назад в больнице, тоже были брюнетками.

– Да, но длина их волос явно была гораздо более короткой.

– И всё же...

– Пока что, считаю, связь Терезы очевидна только с Вандой Фокскасл и Риной Шейн. С первыми жертвами у неё очевидной связи нет – только с последними.

Подобные слова меня расстраивали, но я ничего не могла им противопоставить.

– Если поставить Ванду, Рину и Терезу в один ряд при плохом ночном освещении, чтобы их лица невозможно было рассмотреть, их вполне можно перепутать, – я наконец оформила логический вывод, к которому меня подталкивала не только логика, но и Арнольд. – Все трое брюнетки с приблизительно похожей длиной волос и схожим ростом.

– Ну что, пора?

– Да, вернись за тем плащом и обрати внимание, не попыталась ли она сделать с ним что-нибудь за то время, что мы отсутствовали, и ещё отметить её реакцию на то, что ты его изымаешь. Дальше раздобудь полный список семей, которые Ванда Фокскасл успела обойти до того, как пришла к Терезе Холт, и опроси их всех, хотя едва ли это что-то нам даст, но, сам понимаешь, что проверить всё же стоит. Встретимся в участке, как только закончишь обход семей. Возьми с собой парочку помощников, братьев Джексон например, чтобы на всякий случай иметь несколько дополнительных пар глаз и ушей.

– Думаю, Пейтон, в этот раз мы всё же выйдем на Больничного Стрелка. У меня предчувствие...

– Спасибо, что позвонил именно мне, – сжато выдохнула я. – Благодаря тому, что на место происшествия прибыла я, это дело почти наверняка теперь закрепят именно за мной.

– Пожалуйста, но... Поосторожнее с этим. Главное, чтобы дело не сочли личным.

– Не переживай по этому поводу. У меня всё под контролем.

По крайней мере, я хотела рассчитывать на это.

Кивнув мне в ответ, Арнольд развернулся и направился обратно к дому Терезы Холт, чтобы забрать её плащ на экспертизу, я же села за руль своего автомобиля и вскоре направилась в сторону полицейского участка с полной уверенностью в том, что Тереза Холт – это та самая ниточка, хорошенько дёрнув которую я наконец смогу распутать самый запутанный клубок в истории уголовных расследований Роара.

Глава 16

Тереза Холт

Пять лет назад

Стать матерью-одиночкой в двадцать два года для меня стало неожиданно не страшно. Мне было больно от всё ещё торчащего ножа – скорее обмана, нежели предательства – который Крайтон не только воткнул в моё сердце, но и дважды хладнокровно прокрутил своей скоропалительный помолвкой и своим единственным письменным ответом на все мои многочисленные попытки поговорить с ним. И всё же мне не было страшно становиться матерью без поддержки со стороны отца ребёнка. Более того, у меня даже вариант с абортom ни разу не промелькнул перед глазами. Я знала, что буду рожать. Ещё до того, как помочилась на тест, в результате подтвердивший мою беременность, я знала, что в этом году стану матерью. Правда, я хотела дочь, чтобы ребёнок имел большую схожесть со мной, нежели со своим отцом, но всё же у меня родился мальчик.

Сначала я убеждала себя в том, что внешне Берек вышел похожим именно на меня, но чем старше он становился, тем отчётливее я понимала, что он – точная копия Байрона. В принципе мы с Байроном были внешне схожи: светлокожие, темноволосые, оба с ярко очерченными скулами, но... Берек унаследовал его зелёные глаза, а не мои синие, что лишь ещё более красноречиво подчёркивало, что внешние данные в большей степени он почерпнул именно из генов Крайтона. Пока он был ещё совсем маленьким, меня это мало смущало, но вскоре я поняла, что с его отцовской наследственностью может быть не всё так гладко. Осознание пришло к моменту его первого дня рождения: Берек в свой год не просто говорил так, как некоторые дети не разговаривают даже в три года – он наизусть знал и пел все пять колыбельных, которые я заучила специально для него и пела ему каждую ночь перед сном. Тогда я впервые поняла, что у меня будут серьёзные проблемы с той частью наследственности моего ребёнка, о которой, по сути, я совершенно ничего не знаю. Каким был его отец в его возрасте? Было ли у него похожее стремительное развитие речи? Какие болезни он переносил в своём детстве? Я не знала о важных моментах детства отца своего ребёнка решительно ничего...

Но до того, как стать матерью и начать вникать в первые азы проблем одиночного материнства, мне предстояло пережить девять месяцев беременности, которые для меня выдались не самыми лёгкими. И дело было не в физиологии – сама беременность у меня протекала на удивление легко, если не учитывать токсикоза, не покидавшего меня до конца зимы. Дело было во внешних факторах. Роды должны были состояться в конце сентября и до того времени я должна была закрыть как минимум два вопроса: во-первых, окончить колледж и летом всё-таки получить свой диплом, а во-вторых, я должна была определиться с местом жительства хотя бы на ближайшие пару лет.

Благодаря бурной поддержке со стороны моих родных людей, благоприятно воспринявших новости о моей незапланированной беременности и потенциальном отсутствии отца у ребёнка, становиться матерью-одиночкой мне было не страшно, но всё-таки досадно. До сих пор я жила мечтой о дизайнерской карьере в Нью-Йорке, что сейчас, по прошествию пяти лет жизни в провинциальных городках в роли единственного родителя своего ребёнка, мне кажется едва ли не дикостью – сейчас я бы ни за что не променяла провинцию с её природой на бетонные джунгли мегаполиса. Идея после окончания колледжа перебраться жить в Роар была для меня ясной, как солнечный летний день: здесь жила Астрид, здесь жил Грир и здесь жила Рина – великолепная тройка, гарантирующая мне не только помощь во всём, что касалось рождения моего ребёнка, но и обещающая мне борьбу за какое-то пока ещё неведомое мне счастье. Более того, Роар ассоциировался у меня с моим собственным детством и оттого с осо-

бенным видом счастья. До пятнадцати лет я жила здесь, пока родители не решили переехать в Куает Вирлпул из-за рабочего перевода отца. Именно на улицах Роара со мной произошло всё то, что я определяю своим первым, а значит самым чистым счастьем: здесь я научилась кататься на велосипеде, впервые встала на ролики, спасла одинокого щенка, запускала огромные мыльные пузыри, строила песочные замки и плавала в заливе... Здесь я познакомилась с Риной Шейн и обрела в её лице лучшую подругу.

Рина была на три года старше меня, но разница в возрасте не помешала нам стать лучшими подругами. Когда семейство Шейн приехало в Роар из далёкого Мемфиса, мне было пять лет, Гриру одиннадцать, а Астрид все двадцать – тогда моя старшая уже была замужем за Маршаллом Брадшо и ждала рождения Гарета. В семье Шейн было всего два ребёнка: девятилетний Грэм и восьмилетняя Рина. Если мы с Риной стали подругами несмотря на разницу в возрасте, тогда Грир и Грэм стали лучшими друзьями несмотря на то, что мой брат Грир был карликом, что уже тогда отягощало его жизнь в младшей школе. Самое забавное, что за всю историю своей жизни Грир ни разу не вступил в драку ни с одним из своих обидчиков, которые норовили ужалить его из-за его карликовости, хотя во многих ситуациях он мог бы одержать уверенную победу, а вот я пару раз дралась, отстаивая его честь, и оба раза неплохо навала целой группе сопляков, посмеявшихся докопаться до моего старшего брата, который впоследствии оттащивал меня из кучи-малы и, уже клея разноцветные лейкопластыри на сбитые костяшки моих кулаков, с нестандартной для ребёнка мудростью объяснял мне, почему мне нельзя реагировать на низость других детей: потому что я не должна опускаться до их уровня, равного уровню плинтуса. Я плохо это понимала в свои семь и десять лет – именно в этом возрасте я вступала в драку из-за брата – но Грир обладал поистине взрослой мудростью и в свои шестнадцать, и в тринадцать лет, и даже в более раннем возрасте. О лучшем брате я не могла и мечтать. Однако мою позицию полезности кулачного боя не просто разделял, но практиковал гораздо более чаще меня Грэм Шейн. Будучи на два года младше Грира, он так часто разбивал носы и выбивал молочные зубы тем, кто смел дразнить его лучшего друга, что его родителей по-нескольку раз в год вызывали на ковёр к директору школы именно по вопросу его способов защиты Грира. А так как дети семейства Шейн и младшие дети семейства Холт были практически не разлей вода, нас порой вызывали к директору парами или сразу вчетвером. Так уж сложилось, что мы вчетвером слишком часто не вписывались в крутые повороты отработанной социумом системы, в результате чего громили её острые углы или сами громились о них. Помню, как однажды вместо родителей на вызов директора в школу пришла Астрид. Мне тогда было восемь, Гриру четырнадцать, Грэму двенадцать, а Рине одиннадцать. Суть вызова состояла в следующем: ученики средних и младших классов – то есть мы вчетвером – проигнорировали школьную линейку, посвященную награждению победившей баскетбольной команды. У нас был резон: команду, в которой играл Грэм, засудили только потому, что капитаном противоположной команды являлся сын директора школы – по-честному счёту команда Грэма обыграла противников минимум на два очка! И теперь медали, и возможность отправиться на матч в Портленд, вручались лжецам. Помню, как в тот день Астрид, вся в чёрном, с густыми и длинными чёрными кудрями, с густо подведёнными чёрным карандашом глазами, с шипованными браслетами и устрашающими татуировками на руках, открыла с ноги дверь в кабинет директора. По её виду никак нельзя было определить, что эта двадцатитрёхлетняя оторва уже является успешной женой, благополучной матерью трехлетнего сына и одновременно бизнесвумен в сфере баров. Она тогда столько ментальных пощёчин влепила некомпетентному директору школы, растерявшемуся и раскрасневшемуся от столь неожиданного и дерзкого нападения, что он в буквальном смысле растерял всё своё красноречие, которым обычно блистал перед нашими родителями.

– Нас теперь точно исключат из школы, – смеясь и параллельно поправляя лямки своего рюкзака на плечах, предчувствовал Грир, шагая вслед за Астрид по школьной парковке, на которой сестра оставила потрясный байк Маршалла, на котором примчалась к нам на выручку.

– Пусть только попробуют – я подожгу всю их лицемерную конторку и начну с кабинета этого папаша, прикрывающего задницу своего сына, не способного попасть в баскетбольное кольцо мячом с двух шагов! – прорычала в ответ Астрид, после чего припечатала наших обидчиков ещё жестче. – Держу пари, не пройдет и пары лет, как его сопляк попытается, но не сможет трахнуть одну из своих одноклассниц, потому что просто не сможет попасть в неё! И потом его папаша ещё медаль ему вручит и отправит в Портленд попрактиковаться.

– Ха-ха-ха! – слегка запрокинув голову, засмеялся мой старший брат завидным мужественным баритоном, который заполучил уже в свои четырнадцать лет. – Астрид, ты нечто. Тебе ведь родители говорили не выражаться в присутствии мелких.

– Кто тебя назвал мелким?! – сестра так резко развернулась со своими устрашающе сжатыми кулаками, что казалось, нам просто необходимо было указать на человека, посмеявшегося назвать её брата мелким, и от этого несчастного обидчика в сию же секунду не осталось бы даже мокрого места. – До тебя снова начали цепляться какие-то недоумки?! Назови мне их имена и к завтрашнему утру ты будешь единственным мужчиной среди них!

– Потому что всех их ты сделаешь евнухами, – смеясь, закончил уже известную угрозу Грир.

– Ура! – радостно захлопала в ладоши Рина. – Астрид кастрирует Дэвиса, посмеявшегося назвать тебя недоросликом!

В тот день Астрид угощала нас самым вкусным мороженым, которое только нашлось в её баре. А на следующий день, несмотря на все дипломатические увещевания Грира, рыжий шестнадцатилетний амбал Дэвис, с болезненным выражением лица держась за свою промежность, стоя на тротуаре на коленях и с завёрнутым ухом, которое Астрид всё ещё продолжала безжалостно выкручивать, писклявым голоском пятилетней девчонки умолял у Грира о прощении. И Грир его простил. Хотя и не держал на него обиду. Таков был Грир.

В тот год, в результате урагана под именем Астрид, нас всё-таки не исключили из школы. Напротив, руководство школы прекратило нас трогать, окончательно и бесповоротно признав обе наши семьи тронутыми. Это были счастливые времена...

* * *

Обри и Осборн Шейн не являли собой эталон внешней красоты, отчего красота их детей, особенно Риной, являла собой своеобразную неожиданность. Моя мама обожала фотографировать меня с Риной, чтобы после хвастаться своими фотоколлекциями перед подругами, демонстрируя им такую разную и такую неприкрытую красоту обеих девочек. На фоне фотолюбительства моя мама с мамой Риной и подружились, отцы же нашли друг друга в рыбалке, так что наши семьи очень скоро стали практически родственными. Родительскую дружбу подкрепляло ещё и то, что оба Шейн были детскими стоматологами, а моя мать была в прошлом медсестрой, так что тема медицины между нашими домами являлась одной из частиц своеобразного раствора, накрепко сцепляющего наши кирпичи. Между детьми же был свой раствор: на нашей улице нам больше не было с кем играть – нас окружали либо семьи с младенцами, либо семьи со взрослыми подростками – так что нам, как ровесникам с совпадающими взглядами на жизнь и похожим воспитанием, было интересно друг с другом. В итоге мы настолько прочно сдружились, что когда родители в моём пятнадцатилетии сообщили мне о переезде, я впала в настоящую депрессию из-за перспективы расставания ещё и с Риной. К тому времени Грир и Грэм уже выпустились из школы и поступили в разные университеты, так что уже тогда я ощу-

щала одиночество, лишь сильнее подпитываемое моим подростковым возрастом. Рина, узнав о решении моих родителей переехать вслед за отцовской работой и о моём отрицательном мнении на этот счёт, придумала отличный план: она подговорила меня попытаться уговорить родителей на то, чтобы они отдали опеку надо мной Астрид, с семьёй которой я вполне могла бы остаться жить в Роаре, особенно с учётом того, что сестра была не против подобного решения сложной задачи. Однако родители обрезали эту роскошную идею на корню: их ребёнок будет жить только с ними – и на этом точка. Мои родители всегда были чрезмерно внимательными опекунами, из-за того, что произошло со второй моей сестрой ещё до моего рождения, так что шансов победить их убеждённости в необходимости моего переезда у меня не было.

Впервые за десять лет дружбы мы с Риной расставались.

Тот переезд меня сильно подкосил, даже несмотря на то, что в новой школе я стала настоящей звездой из-за уже одного того факта, что казалась своим одноклассникам красивой девочкой из большого города – Куает Вирлпул на фоне Роара выглядел едва ли не деревней. Я быстро завела новые знакомства, но друзей, кроме Риной, у меня больше так и не появилось: я не позволяла слишком близко приближаться к моему пространству никому из желающих, а желающих было много. Особенно среди парней, что меня тогда сильно пугало, в отличие от Риной, которой на тот момент уже было восемнадцать и которая, после окончания школы с хорошим аттестатом поступив в захудалый колледж Роара, уже полгода как встречалась с парнем, который был на десять лет старше её. Мы созванивались с ней по-несколько раз в неделю, переписывались каждый день, и так продолжалось на протяжении двух лет, по истечению которых я уехала в Бостон и уже там продолжила мечтать однажды вернуться в Роар, но только после того, как добьюсь успеха в Нью-Йорке. В своих мечтах я возвращалась в Роар в пятидесятилетнем возрасте, перед пенсией, покупала здесь просторный домик на берегу залива и со своими престарелыми сестрой, братом, лучшей подругой и их семьями пила вино, наслаждаясь красочными закатами, уходящими под воду. Но так как Нью-Йорк отменился из-за моей беременности, я обратила свой взор на Роар на несколько десятилетий раньше изначально запланированного срока.

Когда Рина узнала, что я беременна и что отца у моего ребёнка не будет, она, прежде чем я успела бы посвятить её в ещё несуществующий план своих дальнейших действий, буквально выкрикнула, максимально приблизив веб-камеру к своему лицу: “Ты будешь жить со мной!!!”. Так весь план от “А” до “Я” за меня, в те тяжёлые для меня дни, выстроила Рина, примчавшаяся ко мне на всех ветрах в компании Астрид, которая активно кивала головой в такт каждого слова моей подруги. Рина же вещала уверенно и немного мечтательно: она решила уже в апреле съехаться со своим новым парнем, с которым встречалась уже год, так что квартиру, в которой она всё ещё живёт, она придержит для меня до июля; получив диплом, я приеду в Роар в июле, обустроюсь в этой квартире, от которой до нового местожительства Риной всего каких-то пяти-сот метров, а до бара Астрит и того меньше, и буду ждать рождения ребёнка, который должен будет появиться как по часам в конце сентября; до сентября вся моя группа поддержки – Астрид с Маршаллом, Рина с Раймундом, мои родители и Грир со своей яркой девушкой Грацией – все они будут усиленно готовиться к появлению малыша: покупать приданное – кстати, я обязана буду выбрать колыбельку для младенца вместе с Риной! – откладывать деньги... По поводу финансовой поддержки я парировала словами о том, что у меня имеются крупные сбережения – на протяжении четырёх лет работы в салоне коктейльных платьев я потратила от силы пять-семь зарплат – но никого это уже не интересовало. Всё моё окружение было старше меня и на тот момент заметно самодостаточнее: у Астрид и Маршалла был прибыльный бар, у Риной собственное фотоателье, а Грир и вовсе пошёл дальше всех, выбрав стезю нашего отца, в которой преуспел гораздо больше него – мой брат стал не просто успешным бизнес-аналитиком, но крайне востребованным специалистом во всём Мэне и, естественно, его успех, происходящий из беспросветного труда, принёс ему не просто красивый доход, но даже некото-

рое богатство. Я же в то время была всего лишь сопливой студенточкой с несостоявшимися амбициями и заметно растущим животом. Естественно мне было не избежать и не отбиться от помощи своих старших родственников, и друзей.

На следующий день после инцидента с Лурдес Крайтон, окончательно лишившись надежды на поддержку и возможное – как смешно! – возвращение ко мне Байрона, я отправилась в Роар. Купила билет на ближайший поезд, собрала сумку и, лишь за час перед отъездом из Бостона предупредила Астрид о том, что я еду к ней.

Первую неделю я гостила у сестры, вторую провела в квартире Рины, с наслаждением слушая её рассказы о её сложных, но определённо точно увлекательных отношениях с Раймундом Хоггартом, который, к моему удивлению, оказался, как и её родители, детским стоматологом. Он был на пять лет старше Рины и, судя по её рассказам, являлся страстным любовником, однако её не устраивало, что он был далёк от романтики, так что в тот период своей жизни моя подруга находилась в активном процессе не сказать чтобы перевоспитания своего бойфренда, но направления его на путь истинный. Я смотрела на Рину и радовалась её счастью: она буквально сияла от своих новых, бурных отношений и даже обещала, что если когда-нибудь решит стать миссис Хоггарт, я и только я буду подружкой невесты на этой свадьбе.

Мне необходимо было закончить колледж и получить диплом – таков был мой план на ближайшее будущее. И потому в ночь на первое марта я отправилась обратно в Бостон. В том году в Роаре снега выпало мало и к концу февраля он весь растаял, зато температура на улице ночью могла достигать минус пятнадцати градусов, так что мы с Риной в ночь перед моим отъездом долго и тепло одевались. До сих пор помню, как Рина, улыбаясь, говорила: “Теперь всегда одевайся тепло, слышишь? Даже не вздумай ходить без шапки и без шарфа: внутри тебя растёт ребёнок, так что ты ни при каких условиях не должна болеть!”.

Я выпросила у неё ключи от старого ауди, на который она смогла самостоятельно накопить в свои двадцать четыре года, и в итоге до вокзала за рулём сидела самодовольная я, громко разглагольствующая о том, что когда-нибудь и я смогу накопить на свой личный автомобиль, и тогда позволю своей подруге прокатиться на нём. В ответ на мои мечтания Рина очень громко смеялась, явно желая заразить меня своим смехом, потому что нам обоим тогда было грустно оттого, что нам приходилось расставаться до июля. Хотя нет, не до июля. Рина обещала навестить меня в конце апреля, когда мой живот уже начнёт округляться, а она сама переедет в квартиру Раймунда.

Мы долго обнимались на перроне. На мои глаза даже навернулись слёзы, что вызвало у подруги искренний смех. Она сказала, что всё будет хорошо, что я смогу вырастить этого ребёнка и что все будут счастливы мне помочь: она, Астрид, Грир, мои родители. Поезд отправлялся в 00:30, так что десять минут мы простояли на морозе, а когда я вошла в вагон и состав тронулся, Рина ещё некоторое время шла за вагоном и махала мне вслед рукой, на рукаве куртки которой висела смешная варежка на резинке. Помню, что я очень долго стояла прилипнув лбом к окну и махала ей в ответ даже после того, как она скрылась из вида. Внутри меня подсасывало странное чувство горечи, которое я никак не могла себе объяснить... В ту ночь я так и не смогла заснуть.

В ту ночь Рину Шейн пристрелили. Я видела свою лучшую подругу в последний раз именно в ту холодную мартовскую ночь.

Глава 17

Тереза Холт

Пять лет назад

Убийцу так и не нашли. Рину пристрелили посреди города, прямо в её машине, но никаких свидетелей, никаких улик и даже подозреваемых так и не отыскалось. Я была последней, кто видел её и кто общался с ней, но я ничем не могла помочь следствию: убийство произошло спустя десять минут после моего отъезда. Вокзальные видеокамеры зафиксировали наш приезд на вокзал, наше прощание на перроне и выход Рины за пределы территории вокзала, но это было “всё”, которое одновременно равнялось “ничему”. Убийцу или, быть может, убийц не наказали. Кто-то осознанно, целясь в сердце моей подруги, убил её посреди ночного Роара, после чего продолжил жить дальше, словно ничего особенного не произошло... Я была в шоке – все были в шоке – но мы оказались бессильны перед реальностью, которую нам подсовывал местный следователь уголовного отдела. Этот человек, никто из нас в этом не сомневался, в свои восемьдесят девять лет страдал маразмом, раз не находил ни единой – ни единой! – зацепки. Да, дело Рины вёл допотопный старик, который в свои восемьдесят девять лет хотя и выглядел чрезмерно бодро, однако находился в откровенно преклонном возрасте, чтобы не то что возлагать на себя подобную ответственность, но иметь право не на простое участие в расследовании, но стоять во главе его! Правление расследованием убийства Рины древним стариком, способным быстро бегать, но неспособным так же живо мыслить, само собой являлось преступлением! Плевком в душу пострадавшим семьям! Показателем наплевательского отношения местных властей...

Убийцу не нашли. Потому что, я уверена в этом, очень плохо искали. Или не искали вовсе. Все попытки убитых горем родственников и друзей вмешаться в этот процесс потерпели крах, а когда спустя год сплошного кошмара здоровье отца Рины стало резко сдавать позиции, её семья и вовсе прекратила бороться. Возможно только эта пассивность в итоге и помогла отцу Рины протянуть ещё четыре года после смерти единственной дочери, но третий по счёту приступ его всё же доконал. Он успел увидеть рождение внука от Грэма, но рождения внучки так и не дождался.

Самой сложной для меня стала первая неделя осознания невозможности отмены смерти Рины: соболезнавания мистеру и миссис Шейн, Грэму и его жене, похороны, общение с полицией... Спустя семь дней, когда мне отчётливо показалось, будто горе угрожает убить меня, я вдруг неожиданно, резко отстранилась от этой боли. В моей голове внезапно прозвучали сказанные мне той злосчастной ночью слова Рины: “Внутри тебя растёт ребёнок, так что ты ни при каких условиях не должна болеть!”, – и я резко перестала болеть. Позже, когда моё отстранение от смерти Рины пройдёт, родные объяснят мне, что это был защитный блок со стороны моей психики, но мне до сих пор кажется, будто я попросту предала свою подругу, чтобы защитить своего ребёнка. Я перестала плакать и страдать, я стала меньше торчать в четырёх стенах и начала регулярно гулять по свежему воздуху, с головой ушла в учёбу, в чтение специальной литературы о материнстве, и сосредоточилась на сбалансированном питании... Я даже впервые в жизни попыталась заняться йогой, но меня хватило только на три занятия. Смерти Рины для меня не существовало. Спрятавшись от неё в Бостоне, я почти всерьёз считала, будто после того, как эта странная весна минует, в июле мы обязательно встретимся: я приеду рожать в Роар и моя лучшая подруга встретит меня на перроне, и поселит в квартиру, которую она пообещала для меня придержать... Вот только никакой подруги у меня больше не было. И квартиры не было. И плана, соответственно, у меня до последнего момента тоже никакого не было. В результате я только и смогла что спрятаться в коконе, и получить свой диплом с отличием, но

когда наступил июль, я наконец осознала, что совершенно не знаю, что мне делать дальше и в какую сторону двигаться. Благо, за меня это прекрасно знали близкие мне люди. Видя, в какой глубокой отрешенности относительно потери Рины я пребываю, они старались не заговаривать при мне о ней, а пока я таким образом защищала свой живот от переживаний, они за моей спиной планировали моё будущее, в котором они могли бы помочь мне справиться не только с послеродовой депрессией, но и с осознанием смерти Рины, которое, как они были уверены, должно было вернуться ко мне сразу после рождения ребёнка.

До момента получения диплома на руки, я не осознавала того факта, что я ни при каких условиях не желаю возвращаться в Роар. Поэтому, когда мои родители сообщили мне о том, что они “немного подумали и сделали в бывшей бабушкиной квартире ремонт, рассчитывая сдать пятьдесят квадратных метров квартирантам либо отдать их в пользование своей дочери, ожидающей рождения их внука”, я сразу же согласилась. И высоко оценила их осторожный подход: я поняла, что ремонт изначально делался исключительно ради меня, но уловка с квартирантами мне понравилась. При таком ракурсе у меня как будто бы был выбор, в результате чего я *самостоятельно* выбрала вернуться в Куает Вирлпул, чтобы родить своего ребёнка в захолустном городке с населением в семь тысяч человек. Мои родители были хорошими игроками в покер. Я всегда гордилась их психологическо-педагогическими навыками и потому не заметила, как стала бояться того, что у меня не получится быть такой же хорошей в плане чуткости родительницей, какими являлись они, но, кажется, зря опасалась. Кажется, я по итогу неплохо справляюсь самостоятельно...

После похорон Рины в Роар я приезжала только единожды – на годовщину её смерти посетила её могилу. Именно в тот день мой психологический блок прорвало: не в день рождения Берека, а в день смерти Рины. И прорвало так сильно, что по возвращению домой в совершенно разбитом психологическом состоянии у меня неожиданно перегорело молоко, в результате чего пятимесячного Берека в срочном порядке пришлось переводить на кормление смесями. В тот день я решила больше не возвращаться в тот город, даже отказывалась принимать участие в семейных поездках на пляж, а с Астрид и Гриром виделась только когда они сами приезжали ко мне – то есть три-четыре раза в месяц, что достаточно часто. А потом, когда Берек заговорил, я поняла, что, похоже, никуда мне от этого города не деться – он буквально призывал меня к своей пропитанной солью заливу и кровью моей лучшей подруги земле.

* * *

Мои родители были в восторге от самого факта, что я с сыном поселились в одном городе с ними. Астрид с Маршаллом и их двумя сыновьями были вне их ближайшей досягаемости, и только что женившийся Грир тоже жил в Роаре, поэтому всё их свободное время, любовь и мудрость выпали на долю меня и Берека. Так что вполне можно считать, что у меня с самого начала было всё необходимое для полноценного воспитания счастливого ребёнка, за исключением мужа и лучшей подруги. Поддержка родителей, Астрид и Грира в первые годы жизни Берека буквально зашкаливала. Чтобы осознать всю глубину их поддержки, достаточно вспомнить, что по ночам я высыпалась достаточно неплохо: три из четырёх дней в неделю, ровно на протяжении первого года жизни Берека, у меня по-очереди оставались с ночёвкой родители, сестра и брат. В первый месяц Астрид и родители вообще не отходили от нас, а впоследствии Грир стал позволять себе приезжать ко мне и на две ночёвки в неделю, чтобы послушать, как весело голосит его “любимый племяш”. Когда уже взрослые подростки Гарет и Риан – сыновья Астрид – слышали, как Грир называет новорождённого племянника “любимым племяшом”, они чуть всерьёз не приревновали ребёнка к дяде. Такой Грир человек – его невозможно любить не всем сердцем.

Поэтому, когда я поняла, что переезда в Роар мне не избежать, я заранее предвидела, как болезненно эту новость воспримут родители – хотя Роар и находится всего в двадцати пяти километрах от Куает Вирлпул – и как сильно будут рады этому моему решению Астрид с Гриром.

Первым словом Берека стало слово “мама”. Сам же факт, что он произнёс его всего лишь в восьмимесячном возрасте, привёл меня в самый настоящий восторг. Всю ночь перед тем, как услышать это живительное “мама”, я не спала из-за его режущихся зубов и вызванной режью истерики, из-за чего к рассвету чувствовала себя едва ли не убитой и почти оглохшей, но слово “мама” я расслышала определённо ясно. “Мама!.. Мама!.. Он сказал “мама”!.. Не папа!”. Моей радости не было предела. Я целовала этот розовощёкий комочек в его подрагивающий животик и он хихикал, как будто перед этим и не проплакал всю ночь напролёт... В тот момент я пребывала в таком восторге, которого в своей жизни никогда не испытывала! А потом, спустя две недели, он сказал “папа”.

В девять месяцев Берек скороговоркой твердил: “Папа-мама-папа-мама-папа-мама”, – а в десять уже не ходил, а бегал держась за стены и мебель. В одиннадцать месяцев он называл Грира Глилом, Астрид Аслит, мою маму бабутёй, моего отца деда, а кузенов Глалетом и Лиланом. В конце десятого месяца он стал повторять за мной колыбельные. Это случилось в присутствии Грира, который, услышав от засыпающего младенца мелодичный напев, вперился в меня ошарашенным взглядом и произнёс: “Кажется, у тебя будут проблемы с этим малым”. И проблемы действительно возникли...

Уже спустя год после рождения Берека я устроилась в фирму Алана Пасса на должность интерьерного дизайнера, но сына в ясли я не отдала. Во-первых, мои родители были категорически против яслей, а во-вторых, я сама была против них. Не будь у меня возможности не отдавать ребёнка в ясли, я бы ещё с год просидела дома, благо моих четырехлетних накоплений на это время вполне хватило бы. Но я хотела работать, а родители хотели больше времени проводить с внуком, так что звёзды сошлись: Берек ещё на какое-то время остался в лоне семьи, не подвергаясь стрижке мышления фигурными ножницами социума.

В первые годы жизни Берека я считала, что для него достаточно общения в лицах заботливых родных и взрослых людей, и того, что круг его общения с ровесниками состоит лишь из трёх детей: дочери Грира, рождённой на год позже него, и двух соседских мальчиков, его одноклассков. Однако в мае текущего года, когда в одно прекрасное воскресное утро Берек подбежал ко мне с просьбой оценить, как он умело складывает в уме трехзначные цифры, превращая их в четырехзначные, я поняла, что с этим нужно что-то срочно делать. Я боялась и оттого не желала вводить его в социальную систему раньше того времени, которое я могла бы ему предоставить, но одновременно я опасалась того, что мои страхи могут губительно отразиться на несомненно быстром развитии моего ребёнка. Я боялась своей пассивности. И потому в то утро, когда Берек в течение пяти секунд выдал мне правильный ответ на вопрос: “Сколько будет, если девятьсот пятьдесят восемь сложить с семьюстами двадцатью тремя?”, – я пообещала себе, что не остановлюсь, пока не найду лучший вариант для дальнейшего всестороннего развития своего сына, нежели тот, который я предоставляла ему в тот момент.

Август текущего года

Было совершенно очевидно, что iq рождённого мной ребёнка рискует очень скоро перерасти моё собственное и уже начинает биться о незримые границы познания света моих родителей, поэтому, чтобы дать стимул этому светлому уму сиять, для начала я показала его лучшему специалисту в Мэне, для чего мне с Береком пришлось съездить в Бангор. В Бангоре пожилой мужчина в белом халате и блестящих золотой оправой очках, провозившись с Береком около часа, в результате заявил мне, что моему сыну *необходимо* двигаться дальше – его нельзя оставлять ни на попечении тесного семейного круга, ни тем более его нельзя отдавать в обыкновенный детский сад. Профессор утверждал, что если поместить Берека в среду менее развитых детей, пусть и его ровесников, его интеллект не скатится, конечно, но очень быстро начнёт мимикрировать под скорость развития окружающих его личностей... Иными словами: меня с Береком послали в школу для развивающихся не по годам детей. Вот только в этом послыше возникло две загвоздки. Во-первых, не только ближайшая ко мне подобная школа, но и лучшая во всём Мэне размещалась в Роаре, в который я мало хотела возвращаться. А во-вторых, в эту школу принимали детей только с пяти лет. Береку же пять лет должно было исполниться только тридцатого сентября – нам не хватало ровно месяца до отметки вступительного возраста, но к моменту, когда я вернулась из Бангора, я уже была уверена в том, что не останусь, пока не выберу у общества лучшие развивающие игрушки для своего ребёнка. Я давно приняла решение не сдаваться, так что теперь просто шла напролом.

* * *

Я прекрасно знала о месторасположении школы имени Годдарда в Роаре, хотя и не ходила в неё, посещая самую обыкновенную школу для обыкновенных детей и имея совершенно обыкновенную, среднюю успеваемость по всем предметам – только рисование, литература и физкультура у меня неизменно имели высший из возможных бал. Школа для одарённых детей была построена в красивом месте, на высокой площадке с открытым видом на залив. Красочное место было буйно объято декоративной растительностью и имела не только хорошую парковку, но и новую игровую площадку на улице, что лишний раз подчёркивало наличие у школы богатых спонсоров. Уже издалека увидев это хотя и всего лишь двухэтажное, но всё равно величественное здание, я поняла, что, скорее всего, в ближайшие годы это место станет для меня ассоциацией с большой дырой в моём бюджете. Однако меня это озарение вовсе не пугало. Меня пугала только перспектива того, что я не смогу выбить в этой школе место для Берека всего лишь из-за каких-то тридцати дней, отделяющих моего сына от пятилетия, необходимого для поступления в первый класс уже в этом году. Поэтому я решила действовать решительно. Первого августа я лично встретила с директором школы, а уже третьего августа была собрана комиссия для оценки умственного развития Берека, в результате которой все члены комиссии были поражены этим “чудесным мальчиком”, как они единогласно его окрестили. Только после всех озвученных вслух восторгов я вскользь упомянула о том, что Береку исполнится пять лет только в конце сентября. Это заявление вызвало волну среди комиссии, состоящей из десяти человек – разве Вы не знали, что в нашу школу принимают только с пятилетнего возраста? конечно не знала! – однако я сделала ход конём. Перед ними стоял не просто одарённый ребёнок – перед ними был мальчик, который обещал их школе медали, дипломы и прочие блестящие безделушки, которыми они так сильно любили хвастаться, словно собственными достижениями, перед потенциальными спонсорами. Поняв, что комиссия колеблется, я

решила вновь походить конём, хотя второй столь дерзкий ход и был слишком рискованным: я сказала, что если они сомневаются, тогда я без проблем могу съездить в Нью-Гэмпшир, в Лаконию, и отдать своего сына на обучение туда – там наверняка его заберут с руками, с ногами и с его четырьмя годами.

На самом деле я бы так не поступила. Не потому, что не хотела, а потому, что переезд в соседний штат был мне откровенно не по карману.

Тот факт, что после второго громкого заявления с моей стороны комиссия в течение всего лишь одной минуты согласилась принять нас в лоно своего заведения, меня озадачил. Я, конечно, осознавала, что Берек умён не по годам, но, похоже, не до конца. Помню, как после заявления директора школы о том, что она готова взять Берека в первый класс под свою ответственность, я опустила свой взгляд вниз и посмотрела на сына, крепко сжимающего мою руку. Он тоже смотрел на меня своими заинтересованными, огромными зелёными глазами, обещающими в будущем покорять женские сердца *с первого взгляда*.

– Мам, а ты уверена, что мне уже пора? – вдруг совершенно уверенным тоном поинтересовался он, не отрывая от меня своего пронзительного взгляда.

– Что пора, дорогой?

Я думала, что он ответит “пора в школу”, но вместо этого он произнёс кардинально отличающиеся от ожидаемых мной слова:

– Пора взрослеть.

Он как будто сам ответил на свой вопрос. Произнеся это резанувшее моё сердце словосочетание-ответ на свой вопрос, он перевёл свой взгляд с меня на взрослых, которые ещё несколько минут назад тестировали его вопросами вроде: “Сколько будет дважды восемь?” и “Ты знаешь наизусть какой-нибудь стишок?”. Берек знал сколько будет двенадцать умноженное на восемнадцать и знал наизусть пятьдесят четыре сонета Шекспира. Он прочёл им шестнадцать сонетов, после чего ответил на вопрос о том, что такое солнце, двумя вариантами: “Солнце – это одна из звёзд нашей Галактики и единственная звезда Солнечной системы” и “Это то, что дарит людям жизнь”. Были и другие вопросы, и более развёрнутые ответы, но эти моменты того дня мне запомнились больше всего. Очевидно, именно солнце подарило жизнь этому ребёнку, произведя его на свет посредством скромных ресурсов моего организма и ещё более скромных ресурсов организма того, кто оказался достаточно глуп, чтобы не суметь воспользоваться презервативом правильно и после отказаться от знания о существовании этого близкого к совершенству существа, появившегося на свет вследствие непрерывной цепочки ошибок.

– Мам, а тут будут другие дети? – продолжая сверлить взглядом расшумевшихся взрослых, вдруг вновь спросил у меня Берек и, выпустив мою руку, не дожидаясь от меня ответа, продолжил. – Если это такая школа, где только взрослые, тогда я не хочу в неё ходить.

– Я думала, ты хочешь ходить в школу, чтобы получать знания...

– Нет, мама, знания я *пока ещё* могу и с тобой получать, – он грустно вздохнул. – Мне бы друзей, раз уж папы у меня нет.

Той ночью я впервые за долгие годы разрыдалась посреди ночи в подушку. Почти пять лет я убеждала себя в том, что справляюсь со своим материнством, напроочь не замечая очевидного: моему сыну не хватает одной лишь меня. Ему всегда будет не хватать только меня. Пустота там, где должен быть его отец, уже начала облачаться в слова пока ещё маленького мальчика. Впрочем, я знала, что рано или поздно этот день наступит: Берек заговорит об отце. В тот день он не спросил о нём, а именно заговорил о нём. Впоследствии он всё чаще и чаще стал говорить о своём отце, но, почему-то, не знаю почему, никогда не спрашивал о нём. Он мог сказать нечто вроде: “Вот было бы здорово, если бы это мороженое нам купил папа!”, – или: “Было бы интересно позапускать этого воздушного змея с папой”, – или: “Папа бы точно смог построить самый большой песочный замок на этом пляже”, – но до сих пор он ни разу так

и не спросил меня: “Кто мой папа?”. Я не понимала, почему... Почему? Но я боялась этого уточнения. Потому что я не хотела отвечать на вопрос о том, кто его папа. Потому что тогда мне пришлось бы сказать ему правду – ведь я всегда говорила своему ребёнку правду, считая ложь плохим фундаментом для воспитания достойного человека. И тогда мне пришлось бы сказать своему сыну, что он родился у меня потому что я... Любила его отца. А я не хотела слышать от себя этих слов... Этой правды. Потому что я была испорченной взрослой. Но и солгать я не смогла бы. Потому что я не хотела портить своего сына. И поэтому я не спрашивала у Берека, почему он не спрашивает у меня, кто его отец. Потому что я боялась своей правды и потому что боялась правды его.

* * *

Переезд в Роар гарантировал мне серьёзные финансовые затраты, и я это прекрасно осознавала. Только то, что прежде живя в квартире, двадцать лет назад оставленной моему отцу бабушкой в качестве наследства, в результате чего мне не приходилось платить арендную плату, лишь коммунальные платежи, очень сильно спасало моё положение, но теперь мне необходимо было выделить крупную сумму на аренду жилья, к которой, к моему ужасу, я была не готова. И не потому, что у меня была маленькая зарплата – она была сносной – а потому, что арендную плату за сдающуюся в одном из прибрежных таунхаусов квартиру необходимо было внести на полгода вперёд, а для меня подобная сумма в буквальном смысле являлась неподъёмной. Максимальный срок аренды, за который я могла заплатить, составлял три месяца, и-то с учётом того, что уплатив за них я бы должна была отказаться от бензина для своей рухляди, но в пешехода мне категорически нельзя было превращаться, иначе бы я просто разорвалась между школой, работой, походами в продуктовые магазины и далее по этому бесконечному списку вездесущей матери.

Всё началось с того, что Астрид, узнав о том, что я собираюсь переезжать в Роар, мгновенно, то есть менее чем за одни сутки, нашла для меня подходящее жильё. Во-первых, оно было недалеко от школы Берека, во-вторых, оно было фантастически близко к пляжу, и в-третьих, оно стоило совсем дёшево, как выражалась моя сестра. Это была двухэтажная квартирка в двухэтажном таунхаусе, и хотя сам таунхаус был старше меня, и почти все комнаты в квартире были клаустрофобически узкими, всё же данное жильё было хорошим. На первом этаже располагались маленькая прямоугольная прихожая, компактная гостиная, преступно крохотная ванная комната, квадратная кухонька и компактный чулан. На втором этаже было всего две, зато очень просторные комнаты: спальня и гардероб – обе эти комнаты располагались под низкой, скошенной крышей.

Мне откровенно понравился этот дом: через открытую форточку доносятся буйные звуки прибоя, до пляжа рукой подать, школа Берека практически в шаговой доступности, квадратных метров для нас двоих более чем достаточно, а выцветшие обои в цветочек можно счесть просто винтажными. Тот же факт, что большая часть мебелировки пребывала в откровенно дряхлом состоянии, меня совсем не смущал – у меня кое-что имелось из своей мебели (моя и Берека кровати, диван, два кресла, рабочий стол, несколько стульев и комод), плюс к этому женщина, сдающая эту квартиру, разрешала немного расчистить пространство и выкинуть всю ту мебель, которую я сочту лишней. Естественно от такого предложения я сначала пришла в восторг, на первых порах даже не задумавшись о том, в какую сумму мне обойдётся грузоперевозка и отдельно услуги грузчиков на расчищение этого самого пространства, и заполнение его моими вещами. Астрид же, видя одобрение и даже лёгкую улыбку на моём лице, буквально сияла от радости, понимая, что мне нравится этот вариант. Она одобритительно подмигивала мне и показывала два больших пальца за спиной хозяйки квартиры, явно намекая на то, что это

место срочно нужно снимать, пока оно не ушло к другим желающим жить близко к пляжу. А с учётом того, что перед этим в телефон сестра уверяла меня в том, что аренда данных квадратов обойдётся мне дёшево, я и вовсе расслабилась, так что в итоге достаточно поспешно ответила на любопытствующий взгляд арендодателя словами: “Меня всё устраивает. Я согласна арендовать эту квартиру”. И только после озвученного мной согласия я узнала о подводных камнях столь привлекательного предложения, которое, как я изначально и подозревала, просто не могло не иметь тайного скелета в шкафу. Хозяйка квартиры хотела, чтобы полная стоимость за аренду была внесена мной за полгода вперёд уже на следующий день после заключения арендного контракта. Фишка же дешёвого жилья заключалась в том, что оно сдавалось на десять процентов дешевле, чем любое другое жильё в округе, потому что никто из желающих жить рядом с заливом не мог позволить себе заплатить полную стоимость за полгода вперёд. Астрид же с чего-то вдруг решила, будто я смогу потянуть эту плату. Наверное она думала, что в моей записке пятилетней давности остались ещё какие-то деньги, но правда заключалась в том, что этой записки уже два года как не существовало, потому как я наотрез отказывалась принимать в помощь деньги от старших брата и сестры.

Вот в чём заключался секрет такого “дешёвого” жилья прямо у пляжа: пожилая дочь хозяйки квартиры не могла позволить себе часто приезжать в Роар из Хановера, а продавать эту квартиру её престарелая мать, которую она в конце весны перевезла жить к себе, наотрез отказывалась, так что они искали человека, который согласился бы оплатить аренду на полгода вперёд. И этим человеком стала я.

Следующим утром после показа квартиры договор на аренду жилья был мной официально подписан и я внесла полную плату за полгода вперёд.

* * *

Спустя неделю после моего переезда в Роар, на закате очередного бурного дня, Астрид привезла мне обещанный ею двойной холодильник, который в итоге занял половину свободного пространства и до того бывшей слишком маленькой кухоньки. Этот холодильник она, оформив грузоперевозку за свой счёт, транспортировала прямиком из своего бара. Холодильник был с видимой двойной вмятиной посередине дверцы, что, впрочем не нарушало функциональности техники. История этого гиганта была таковой: какой-то пьяный амбал подрался в баре Маршалла и Астрид с каким-то другим пьяным амбалом, в результате чего они оставили вмятину на данном холодильнике, после чего им обоим пришлось поспешно скинуться на точь-в-точь такой же аппарат, потому как среди лучших подруг у Астрид с некоторых пор водилась какая-то супер-крутая леди из полиции, которую, впрочем, я ни разу не видела. Так что холодильник был подарком от старшей сестры, что было очень кстати, потому как до сих пор мне всерьёз светило жить без холодильника – этот переезд выжал из меня последние копейки.

Наблюдая за тем, как светящаяся от счастья из-за моего переезда в её город Астрид разворачивает два красных персидских ковра и осматривает занавески, которые мне презентовали родители и которые я планировала разместить в спальне, и в гостиной, я неосознанно размышляла над тем, что, несмотря на то, что мы с Астрид являемся единоутробными сёстрами, внешне мы совершенно не похожи. Она тоже была высокой, но свои и без того тёмные от природы волосы красила в насыщенный чёрный цвет и предпочитала укладывать их крупными локонами, глаза у неё были карие и глубоко посаженные, улыбка у неё была широкая... Моя сестра была красивой женщиной. Очень даже красивой. Но её красота совсем не совпадала с моей. Она была более резкой, дерзкой, открытой... Возможно, только курносые носы и могли выдать острому глазу наше родство, во всём же остальном она, как Берек, скопировала внешние черты у своего биологического отца.

Первым мужчиной моей матери был Гай Уэнрайт. Они познакомились, когда маме было всего семнадцать, ему же было только девятнадцать, а уже спустя год после этого знакомства мама родила девочку, которую её бойфренд решил назвать Астрид. Со слов мамы, между ней и Гаем была неистовая страсть, после которой последовали два года штиля совместного родительства. Ни мама, ни сам Гай никогда не скрывали того факта, что неожиданное родительство едва не сломало Гаю, однако он, как выражалась мама, “вовремя ушёл, благодаря чему сберёг свой бунтарский запал ещё на пару десятилетий”. Мама до сих пор высоко ценит, что этот человек, “вольный, как ветер”, смог продержаться с ней и их новорождённой дочерью целых два года. Обычно бродяги вроде Уэнрайта сразу бросают своих беременных подружек, но он, даже осознавая, что не сможет стать семьянином, смог наступить себе на горло и променять ветер в голове на целых двадцать четыре месяца работы курьером. В те два года он даже неплохо зарабатывал, так как умудрялся доставлять заказы клиентов быстрее своих коллег, но он был на грани депрессии – он шёл против себя, против своей природы, против своей жизни... В итоге одним тёплым летним утром двадцатидвухлетний Гай Уэнрайт, оставив моей двадцатилетней матери их двухлетнюю дочь и тысячу баксов, укатил на своём блестящем байке в неизвестном направлении. Однако и здесь мама отдаёт Уэнрайту должное: он ушёл красиво, а уйдя не забывал каждый месяц, вплоть до совершеннолетия Астрид, ежемесячно переводить на её счёт хоть какие-нибудь деньги – иногда это были жалкие десятки долларов, иногда сотни, а изредка даже приличные тысячи, но средства поступали регулярно. Подобной ответственностью может похвастаться не всякий ветреный папаша, а Гай мог.

Впоследствии Гай Уэнрайт, после моей мамы и Астрид, никакой семьёй так и не обзавёлся, и других случайных детей от других женщин у него тоже больше не родилось. Несколько лет назад он приехал в Роар на своём допотопном фургоне, переделанном под дом на колёсах, установил его на окраине пляжа и с тех пор не трогался с места. Сейчас ему шестьдесят два года, из-за пристрастия к выпивке он имеет инвалидность по печени и, помимо возрастных болячек, обладает вечно уставшим девятилетним псом по кличке Беби, который являет собой странную помесь овчарки и корги. Гай, как и я, приехал в Роар из-за семьи. С моей мамой он хотя и сохранил подобие связи “старых знакомых”, однако общаются они всего один раз в году, в день рождения Астрид, зато с Астрид он более-менее поддерживает отношения, а кроме неё, старого пса и пары случайных собутыльников, у этого человека, по сути, никого больше и нет. Не то чтобы у Астрид с её отцом отношения были из разряда близких, но всё же пару раз в неделю она посещает его дом на колёсах, чтобы принести ему свежие продукты, лекарства и корм для его пса. Большого друг от друга этим двум и не нужно – достаточно лишь знания того, что каждый из них жив, здоров и доволен своей жизнью. Подобное положение вещей их обоих вполне устраивает.

Мама же, после расставания с Гаем, официально вошла в роль матери-одиночки. В то время она жила в Ричмонде со своей престарелой матерью, которая присматривала за Астрид, пока её единственная дочь училась в колледже на медицинскую сестру. Бабушка умерла, когда Астрид было пять, и с тех пор маме стало совсем туго. Мама никогда и никому из своих детей не рассказывала подробностей из того периода своей жизни, но из того, что мне рассказывала сама Астрид, я знаю, что после смерти бабушки они стали находиться на грани бедности. Всё, что они тогда могли позволить себе в те времена из роскоши – это снимать убогую однокомнатную квартирку на седьмом этаже в старом доме без лифта. Они даже автомобиля тогда лишились, чтобы иметь возможность своевременно погашать коммунальные платежи. Повезло, что до смерти бабушки мама всё-таки успела окончить колледж и устроиться ассистенткой в частную клинику. Именно в этой клинике, спустя два года после потери бабушки, моя мать познакомилась с моим отцом, Говардом Холтом. Он проходил курс лечения у доктора, которому она ассистировала – так они впервые и встретились. Маме тогда было всего лишь двадцать три года, Астрид только исполнилось пять, а моему отцу на тот момент уже было целых трид-

цать три года. Уже тогда он был достаточно обеспеченным мужчиной, чтобы позволить себе иметь дорогостоящую машину и позволять себе дорогостоящее лечение в частной клинике – он пытался излечиться от бесплодия.

Говард Холт, успешный бизнес-аналитик, стал ухаживать за Деборой Куинси даже несмотря на то, что она сразу же раскрыла ему факт своего одиночного материнства. Отец неоднократно вспоминал, что был даже счастлив узнать, что у женщины, в которую он влюбился “до потери рассудка”, имеется дочь, так как в тот момент он был убежден в том, что, скорее всего, не сможет иметь своих собственных детей. Возможно именно на почве веры в своё бесплодие он в итоге так легко и быстро нашёл общий язык с Астрид, и даже подружился с ней. Эта дружба до сих пор крепка и, кажется, ничто не сможет её пошатнуть. Возможно, дело в том, что в воспоминаниях Астрид мой отец – которого она считает не менее своим, чем моим – своим появлением в их с мамой жизни спас их чуть ли не от голодной смерти. Возможно, детские воспоминания Астрид склонны к преувеличению, а возможно и нет... Я не хочу этого знать.

Спустя полтора года бурного романа между моими родителями, случилось неожиданное происшествие – моя мать забеременела. До сих пор они не предохранялись, так как были уверены в бесплодии отца, но результаты анализов за последний месяц его обследования показали очевидный прогресс, результатом которого и стала та беременность. Не верящий в своё счастье отец мгновенно сделал своей беременной девушке предложение руки и сердца, и, получив мгновенное согласие, уговорил её пожертвовать карьерой медицинской сестры в угоду статуса домохозяйки. Мама никак не могла представить себя в роли всегда высыпающейся, вкусно обедающей и красиво одевающейся жены успешного бизнес-аналитика, но примерить эту роль на себя, после тяжелых лет своей тернистой юности, ей безумно хотелось. Так вскоре она, беременная второй раз, переехала жить в Роар в официальном статусе миссис Холт и стала хозяйкой хотя и не роскошного, но весьма презентабельного двухэтажного дома, от которого до пляжа было всего пятнадцать минут пешей прогулки. С тех пор она ушла в тихое семейное счастье с головой и категорически отказывалась из него выныривать, однако ни для кого не было секретом, что отец маму всегда любил более страстно и сильно, нежели она его. Возможно, такая расстановка их супружеских отношений заключается в их первом совместном ребёнке.

Спустя семь с половиной лет после рождения Астрид мама выносила и родила девяти-месячной девочку в три килограмма триста граммов. Беременность была лёгкой, в развитии плода не было выявлено проблем, однако та девочка прожила всего три часа после рождения. Доктора объяснили её потерю остановкой сердца – у плода была патология, которую не заметили во время течения беременности. Астрид говорит, что и отец, и мать тогда были просто раздавлены этим кошмарным исходом. Их общее состояние, насквозь пропитанное болью, страшно представить, но до сих пор каждый год восьмого октября, в день рождения моей старшей сестры, которую я никогда не знала, мы собираемся в доме моих родителей, чтобы после всей семьёй посетить кладбище и постоять у маленького белого камушка безымянной девочки – родители так и не нарекли её именем.

Для кого-то это может показаться странным, но после этой сокрушительной трагедии прошло всего пять месяцев, когда мои родители решили снова попытаться завести ребёнка. Однако подобная позиция легко объясняется: отец боялся остаться бездетным. Он любил Астрид, но мечтой всей его жизни было иметь собственного ребёнка. Его же шальная репродуктивная способность в сумме с его возрастом, с каждым прожитым месяцем оставляли ему всё меньше и меньше надежды даже с такой молодой женой... Никто не говорит об этом вслух, но все прекрасно понимают, что повторно забеременеть спустя всего полгода после трагически перенесённых родов – это тяжёлое психологическое испытание для обоих родителей, но особенно для женщины, и на это испытание мою мать совершенно осознанно толкнул отец...

Возможно, с тех пор она стала любить его не так сильно, не так ярко, не так неприкрыто, как всё время этого брака её любил и до сих пор любит отец. Нет, она, конечно, его тоже любит, но, конечно, не так, как он её...

Скоропалительная повторная беременность моей матери далась очень тяжело. Она была не готова ни психологически – она всё ещё пребывала в депрессии из-за потери той девочки, – ни физически – она плохо питалась, отчего на момент подтверждения повторной беременности весила всего лишь шестьдесят килограмм. То ли болезненное состояние матери, то ли причина всё же таилась в репродуктивной способности моего отца, но второй ребёнок родился с отклонением. Мальчику диагностировали карликовость. После рождения Грира мои родители решили больше не иметь детей. Что, собственно, реализовать было совсем не сложно – у отца снова упали показатели способности к репродукции.

Между Астрид и Гриром разница в целых девять лет. Они подружились и стали сплочённой командой задолго до моего появления. Отцу было сорок три, матери тридцать три, Астрид пятнадцать, а Гриру шесть, когда на свет появилась я. Мама не подозревала о своей беременности вплоть до четвёртого месяца, когда вдруг вспомнила, что её подозрительно давно не навещала менструация. К тому моменту потрясение от неудачной первой попытки родить общего ребёнка и потрясение от диагноза Грира сменились смирением: мои родители были счастливы в браке, отец признавал в Астрид родную дочь, а от весёлого мальчика Грира все и вовсе были без ума. Так что вопрос моего рождения не обсуждался: родители сразу же начали психологически готовиться к возможным осложнениям, ни секунды не рассматривая возможного варианта прерывания беременности.

В результате лёгкой беременности и не менее лёгких родов на свет появилась я. Совершенно здоровая, розовощёкая, миленькая девочка в три кило. В день моего рождения моя семья чуть не свихнулась от радости. Так рассказала мне Астрид.

Глава 18

Тереза Холт

Август текущего года

– У меня новости от своих парней, – широко улыбаясь, Астрид скручивала один из персидских ковров в моей гостиной с целью помочь перенести его наверх в спальню, и казалось, будто она укутывает в него оранжевые лучи закатного солнца, падающие на пол из вымытого до кристальной чистоты окна.

“Своими парнями” Астрид называла Маршалла, Гарета и Риана. Тот факт, что её семья состояла из сплошной мужской силы, лишь ещё больше подпитывал в ней энергию “ян”. Моя сестра всегда была “пацанкой”, из-за чего у неё, как и у меня в своё время, были проблемы с парнями. Только если моя проблема заключалась в заикливости на своём внутреннем мире, проблема Астрид состояла в том, что она попросту была недостижима для парней-ровесников. Слишком самодостаточная, слишком сильная и резкая – парням обычно с такими девушками страшно связываться. Обычно парни предпочитают покладистых, нежных, розовых девочек... Это не про Астрид. Свой лайт-рокерский образ жизни и души она не подвергла предательству со своей стороны ни на секунду своей жизни. Даже когда рожала своих сыновей. Собственно, рожала она их от не менее яркой личности, чем она сама. Сколько помню Маршалла Бардшо, а я помню его с его двадцатилетнего возраста, когда этот байкер впервые попытался подкатить к Астрид на своём стальном коне, после чего едва остался жив и зарёкся сделать потрясшую его “бурю” своей спутницей жизни, он всегда имел устрашающий вид. Уже в двадцать лет он выглядел минимум на пять лет старше своего возраста: высокий, лысый и мускулистый, он явно не походил на двадцатилетнего парнишку. С возрастом он определённо стал только больше и шире, отрастил себе брутальную бороду, наколот себе несколько новых татуировок, заодно украсив и тело Астрид парочкой новых чернильных извилин. Теперь у моей любимой сестры вся правая рука в татуировках, а у её мужа вся левая и ещё по одной татуировке на груди, спине и сзади на шее. Смотря на этих двух, можно с уверенностью сказать, что они определённо точно были созданы друг для друга. Они начали свои отношения ещё до того, как Астрид успела окончить школу – ему было двадцать, ей только семнадцать. В то время Маршалл работал автомехаником, а Астрид отвергла идею колледжа, вместо которого окончила барменские курсы. Замуж за Маршалла она вышла на следующий день после своего восемнадцатилетия, в двадцать родила Гарета, через два года они с Маршаллом наконец смогли открыть личный бар под названием “Тотем”, сразу же ставший успешным предприятием в Роаре, а ещё через два года у них родился Риан. Астрид не то что не жалела о том, что вышла замуж за первого же своего парня, она всю свою жизнь гордилась этим фактом, как, собственно, гордился им и сам Маршалл. А кто бы такого не хотел? Любовь однажды и навсегда. Я бы от подобного точно не отказалась, хотя мой поезд уже и был упущен.

Я всегда тянулась к старшей сестре. Астрид всю мою осознанную жизнь являлась для меня ярчайшим примером для подражания, особенно в вопросах смелости. Что же касается её чувств по отношению ко мне: она любила меня не меньше, чем я её. По крайней мере в том, что она готова глотку порвать любому моему обидчику – мне стоило только озвучить имя – я не сомневалась. Как в подобной возможности относительно своей защиты со стороны Астрид не сомневался и Грир.

– Надеюсь, у твоих парней хорошие новости, – улыбнулась я, наблюдая за тем, как Астрид поднимает с пола свиток солнца и ковра.

– Хорошие, – ухмыльнулась в ответ сестра. – Ты ведь в курсе, что Гарет уже второй год встречается со своей блондинкой, Шаной. Представляешь, вчера он вскользь намекнул, будто

после того, как они закончат университет и уедут из Вашингтона, он, возможно, подумает над тем, чтобы сделать ей предложение.

– Но им же всего по двадцать два года!

– Ну, в следующем году им-то уже будет двадцать три. А ты у нас во сколько родила, напомни?

– Ты что же, рискуешь стать молодой бабушкой?! – ещё больше округлила глаза я.

– Ну, пока что эти малолетки ещё не настрогали мне внучат и, надеюсь, ближайшие лет пять строгать не будут, – вздохнув, Астрид с ловкостью молодого бойца забросила на своё правое плечо ковёр и направилась в сторону лестницы.

– А как у Риана дела? – решила уточнить подробности жизни младшего племянника я, взяв второй ковёр, перед этим решив не забрасывать его на плечо, а просто нести перед собой, отчего теперь со стороны я выглядела намного более неуклюжей, чем моя сестра.

– Риан начал встречаться с девочкой из параллельного класса.

– Да ла-а-адно!

– Серьёзно.

– Ты её видела?

– Тоже крашенная блондинка, как и у старшего, только с наличием розовых прядей.

– В этом плане Риан побыстрее своего старшего брата оказался, – заметила я, когда мы уже поднялись на второй этаж. – Насколько я помню, Гарет начал встречаться с девушками в семнадцатилетнем возрасте, а Риану только шестнадцать исполнилось.

– Но, представляешь, в этом вопросе Риан кажется мне серьёзнее своего брата. Гарет зажимался с разными девчонками по углам, пока у него не появилась Шана, а Риан с размаха так серьёзно подошёл к этому вопросу: привёл знакомиться свою избранницу с нами в бар уже спустя месяц якобы тайных отношений, о которых мы с Маршаллом, естественно, непрозрачно догадывались.

– И что Маршалл думает по поводу этого?

– Шутит, что эти двое будут как мы – навсегда зависнут рядом друг с другом, – Астрид широко заулыбалась, будто не веря в подобную возможность и одновременно желая именно такого исхода для своего сына. – Девушку зовут Руби Фокскасл. Риан и Руби – звучит красиво, а?

– Всё-таки ты рано или поздно, но станешь молодой бабушкой, – усмехнулась я.

– Посмотрим ещё, в каком возрасте Берек тебе внуков заделает, и будешь потом развозить его потомство по элитным школам для одарённых детей, – сестра одарила меня своей знаменитой широкой улыбкой.

– Да уж... – я не заметила, как сдвинула брови и скрестила руки на груди.

– Что такое? – Астрид всегда мгновенно замечала даже малейшую перемену моего настроения. – Тебя что-то тревожит?

– Нет, не тревожит, просто... – встретившись с пронизательным взглядом сестры, я прикусила нижнюю губу. – В общем, я держала кое-что от тебя в секрете, чтобы ты случайно не подумала, будто бы я не справляюсь.

– Не пугай меня, Тесса, – в её тоне мгновенно проступила настороженность.

– Дело в том, что у меня не было столько денег, чтобы оплатить аренду этой квартиры на полгода вперёд. Я смогла бы погасить максимум три месяца, и-то без учёта расходов на сам переезд. Поэтому я взяла в долг у Грира сумму, необходимую для погашения пяти месяцев аренды.

– Тереза, не глупи. Ты должна понимать, что это нормально – не справляться абсолютно со всем в одиночку и просить помощи у близких тебе людей. Но я тебя хорошо знаю: ты ещё не доросла до уровня осознания важности принятия материальной помощи без чувства угрызения совести. Ты наверняка и Грира попросила молчать о своём долге. – В ответ я промолчала,

на что Астрид продолжила. – Итак, почему ты в итоге решила раскрыть свои карты, которые так хотела спрятать от меня, в то время как должна была их уверенно показать ещё в самом начале?

– Я рассказала тебе об этом только потому, что мне... – Я тяжело выдохнула и приказала себе собраться. – В общем, сегодня утром мне выставили счёт на обучение в этой школе для одарённых на ближайший год. Взнос за первое полугодие я должна буду внести при подаче документов. Максимально допустимая задержка – неделя. Однако совершенно очевидно, что данное заведение проповедует пунктуальность, так что про недельную задержку лучше сразу забыть. Проблема же заключается в том, что этот взнос равняется моей восьмимесячной заработной плате.

Я собиралась влезть в долги. В очень крупные долги. Такие, которые мне придётся выплачивать более года, и-то если Алан Пасс вдруг не решит лишить меня премии. Может быть у меня ещё и был шанс отказаться от затеи с этим переездом, но я уже перевезла свои вещи в этот город, в этот дом, уже почти начала новую жизнь, уже слышу шум прибоя, доносящийся из приоткрытого окна, да и нечестно было бы не справиться с этим мероприятием, и тем самым лишить Берека возможности получить достойное его интеллекта образование. Я просто буду ещё больше работать. Возьму дополнительные проекты или один самый сложный, но деньги и Гриру, и Астрид обязательно верну.

Астрид положила свою крепкую руку мне на плечо и заглянула в мои глаза:

– Мой племянник получит достойное образование, даже если всё его целиком оплатить из собственного кармана придётся мне с Маршаллом, – моя собеседница вдруг хитро прищурилась, как прищуривалась всякий раз перед тайным нападением. – Хотя нет, знаешь, из нашего богатенького братишки я без проблем выбью большую часть оплаты вплоть до восемнадцатилетия Берека, – угрожающе заулыбалась она, и я не смогла ей не улыбнуться в ответ, но, кажется, моя улыбка получилась невеселой. Я редко чувствовала себя несправляющейся со своими родительскими обязанностями, и сейчас был именно этот редкий момент. – Новое место жительства – новая жизнь! – До боли сжав моё плечо, уверенно и бодро выдала Астрид. – Прошу, заведи себе хороших друзей... – уже отпустив моё плечо, она вновь направилась к всё ещё скрученному ковру, лежащему посреди комнаты, чтобы помочь мне расстелить его напротив моей кровати.

После смерти Рины у меня больше не было друзей – я не просто не пыталась, но даже не задумывалась над тем, что мне необходимо завязать с кем-то дружеские узы. Кажется, мне это было просто не нужно. Я просто не верила в то, что смогу с кем-то дружить по-настоящему, как это было с Риной, а играть в дружбу, просто притворяться чьим-то другом, мне точно не хотелось. Но меня просила “хотя бы попытаться” Астрид... Ей я не могла отказать.

Глава 19

Пейтон Пайк

02 октября – 20:35

Упираясь локтями в стол, а губами в сжатые кулаки, сцепленные между собой пальцами, я отстранилась от внешнего мира и с головой ушла в анализирование результатов расследования первого дня.

Жертва: тридцатипятилетняя Ванда Фокскасл – учительница начальных классов в школе имени Годдарда для одарённых детей, любящая и любимая жена, мать троих несовершеннолетних детей. На момент смерти на жертве был надет не её плащ, однако эта странность легко и логично объяснялась: у Терезы Холт, которую она навещала в тот вечер, имелся точь-в-точь такой же плащ, только меньшего размера и без латки на отвороте воротника. Именно благодаря отсутствию этой латки Бернард Фокскасл, муж убитой, узнал в плаще вещь, не принадлежащую его жене – он лично поставил на плаще своей супруги эту латку, используя ярко-красные нитки, из-за чего Ванда была вынуждена носить шарф, чтобы скрыть промах своего заботливого мужа. Итак, при выходе из квартиры Терезы Холт Ванда Фокскасл просто перепутала свой плащ с плащом матери своего ученика, что легко доказывается нахождением личных вещей жертвы в карманах плаща, изъятого из квартиры Холт. Значит, убийца всё-таки не переодевал жертву. Плащ – случайность. Но не фатальная ли она? Тереза Холт была последним человеком, видевшим в живых и Ванду Фокскасл, и Рину Шейн. В обоих случаях убийства произошли всего лишь в течение пятнадцати минут после последнего контакта Терезы с жертвами. Возможно, я копаю не в том направлении, однако всё же...

Результаты с видеорегистраторов, установленных в припаркованных на месте преступления и рядом с ним автомобилях, неутешительны. Ни одна из пяти доступных камер не была включена – записи отсутствуют. Выходит, у нас остаётся только запись с камеры пляжного видеонаблюдения, на которой отчётливо зафиксирован момент смерти жертвы, но на которую не попал сам убийца – в наших руках оказалась только его тень. Как будто бы мужская, широкоплечая... Но тень ни о чём конкретном не говорит и с большой вероятностью может вводить в заблуждение.

На месте преступления не обнаружено никаких улик, тем более никаких следов ДНК. То же касается салона автомобиля жертвы: он оказался стерильно чист – накануне миссис Фокскасл подвергла его химчистке.

Люди, живущие в прибрежных таунхаусах, ничего не видели и не слышали. Результаты опроса Арнольдом семей, которые Ванда Фокскасл успела обойти перед тем, как пришла в гости к Терезе, тоже ничего, кроме положительной характеристики жертвы, не дали.

Итого: в нашем распоряжении только тень на некачественной видеозаписи и пуля калибра 5,6, предположительно выпущенная из High Standard HDM на расстоянии десяти шагов, попавшая прямо в сердце жертвы, что свидетельствует о хорошем зрении убийцы. И ещё у нас есть Тереза Холт...

Я смогу Его поймать. На сей раз Он *точно* не уйдёт.

...Вспомнив о дважды прозвучавшем за сегодня предупреждении в мою сторону со стороны Арнольда Рида и услышав входящий звонок за соседним столом, я вдруг пришла в себя. Тяжело выдохнув, уже спустя минуту я покинула своё рабочее место и направилась в кабинет своего непосредственного начальника. В последнее время он стал задерживаться на работе почти так же долго, как и я. Наверняка дело в том, что его жена снова попала в больницу. Теперь будет застревать здесь от рассвета до заката, пока она не выпишется.

* * *

Произведя три уверенных стука костяшками пальцев в дверь босса, я, не дожидаясь разрешения войти, открыла дверь и переступила порог.

– А, Пейтон, – развернувшись в своём кресле, пожилой мужчина окинул меня уставшим взглядом. – Даже не удивлён, что это ты. Ты видела, который сейчас час? Ты уже давно должна быть вне участка, пить пиво с друзьями или смотреть телевизор дома.

Кадмус Рот занял кресло начальника отдела уголовного расследования три года назад, за год до того, как я получила повышение и стала следователем после ухода моего предшественника, Эйча Маккормака, на заслуженную пенсию. Кадмус был примерно моего роста, плотный мужчина с начинающими седеть волосами и сильно розовеющими во время сильных эмоциональных переживаний щеками. Он носил квадратные очки в чёрной оправе и всегда был при галстуке. Хотя он и обладал редкостной добротой, которая обычно может сильно мешать людям, занимающим подобную должность, одновременно он был и строгим начальником, что делало его и душой компании, и уважаемой личностью среди его подчинённых.

– Присаживайся, – пока я подходила к его столу, он указал мне на стул напротив. Как только я на него опустилась, Рот упёрся в меня внимательным, хотя и откровенно усталым взглядом. – Дело Больничного Стрелка, верно?

– Всё указывает на то, что это Он, – сдвинула брови я.

– Тридцать два года прошло с момента его появления в этом городе. Я тогда ещё сопляком был, только поступил в академию... Значит, Больничный Стрелок, – тяжело выдохнул мой собеседник. – Уже просмотрела дело Рины Шейн?

Он спрашивал только об одном предшествующем деле, хотя их было два: первому было тридцать два года давности, второму пять лет. Кадмус знал – все знали – что первое дело я выучила наизусть от корки до корки, поэтому он спрашивал о деле предпоследней жертвы. Однако правда заключалась в том, что и дело Рины Шейн, за прошедшие пять лет, я успела вызубрить от заглавной буквы до последней точки.

– Вы закрепили это дело за мной, – решила начать издавека я.

– Что вполне логично. Ты прибыла на место происшествия, ты присутствовала при первичном осмотре и даже уже начала работу со свидетелями. Айрин сейчас загружена, Сэмюэль... Он немного хандрит. По-любому остаёшься только ты, Пейтон.

– Ещё есть Арнольд Рид.

– Арнольд? – его явно удивило моё предложение. – С чего вдруг?

– Когда мы поймаем его, – я сказала “когда”, а не “если”, – не будет ли осложнений с возможным предъявлением обвинения в заинтересованности стороны?

– Лучше води это дело ты. Последствий, о которых ты говоришь, не должно возникнуть.

– Не верите в то, что в этот раз мы распутаем это дело? – хотя мой голос и прозвучал спокойно, я неосознанно сжала кулаки.

– Не верю, что это дело сможет распутать кто-то кроме тебя. – Я напряглась. – Ты права: ты как никто другой заинтересована поимкой этого ублюдка. А это значит, что ты максимально мотивирована, Пайк. Как никто другой.

– Я могла бы вести это дело наравне с Ридом, с той лишь разницей, что официально оно будет закреплено за ним...

– Из тебя получилась бы отличная шахматистка. Пытаешься обрезать своему противнику все возможные лазейки ещё до того, как загонишь его в угол и вынудишь, как последнего таракана, в истерике искать отходные пути. Ради этого ты даже готова пожертвовать самым важным – ты ведь пришла в полицию специально ради этого дела, – Рот прищурился. – Не переживай: если ты возьмёшь Стрелка, мы не оставим ему даже шансов на какие-либо лазейки.

Я не буду менять лошадей на переправе, тем более без надобности: вы, два гения, Пайк и Рид, будете вместе в этой упряжке.

Про “гениев” знал весь наш отдел. Эта парная кличка приклеилась ко мне с Арнольдом четыре года назад, в его первый рабочий день в уголовном отделе полиции Роара. Всё началось с того, что во время нашего знакомства он своим мощным рукопожатием едва не сломал мне руку. Я тогда не повела и бровью, но сказала: “Полегче, гений”, – намекая на его венценосную работу в Лексингтоне с поимкой Дождливого маньяка. Об этом деле и его виртуозном закрытии молодым копом тогда гудело четырнадцать штатов США. На моё же замечание Арнольд ответил мне словами: “Сама ты гений”. Так мы познакомились и так с тех пор гениями друг друга и обзываем.

Рот посмотрел на свои большие наручные часы в круглой оправе:

– Уже скоро девять часов, Пайк. Ступай-ка ты домой и попытайся выспаться – это важно для твоего дела. И вообще, трудоголизм убивает, – говоря эти слова, он поднялся и начал надевать на свои плечи заметно помятый пиджак. – Мой тебе совет: проводи больше времени со своей семьёй. Отдыхай. На выходных сходи в кино: говорят, сейчас показывают неплохую комедию. Поверь, своевременное расслабление тебе может помочь больше, чем постоянное пребывание в режиме активного напряжения.

...Выходя из кабинета Рота я думала о том, что не для того я всю свою жизнь была трудоголиком, чтобы в назначенный час вдруг выйти из “режима активного напряжения” и тем самым сдать позицию. Но я не испытывала негативных эмоций из-за последних слов своего босса. Кадмус Рот был семьянином до мозга костей. Он был женат уже двадцать лет, его восемнадцатилетняя дочь, единственный ребёнок в семье, поступила в колледж в этом году, а жена, слабая на лёгкие, через осень лежала в больнице, так что дома Рота сейчас ждали только трое котов. Не сомневаюсь в том, что этой осенью, лишившись общества любимых жены и дочери практически одновременно, этот человек чувствует себя крайне одиноко. А одиночество при-
тупляет. Иначе бы он не советовал мне проводить больше времени со своей семьёй. Забыл, что семьи у меня нет.

* * *

Может быть я и не стала бы следователем в уголовном отделе полиции Роара, может быть я открыла бы цветочный или книжный магазин, или со временем превратилась бы – с чем провидение не шутит – в примерную домохозяйку, однако подобные размышления кажутся мне бредом. Я не помню себя вне желания быть тем, кем я являюсь сейчас.

Мои родители, Раймонд и Роберта Пайк, были докторами – оба работали в родильном отделении при местной больнице. Тридцать два года назад они оба не вернулись домой с ночной смены. Их, а вместе с ними и одну из рожениц, которую должны были выписать на рассвете грядущего дня, пристрелили. Прямо посреди больничной палаты. Каждому всадили по одной пуле 5,6 калибра прямо в сердце. Убийца сбежал. Его так и не нашли. Как и не нашли младенца убитой роженицы – мальчик пропал без вести. Кто являлся отцом того ребёнка, было неизвестно. Близких родственников у той женщины не нашлось, а её многочисленные знакомые ничего не могли рассказать о её беременности и по какой причине кому-то было важным украсть её ребёнка несмотря ни на что. Несмотря на три трупа, два из которых были моими родителями. Отцу было только двадцать восемь лет, матери всего лишь двадцать шесть. Я осиротела в три года. В ту злосчастную ночь я, как всегда в ночные смены родителей, ночевала у старшей сестры отца, тёти Сигрид и её мужа Грэга. С тех пор я так и осталась жить с ними.

Мы стали жить в доме моих родителей, так как у Грэга и Сигрид на тот момент не было собственного жилья, но потом, когда я окончила школу и поступила в полицейскую академию,

они купили прелестный домик в деревне, расположенной в пятидесяти километрах от Роара, и наконец осуществили свою мечту жить в глуши, вдали от цивилизации, практически в лоне природы. Они завели себе лабрадудля, разбили фантастический палисадник и занялись выращиванием овощей. Пока я училась в академии, они по несколько раз в месяц приезжали в Роар, чтобы присматривать за домом, который теперь отошёл мне, когда же я вернулась в город и вновь заселилась в дом, они, по-видимому, перестали видеть надобность в своих приездах сюда, а я всегда была слишком занята – сначала учёбой, потом работой, – чтобы часто с ними общаться, а позже еще и навещать их. По итогу на протяжении последних пятнадцати лет мы видимся по два-три раза в год, но зато регулярно созваниваемся один раз в месяц.

Сигрид была на пять лет старше моей матери. У неё были проблемы со здоровьем по женской части, в результате чего на момент моего осиротения она уже знала о том, что никогда не сможет иметь собственных детей. Думаю, отчасти поэтому с вопросом моей опеки не возникло особенных проблем: и Сигрид, и Грэг сразу же взяли ответственность за моё существование на себя. Если бы они этого не сделали, я бы наверняка попала в фостерную семью*, так как других родственников у меня в наличие больше не имелось: дедушек и бабушек я не знала, у матери не было ни братьев, ни сестёр, а у отца были только старшая сестра и её муж.

(*Фостерные семьи – это профессиональные семьи, которые временно берут на воспитание и реабилитацию приемных детей – до момента, пока им не найдут постоянных приемных родителей или не вернут к кровным).

Грэг с Сигрид из разряда хороших родственников. Они всегда любили меня. А как же иначе? В детстве я была впечатляюще миленькой девочкой, а и им откровенно не светило обзавестись собственными детьми, так что, несмотря на то, что я, по факту, всю свою осознанную жизнь чувствовала себя “ничейной”, я выросла во вполне спокойной обстановке, без абьюза и в принципе без давления со стороны. За что я благодарна Грэгу с Сигрид, так это за то, что они не стали примерять на себя роли моих родителей: они как были для меня дядей и тётей, так ими и остались. С самого начала своего сиротства я понимала, что мои папа и мама умерли, зато у меня всё ещё оставался дядя Грэг, бравший меня с собой на рыбалку и возивший на деревенские ярмарки, и была тётя Сигрид, умеющая готовить мои любимые оладьи и любящая складывать мою одежду ровно. В разные периоды моей жизни у меня даже были волнистый попугай, панк-стрижка и коллекция серег в ушах, и в носу – то есть мои опекуны были не из тех, кто тяжело переносил бунтарский подростковый возраст и запрещал своему воспитуемому пробовать всё, что плохо в него вливается или втягивается через фильтр. Благо у меня, в отличие от многих моих ровесников, голова на плечах всегда крепко или почти крепко держалась. Однако даже правильно установленная на плечи голова не помогала мне держать в целостности свои кулаки. Я часто дралась. По-разным причинам, но, как мне казалось тогда, исключительно из благородных побуждений. В основном я заступалась в школе за более слабых детей, которых большинство выбирало для травли. Меня боялись из-за этого. Потому что я могла быть с обидчиками слабых не менее жестокой, чем они сами позволяли себе быть по отношению к своим жертвам. Однажды я сильно разбила нос спортсмену, пытавшемуся стянуть юбку с моей одноклассницы, в другой раз я заставила очередного абьюзера проглотить кусок мела, которым он разукрасил похабными словами рюкзак недавно переведённого в наш класс парня. В основном я заступалась за слабых в случаях, когда меня просили об этом сами угнетённые, но не всегда. Иногда, становясь свидетельницей насилия, я самостоятельно вступала в игру. Самый жестокий случай моего подавления насилия со стороны подавляющего большинства произошёл в моём семнадцатилетнем возрасте. Я была отличницей, спортсменкой, уверенно шла на золотую медаль, чтобы после без каких-либо запасных вариантов поступить в полицейскую академию, поэтому в выпускном классе старалась не слишком уж светиться с распусканием рук, чтобы случайно не получить серьёзный выговор и не засветиться на внеурочных занятиях, но правда заключалась в том, что я ни разу за свою жизнь так и не смогла уговорить

себя на компромисс по отношению к агрессорам. Так было и в тот раз – я снова не смогла закрыть глаза и пройти мимо. У нас в школе, на два класса младше моего, учился карлик. Его, кажется, звали Грир. Отличный был парнишка, хотя я с ним вообще никак не контактировала. Просто видела его в коридорах, знала о его напугавших математических способностях и вскользь видела по его поступкам, что он очень сильно отличается от остальных детей, но не столько ростом, сколько врождённой добротой и даже некоторой мудростью. Он ни разу не поднял руку ни на одного своего обидчика, хотя вполне мог бы уложить каждого из них одним прицельным ударом в пах. Не то чтобы его все очень сильно обижали, так как у него было и достаточно много друзей, и, судя по всему, потенциальные обидчики достаточно сильно боялись его старшую сестру, которую я никогда не видела, но о которой местные хулиганы любили говорить, как о разрушительном урагане. Однако инциденты нападков на этого парнишку всё же случались. Подобный инцидент случился и в тот день, когда я задержалась после занятий в очередной спортивной секции. Вроде бы я тогда занималась дзюдо. Да, определённо точно это было дзюдо, так как я в тот момент была одета в чёрное кимоно. Шла по коридору и заметила, как трое парней из параллельного мне класса волокут этого младшеклассника Грира в мужской туалет. Когда я зашла туда, они уже топили его рюкзак в унитазе и ждали от парня ответной реакции, но он никак не реагировал, просто стоял сжав кулаки. Заметив меня, идиоты сразу же начали пошлить на тему того, что я ошиблась дверью и, промахнувшись, попала в мужской туалет, однако закончить свои пошлые шутки им было не суждено. Двоих я моментально поставила на колени прицельными ударами между ног, третьего, скрутив, поволокла к открытой кабинке и, держа его за волосы, опустила головой в унитаз, зная, что что-то похожее в конце прошлого учебного года он проделал с каким-то младшеклассником. Нажав на кнопку смыва, я заставила его напиться и только после этого отпустила, едва не вынудив бедолагу захлебнуться. Когда я обернулась и направилась за следующим козлом отпущения, парни стартовали со своих мест и, несмотря на боль между ног, удрали прежде, чем я успела бы их подвергнуть линчеванию. Когда же я осталась в мужском туалете наедине с тем парнем, Гриром, он сказал мне что-то вроде: “Ты пострашнее моей старшей сестры будешь”. На это замечание я ему ничего не ответила. Мы не общались с ним ни до этого инцидента, ни после, хотя после у нас и было предостаточно возможностей, так как этот случай ни для кого из нас не прошёл стороной. Я подвергла физическому и психологическому насилию сынков богатеньких родителей, так что избежать вызова Грэга с Сигрид на ковёр к директору школы и внеурочных занятий для сложных подростков на сей раз мне не удалось. Те же три придурка, любители похвастаться силой за счёт слабых, хотя и заметно поникли из-за популярности “пивших из унитаза парней”, из-за чего с ними ни одна девчонка после не хотела целоваться, даже несмотря на их прошлую славу среди слабого пола, на внеурочные исправительные занятия не попали – загремели только я и тот младшеклассник. Справедливости в сем было мало: ладно я, признаю, перешагнула границу дозволенного, но как можно было в принципе представить, чтобы этот душка-карлик мог кого-либо поить из унитаза? Однако этот инцидент всё-таки не испортил моих планов с полицейской академией. Просто получила по завершению старшей школы Роара серебряную, а не золотую медаль. Честности ради стоит признаться, что если бы в момент того или любого другого своего заступничества я вдруг узнала, что мой выбор лишит меня золота, я бы не остановилась даже под угрозой лишения всех возможных медалей. Скорее всего я бы даже вступила бы в колоссальный стовор со своим внутренним протестом и в итоге перебивала бы все передние зубы всех слабаков, мнящих себя сильными лишь потому, что могут себе позволить обижать слабых, в результате чего я бы неминуемо вылетела из школы пробкой и, как следствие, не стала бы следователем. Это сейчас я понимаю, что насилие не выход, но тогда я была менее мудрой, чем тот карлик, и более безбашенной, чем я есть сейчас.

Скорее всего я с самого начала своей жизни, на неизвестном мне ментальном уровне, не могла переносить несправедливость в виде попыток уничтожения социумом слабых, которые,

тем временем, зачастую являются сильнее всех прочих. Кто-то когда-то лишил меня семьи, кто-то когда-то выстрелил в моих безоружных родителей, просто потому, что мог, потому, что он был сильнее со своим пистолетом против их голых рук... Я этого не понимала. Я могла расти в счастливой и любящей семье, у меня могли быть папа, мама и, возможно, даже братья и сёстры. Но у меня решили всё это отобрать, потому что я тогда была слабее решившего... Я решила, что больше никогда не буду слабой. Не во имя того, что у меня есть сейчас, а во имя того, что было. Чтобы отдать дань своей боли. Меня лишили полноценной семьи – я буду сильной, чтобы узнать не только *почему*, но *для чего* я осталась одна.

Когда мне было пять, я случайно подслушала ночной разговор Грэга с Сигрид, который, как я осознаю, решил мою дальнейшую судьбу. Они говорили о смерти моих родителей. Сигрид, тихо плача, говорила Грэгу о том, что моих родителей пристрелили прямо посреди больничной палаты, она говорила, что по истечению двух лет дело, за неимением улик, забросили в долгий ящик и что убийцу никогда уже не найдут. До тех пор я не знала, что именно произошло с моими папой и мамой. Я знала, что их больше нет, потому что Сигрид пару раз приводила меня к их общей могиле, но не знала, что их пристрелили. Знала, что произошло что-то страшное, но точно не представляла себе родителей с дырами от пуль в телах.

Слова Сигрид о том, что убийцу моих родителей никогда не найдут, набатом звучали в моей голове целую бессонную ночь. К рассвету пятилетняя я твёрдо решила: стану полицейским, получу жетон и свой собственный пистолет, и тогда обязательно найду этого сбежавшего убийцу. Вот почему я стала той, кем стала. Сначала окончание школы с отличием, потом полицейская академия, затем полицейский участок Роара. Кто-то мечтает о головокружительной карьере в Нью-Йорке, я же всю свою жизнь осознанно мечтала застрять в захудалом уголовном отделе полиции Роара, чтобы иметь доступ к его замшелым архивам, хранящим правду нераскрытого дела об убийстве Рэймонда и Роберты Пайк. Я мечтала о возможности найти виновника моего сиротства. Став лучшей в отделении уголовного расследования, что было несложно сделать при такой вялой статистике уголовных дел в городе с населением в сто двадцать тысяч душ, я промахнулась. Я упустила Больничного Стрелка, когда он, спустя двадцать семь лет молчания, вновь заявил о себе, пристрелив девушку по имени Рина Шейн. До сих пор не могу простить себе то, что никак не смогла повлиять на ход расследования этого дела, которое тогда вёл Эйч Маккормак. На тот момент ему было восемьдесят девять, однако при своём глубоком возрасте он несомненно оставался профессионалом своего дела – в самом начале своей карьеры я многому у него научилась... И тем не менее, несмотря на весь свой профессионализм, Эйч дважды упустил Стрелка: в своё время он вёл дело моих родителей, после ему же досталось дело Риной Шейн. В процессе обоих следствий Эйч не смог найти ни единой зацепки. Ни единой! Сейчас я была следователем, которому отошло это вновь открывшееся дело, и у меня уже есть тень преступника на записи с пляжной видеокамеры. Целая тень!

Я – не Эйч Маккормак. Я достану этого подонка. Из-под земли выдерну.

* * *

С Диланом Оутисом я познакомилась, когда мне было двадцать три. Он был моим ровесником, обладал смазливой мордашкой и заразительным смехом, только начинал адвокатскую карьеру. До него у меня были парни, но почему-то я вдруг решила остановиться на нём – наверное потому, что он был единственным, кто не доставал меня разговорами о серьёзных отношениях и чрезмерным углублением в моё личное пространство. Мы провстречались полгода,

потом полтора года, на которые он уехал на практику в Олбани, у нас были отношения на расстоянии, которые в итоге закончились тем, что он не выдержал подобного давления и неожиданно решил вернуться в Роар, для чего всерьёз подверг опасности свою только взявшую старт карьеру. По возвращению в Роар Дилан всё же сумел выбить себе место при местном суде, чему сильно поспособствовал внезапный уход в декретный отпуск одного из местных адвокатов. Следующий год у нас наблюдались устойчивые отношения, в результате которых мы приняли решение съехаться. Так как в моём распоряжении был целый дом, стоящий на самом краю города, а Дилан арендовал квартиру близко к центру Роара, было решено съехаться именно под моей крышей. И всё было хорошо, как вдруг, спустя месяц после официального начала нашего сожителства, Дилан попал в больницу с почечной недостаточностью. Трансплантацию делать не пришлось, но одну почку он тогда всё же потерял. Операция была серьёзной и прошла с осложнением, из-за чего впоследствии реабилитация заняла гораздо больше времени, чем могла бы занять при оптимальном результате. Дилану пришлось провести в больнице целых два года, но в результате он полностью поборол свою неспособность.

Всё это время я была с ним рядом. Сразу после операции, когда ему было совсем худо, я пообещала ему, отвечая на его вопрос о возможности официального подтверждения нашего союза, что выйду за него замуж, как только он справится со своим недугом. Не *если*, а *как только* он выздоровеет.

Я его действительно любила. И он справился.

В день выписки мы, выйдя из больницы, сразу же направились заключать брак. Помню, что тот день весенний день был очень прохладным, но солнце светило во всю свою апрельскую мощь и ветер развивал мои волосы, а заодно и отросшие волосы моего состоявшегося мужа. Сразу после регистрации брака, прошедшего без какого-либо торжества, мы отправились в парикмахерскую, где я остригла свои волосы впритык до линии плеч, а Дилана обкорнали практически под ноль. И мне, и ему шли новые причёски, мы держались за руки и улыбались до ушей.

Итого до брака мы провстречались пять лет: полгода конфетно-цветочного периода, полтора года на расстоянии, год стабильных отношений и два года в стенах больницы. Нам было двадцать восемь и мы начинали новую жизнь.

Выходя замуж за Дилана, я отказалась брать его фамилию, так как хотела оставаться носительницей фамилии своего отца, у которого кроме меня не осталось наследников. Дилана это зацепило, хотя он и не сказал об этом вслух, однако я не хотела подавлять свои желания даже ради мужа, так что в итоге сделала так, как чувствовала гармоничным для своего внутреннего мира. И до, и во время, и после болезни Дилана я продолжала усердно работать, уже тогда впад в трудоголизм и считая себя счастливой уже только потому, что моя работа неизменно приносила мне если не всепоглощающее удовольствие, тогда как минимум удовлетворение и успокоение. Дилан же после выписки из больницы неожиданно решил взять тайм-аут в своей карьере и отстранился от адвокатуры. Он объяснил данное решение тем, что столь напряжённая и нервная работа рискует не лучшим способом влиять на его физическое восстановление, на которое он тогда делал действительно сильный упор: уже спустя полгода после возвращения домой он набрал внушительную массу и демонстрировал мне просушенные бицепсы. Вместо же адвокатуры он вдруг резко принял предложение от одного из своих друзей детства, который, по счастливому стечению обстоятельств, тоже теперь жил в Роаре – и Дилан, и тот парень родились, и выросли в Куае Вирлпул. Этот друг в тот год открыл мелкий частный бизнес по продаже бытовой техники и ему не хватало в штате продавцов-консультантов. Сначала я не понимала, как можно променять адвокатуру на кассу, но достаточно быстро Дилан убедил меня в том, что это просто переходный период для восстановления здоровья, от которого он обязательно перейдёт обратно к солидной должности адвоката. Мне же, по итогу, было важно, чтобы мой мужчина занимался тем, чем хочет, а не тем, что солидно, так что когда по проше-

ствию нескольких лет мне стало понятно, что к деятельности адвоката он больше не вернётся, я не увидела в этом ничего преступного. Таким образом основная часть нашего общего бюджета стала состоять именно из моей зарплаты, хотя Дилан тоже зарабатывал, пусть его заработок и едва превышал прожиточный минимум. Но он был удовлетворён своим новым положением, а я не была из тех, кто любит или умеет тратить деньги налево и направо, так что с семейным кошельком у нас не было проблем, и я даже могла позволить себе откладывать сбережения с каждой своей зарплаты, и своих внеплановых премий. И всё было хорошо в рамках обыденности, всё шло своим чередом в линейной системе существования стандартных браков, но система дала сбой.

Пять месяцев назад, после пяти лет отношений и шести лет брака, то есть в сумме одиннадцати лет жизни, мы разошлись. Мне тридцать четыре, ему тридцать пять, и мы вдруг выясняем страшно серьёзную вещь: мы больше не любим друг друга.

В вечер последнего дня апреля я вернулась домой пораньше, на скорую руку приготовила ужин и, не дожидаясь возвращения Дилана, которое должно было состояться только через два часа, с наслаждением поужинала, даже позволив себе бокал вина. Дилан, как я и предполагала, пришёл ровно в восемь, неожиданно отказался от спагетти, после чего мы направились в гостиную смотреть телевизор. Как и всегда, он сел на диван, я села на своё кресло, после чего я уже хотела нажать на кнопку пульта, как вдруг он сказал, что хочет со мной поговорить. Я сразу же посмотрела на него с подозрением, потому как уловила ноты волнения в его тоне. За последний год Дилан немного поднабрал в весе, но визуально новая комплекция ему шла, так что я решила, что он сейчас снова начнёт уговаривать меня начать ходить с ним в тренажёрный зал, который он не посещал последние двенадцать месяцев и в который я совершенно не имела никакого желания таскаться после изнурительного рабочего дня, вполне довольствуясь регулярной домашней работой над своим телом, что выражалось моими самоотверженными занятиями с собственным весом и набором любимых гантелей. Впрочем, вскоре после того, что в тот вечер сказал мне мой тогда ещё муж, я не заметила, как ушла в эти занятия, как в анестезию, с головой, из-за чего уже спустя пять месяцев мои и без того чётко очерченные мышцы вошли в лучшее состояние за всю историю их существования. Он сказал, что изменил мне.

* * *

Его измена не была пылким порывом, на котором он настаивал, и не была она им уже только потому, что это произошло не единожды. С той женщиной Дилан переспал не один раз – он спал с ней на протяжении последнего месяца. А я не замечала. Даже факт того, что у нас не было секса уже больше двух месяцев, меня совершенно не смущал. Я думала, что мы просто выматываемся на работе, но оказалось, что не просто...

Сначала он думал, что это просто мимолётное увлечение, так как прежде подобного с ним не случалось, что, по его личному мнению, должно было смягчить факт его предательства. Естественно ничто не способно смягчить факт предательства в моих глазах: неужели он не знал этого? Но если он не знал этого, значит он не знал меня... Неужели не знал?

Однако тот факт, что происходящее не является “просто мимолётным увлечением”, Дилану помогли осознать достаточно быстро, раз уж он сам не был способен въехать в это сразу. Сегодня днём он узнал, что Тара – так звали женщину, с которой он спал – забеременела, очевидно после первого же секса с ним, потому как они не предохранялись только в первый раз. Всего за месяц этой интрижки Дилан спал с ней семь раз: первый их секс случился на кухне в кафе, в котором эта женщина, лица которой я никак не могла вспомнить, работала официанткой. Это произошло после закрытия кафе, в которое Дилан пришёл, чтобы поужинать, потому что в тот вечер я, как часто бывало, в очередной раз сильно задерживалась на

работе. Он периодически ужинал в одном и том же кафе в одиночестве, а в тот вечер ещё и выпил за счёт заведения... В общем, их встречи после первого секса продолжились, хотя уже и не на кухне кафетерия, который я, после всего узнанного о том, что может твориться в его кухонной зоне, буду обходить стороной всю оставшуюся жизнь.

Дилан не рассказал мне обо всём сразу потому что, по его словам, не хотел меня терять, а по сути – хотел трахаться с одной, но продолжать жить под одной крышей совершенно с другой женщиной. Он утверждал, что хотел порвать эту порочную связь, но прежде чем успел это сделать, Тара сообщила ему о своей внезапной беременности. В общем, получив известие о своём скором отцовстве, Дилан не задумываясь, сразу же принял достойное мужчины, как он сам выразился, решение: его ребёнок не должен расти без отца, поэтому, хотя он и не любит Тару так, как *ценит* меня, он должен остаться с ней, чтобы иметь возможность воспитывать своего сына. Именно сына...

Для меня не было секретом желание Дилана иметь детей, однако у нас не получалось завести ребёнка. Первые попытки мы начали предпринимать четыре года назад, но даже без предохранений моя яйцеклетка никак не желала оплодотворяться его сперматозоидом. Вскоре Дилан предположил, что отрицательный результат может быть как-то связан с какой-то генетической проблемой с моей стороны, так как у моей тётки в своё время тоже не получилось завести собственного ребёнка. Я тоже задумывалась над подобной вероятностью, а после уточнения у Сигрид уже почти не сомневалась в том, что так оно и есть. Сигрид подтвердила, что в нашей семье часто встречалась проблема бесплодия по женской линии: двое из трёх сестёр моей бабки были бесплодны, сама Сигрид тоже страдала бесплодием и проблемы с деторождением были даже у моей матери, у которой, оказывается, получилось забеременеть лишь спустя пять лет непрерывных попыток. По словам Сигрид, мои родители принимали моё рождение за самое настоящее чудо, хотя сама беременность и протекала очень сложно. Из-за свершившегося же чуда в виде моего появления на свет мои родители уже спустя год после моего рождения, несмотря на все сложности первых родов, начали вновь предпринимать попытки забеременеть, но два последующих года не приносили им никакого результата в этом направлении, а потом их убили. Так что ни братьев, ни сестёр у меня так и не появилось.

Откровенно говоря, лично я совершенно не расстраивалась из-за откровенной неудачи в этой сфере своей жизнедеятельности, так как я ни в свои тридцать лет, ни даже в свои тридцать четыре года не видела себя в роли матери и, соответственно, детей не хотела. В отличие от Дилана, который ради рождения ребёнка даже обещал мне найти для себя лучшую работу, однако вскользь уточнял, что начнёт искать её с момента наступления беременности – то есть не перед зачатием, а после его свершения. Но я так и не забеременела. Зато с первого же раза от моего теперь уже бывшего мужа забеременела какая-то официантка из замурыженной забегаловки. Что ж, теперь Дилан наверняка познает счастье отцовства минимум дважды, потому как помимо растущего живота у Тары Стюарт, ко всему прочему являющейся моей ровесницей с разбежкой в полгода, уже имеется десятилетняя дочь от предыдущего брака, и, может быть – почему бы и нет? – она нарожает ему ещё пару-тройку детей прежде, чем им обоим стукнет сорок и они наконец поймут, что цветы жизни вытягивают из них все жизненные соки, потому как они оба не в состоянии облагородить их почву ни морально, ни материально.

...Услышав подробности предательства от человека, которого ещё несколько минут назад я считала своим мужем, первое время я, не отдавая себе отчёта, просто молчала: ни во время его откровенного монолога, ни после его окончания я не проронила ни слова. И тогда, восприняв моё молчание за нападение, Дилан начал защищаться. Он предъявил мне обвинение: сказал, будто к измене его подтолкнула именно я. По его словам, я охладела к нему задолго до момента его измены, что мог подтвердить факт отсутствия у нас секса в последние три месяца совместной жизни. От подобного обвинения я мгновенно пришла в себя и окончательно протрезвела. Да, я не нуждалась в сексе последние три месяца, а инициативу не проявляла и того

дольше, но и он сам был далеко не огонь в постели. Большая половина из наших соитий заканчивалась исключительно только его оргазмом, а сам процесс длился от силы минут тридцать. Дилан определённо точно не был из разряда старательных мужчин, хотя *до брака* он и проявлял в постели определённый пыл, который *прежде* периодически подпитывал моё желание спровоцировать его на секс. Более того, у меня, в сумме, из одиннадцати лет жизни, которые я провела рядом с этим мужчиной, больше трёх лет напрочь отсутствовала сексуальная жизнь: сначала полтора года отношений на расстоянии, затем два года его лечения почечной недостаточности. Однако за всё это, мягко говоря, продолжительное время отсутствия в моей жизни секса, я даже не задумывалась о существовании возможности пойти налево, а если бы вдруг захотела, тогда определённо точно предупредила бы сначала своего благоверного о том, что решила с ним порвать, потому как, с моей точки зрения, это единственный достойный выход из подобной критической ситуации. То же, что Дилан обзывал порывом страсти по отношению к той женщине, Таре, на самом деле не было никаким порывом – это было осознанностью. Месяц трахаться с другой женщиной за спиной жены и считать это порывом страсти – это либо тугодумие, либо крайняя стадия ярчайшего идиотизма. Именно это заключение я выдала своему предателю совершенно спокойным тоном. В тот вечер мой тон вообще в корне отличался от взвинченного тона моего собеседника, который к концу своего монолога уже не мог скрыть свою оправдательную истерику. После же того, как моя короткая речь была завершена, я, поднявшись со своего кресла, сказала предателю собрать свои вещи, предупредив, что всё, что он не успеет забрать до наступления следующего вечера, будет мной попросту выброшено. Он успел забрать почти всё, кроме мелочей, которые в итоге поместились в одну картонную коробку, которую впоследствии я вывезла на загородную свалку. Вечером следующего дня после того расставившего все точки над “i” разговора я сменила все замки в доме. Дом, естественно, остался за мной, так как он являлся моим ещё до замужества, так что с разделом имущества у нас не возникло вопросов: мой дом и машина остались за мной, его автомобиль и личные вещи отошли ему. Общих вещей, за исключением мгновенно уничтоженных посредством предания огню фотографий, у нас практически не оказалось, а то, что можно было назвать общим, к примеру коллекция CD-дисков, которую я точно не стала бы слушать после всего случившегося, себе благородно забрал Дилан. Официально наш брак был расторгнут уже в начале июня. К тому времени я успела вычистить и выскрести свой дом от присутствия Дилана подчистую. Не только вещи, но даже мебель, которая соприкасалась с ним – то есть вообще всё – я распродала, раздала или выбросила, в результате чего все свои денежные сбережения спустила на полное обновление всей обстановки дома, вплоть до светильников и лампочек в них.

Итак, до моего тридцатипятилетия остаётся всего лишь без одного дня неделя, и что я имею? Работа, как я в последнее время начала понимать, является не столько мне любимой, сколько является моей зависимостью, и ещё у меня есть большой, пустой дом, в котором меня никто не ждёт. Семьи у меня, как таковой, никогда не было, и я её, как таковую, так и не смогла создать. Одна лишь надежда на то, что я всё же смогу распутать дело Больничного Стрелка, предрешившее мою судьбу, в противном случае всё в моей жизни не только будет, но есть и всегда было безнадежным.

Вернувшись сегодня в свой пустой и холодный дом, я вспомнила о том, что так и не купила калорифер для второго этажа, батарейки для часов и пультов, и лампочки для кладовой, и для подвала. И сразу же вспомнила о том, что ещё на рассвете этого дня не просто сказала себе, но пришла к своеобразному выводу о том, что если сегодня же не возьмусь за свою жизнь вне работы, тогда уже не возьмусь за неё никогда. Неужели правильный ответ “никогда”? Разве такое может быть? Не то чтобы я страдала от одиночества, но...

Поднявшись на второй этаж, я в каждой комнате включила свет и занавесила надребезжащих от сильных порывов ветра окнах тяжёлые шторы. Зайдя в спальню, я разделась до ниж-

него белья, разогрелась и, уверенно соприкоснувшись с холодным полом горячими ладонями, приступила к первому подходу отжиманий, ни на секунду не прекращая думать о Терезе Холт.

Глава 20

Тереза Холт

Август текущего года

Последняя неделя лета выдалась жаркой. Мы с Береком возвращались домой из торгового центра, в котором осуществили финальные закупки к началу учебного года. На выходных я заказала для него в ателье пошив формы школы имени Годдарда, и уже через три дня она обещала быть готовой, так что можно считать, что мы успешно, заранее и полностью экипировались к нашему первому школьному опыту.

Берек крайне вдохновлённо ждёт начала школьного года. На протяжении всего лета он каждый день разговаривал со мной о своих предвкушениях, отчего я даже начала считать, будто “школа” – это такой невидимый друг, которого он сам себе выдумал... Нет, только невидимых друзей для полного комплекта мне не хватало. Достаточно школы для одарённых – детских психологов я просто финансово не потяну. Впрочем, Берек всегда был психологически устойчивым ребёнком, порой даже демонстрируя высший уровень устойчивости, чем тот, которым могла похвастаться я. И этот высший уровень он чаще всего проявлял именно в стрессовых ситуациях.

До поворота на нашу улицу оставалось всего каких-то пятьсот метров, Берек, сидя в детском кресле позади меня, рассказывал мне о Северном полюсе, о котором вычитал в новой энциклопедии, подаренной ему на прошлой неделе дядей Гриром.

– Ты знала, что если находиться прямо на Северном полюсе, тогда любая точка относительно него будет по-любому лежать на юге? – заглядывая в зеркало заднего вида в поисках моего взгляда, вещал мой малолетний гений.

– Нет, не знала, – прикусила нижнюю губу я.

– Конечно же не знала! Это потому, что ты не читала энциклопедию. А тебе бы полезно было. Ты, почему-то, любишь читать старые любовные романы – у нас дома ими целых три полки заставлено. Что в таких книжках интересного?

– Эй, что значит “тебе бы полезно было”? – сдвинула брови я, не в силах определиться с тем, улыбаться мне на подобное замечание от своего пятилетнего чада или уже пора начинать хмуриться. – Хочешь сказать, что мне не хватает ума?

– Нет, мама, ты у меня умная, – тяжело вздохнул Берек, после чего гулко откинулся спиной на своё кресло. – Но ты ведь сама говорила, что ум нужно кормить. А ты свой ум кормишь совсем уж непонятными книгами...

Я мысленно закатила глаза, начав вспоминать авторов, пополнивших мою книжную коллекцию за прошедшие пять лет воспитания мной этого ребёнка: сёстры Бронте, Харпер Ли, Маргарет Митчелл, Элизабет Гаскелл, Эрнест Хемингуэй, Джером Клапка Джером и далее по этому длинному списку. Сначала меня немного смущало, что Берека больше интересуют книги, повествующие факты, нежели художественные сказки, однако со временем я привыкла к этой странности и теперь периодически пыталась объяснить сыну важность существования разных жанров в литературе. Сегодня я решила попробовать ещё раз:

– Эти книги непонятны только тебе и только потому, что ты ещё маленький. Художественные книги не менее важны, чем энциклопедии и справочники. Однажды ты вырастешь и... Фак! – резко нажав на педаль тормоза, я едва не ударила лбом о руль, но ремень безопасности вовремя зафиксировал моё туловище. Автомобиль передо мной слишком резко затормозил, в результате чего мой бампер остановился всего в пяти спасительных сантиметрах от его. Стремительно обернувшись, я коснулась ноги Берека правой рукой. – Ты как, в порядке?!

– Да, мам... А что случилось? – Берек смотрел на меня округлившимися, огромными зелёными глазами, от неприкрытой красоты которых у меня часто щемило где-то глубоко в грудной клетке.

Обернувшись, я вновь посмотрела в лобовое стекло и увидела, как резко остановившийся перед нами автомобиль, чуть не ставший виновником аварии, резко стартовал и, уже спустя считанные секунды, скрылся за поворотом ближайшего переулка. Ещё спустя несколько секунд я поняла причину его резкой остановки: посреди дороги валялся окровавленный комок шерсти. Он сбил кота. Спустя ещё пару секунд заметив на тротуаре двух маленьких котят дымчатого цвета, я поняла, что это всё-таки не кот, а, скорее всего, кошка, и тот человек, который её придавил, без зазрения совести или элементарной жалости к котяткам, просто стартовал с места происшествия на всех порах. Мысленно выругавшись, я машинально включила аварийные огни и, отстегнув ремень безопасности, вышла из машины.

Подойдя к пострадавшей кошке, я нагнулась и, уперевшись руками в колени, попыталась оценить её состояние. Животное было окровавлено, но хотя кошачьи глаза и были закрыты, дыхание всё ещё присутствовало.

Где-то у меня за спиной протяжно замыкали котятка. Ещё раз мысленно выругавшись, я быстрым шагом направилась к багажнику. Относительно правил безопасности дорожного движения, я должна была выставить предупреждающий треугольник на плавающий от полуденной жары асфальт позади своей вставшей посреди дороги машины, но в этой части города автомобили практически не встречались, а я планировала покончить со всем быстро, так что треугольник так и не достала. Высыпав содержимое небольшой картонной коробки, в которой лежали инструменты, в глубине багажника я отыскала садовые перчатки, которые начала возить с собой с тех пор, как моя мать решила с новой волной неудержимого энтузиазма удариться в обустройство своего и без того безукоризненного палисадника.

При помощи садовых перчаток я аккуратно переместила обездвиженное тело пострадавшей кошки в коробку и, установив её в багажник, схватила за шкурки не оказывающих сопротивление котят, и посадила их рядом с коробкой, так как второй ёмкости, в которую я могла бы их поместить, у меня при себе не было.

– Мам, ты что хочешь делать с этими котятками? И сколько их? Двое? – как только я впрыгнула обратно за руль, мгновенно начал вопрошать Берек.

– Пока ещё не знаю... – успев вспотеть под палящими лучами гнетущего солнца, тяжело выдохнула я, после чего, нажав на педаль газа, поспешно направилась в сторону центральной улицы, на которой недавно видела вывеску с светящимися белоснежным неоновыми словами “Кошкин дом”.

* * *

За ресепшеном офиса “Кошкиного дома” стояла миловидная женщина лет тридцати пяти. Её короткое каре было слегка завито и окрашено в карамельный цвет, тёмно-голубые глаза были глубоко посажены и, казалось, светились приветливостью изнутри, а аккуратные очертания её слегка вздёрнутого вверх носика напоминали собой миниатюрную картофеленку. Нестандартная красота, зиждящаяся на минимуме косметики и максимуме улыбки. На подобных женщин приятно смотреть, как на согревающие, но не палящие лучи майского или сентябрьского солнца. Именно о подобных типажах женщин мужчины любят говорить, будто на них они любят жениться, в то время как их сексуальные фантазии в большинстве своём сводятся другому, более длинноногому и пышногрудому типу женщин.

– Добрый день, – первой поздоровалась женщина. – Чем я могу вам помочь?

Установив закрытую картонную коробку на выступ, выпирающий из ресепшена, предусмотренный специально для личных вещей посетителей, я бросила взгляд на бейдж своей собеседницы. На бейдже красивым фигурным шрифтом были выведены должность и имя: “Консультант Пенелопа Темплтон”.

– Пенелопа, верно? – вновь вернулась взглядом к глазам собеседницы я, на что женщина заулыбалась мне ещё более лучезарно. – Дело в том, что я не знаю, что с этим делать... – с этими словами я раскрыла крышку коробки.

– О, ужас! У вас трупик кошки! – моя собеседница сложила ладони лодочкой и прислонила их к своей груди.

– Да нет же, – почувствовав неловкость, я переступила с пяток на носки. – Это не трупик... Она ещё живая. Ей ещё можно помочь... – я попыталась встряхнуть коробкой, чтобы убедиться в том, что кошка ещё дышит, и она, вроде как, вздрогнула.

– Эту кошку сбила машина, а мы её подобрали, – раздался голос Берека откуда-то снизу, из-под коробки.

– Но у нас кошачий отель, не ветеринарная клиника!

– В таком случае, Вы не знаете адрес какой-нибудь ветеринарной клиники?

– Да.. Да, конечно знаю... Но единственная ветеринарная клиника в городе закрыта до конца месяца... Что же делать?! – женщина так сильно распереживалась, что, продолжая мять свои ладони, обошла ресепшн и, остановившись рядом со мной, буквально впиалась взглядом в несчастное животное. – Ох-хох-хох... Я не знаю, чем могу вам помочь... Хотя... Мой свёкр в прошлом ветеринар и он как раз здесь! Думаю, он сможет осмотреть это несчастное животное... Пожалуйста, подождите на диване.

– Да, хорошо, – отозвалась я, уже перенося коробку на стеклянный журнальный столик, стоящий возле небольшого диванчика лаймового цвета. Когда консультант скрылась из вида в одном из двух коридоров, я посмотрела на Берека. – Я схожу за котятами, а ты пока присмотри за коробкой, хорошо?

– Не переживай, мама, я хорошо присмотрю за ней, – с этими словами парень положил свою маленькую ладошку поверх коробки и врезался в меня по-мужски уверенным взглядом. Всё-таки какой красивый мужчина из него вырастет – прям как его папаша станет.

Когда я вернулась в “Кошкин дом” с двумя котятами в руках, с содержимым моей коробки уже возился какой-то седовласый старик, а Берек, скрестив руки за спиной, внимательно наблюдал за каждым его движением.

– Это Ваш серьёзный молодой человек? – заулыбавшись морщинистыми губами, старик посмотрел на меня карими глазами, излучающими дружелюбие.

– Да, – сжато улыбнулась в ответ я, наблюдая за сосредоточенным и крайне серьёзным взглядом Берека. – И коробка моя. Что с этой кошкой? Её ещё можно спасти?

– К сожалению, с ней всё кончено, – старик пожал плечами. – Она даже не дышит. Я её прощупал: животное не чипировано, значит, скорее всего, бездомное, и котята, соответственно, тоже ничейные.

Опустив вырывающихся котят на пол, я, тяжело выдохнув, села на диван рядом с уже закрытой коробкой, как вдруг прямо передо мной вновь возникла Пенелопа Темплтон. Она протянула мне прозрачный стакан, до краёв заполненный шипучим напитком лимонного цвета и покрытый прохладительной испариной. Такой же стакан она протянула Береку, и тот, не дожидаясь моего разрешения, уверенно принял его обеими руками.

– На улице сейчас духота, тридцать два градуса, выпейте мой фирменный лимонад, он хорошо освежает, – улыбаясь, добавила женщина, прижав к своему животу бамбуковый поднос, на котором она принесла нам угощение.

– Спасибо, – отозвалась я и вслед за моей благодарностью послышалось громогласное “спасибо” со стороны Берека. Ухмыльнувшись тому, какой же у этого мальчика мелодичный

и звонкий голосок, я пригубила свою порцию лимонада и едва не прослезилась от его живой прохлады.

– Ммммм!.. – Сладостно протянул Берек и, отпрянув от своего бокала, окинул меня радостным взглядом.

– Что, кайфометр зашкаливает? – ухмыльнулась я.

– Да он у меня сейчас просто треснет! – засмеялся мальчик, а вместе с ним засмеялись и все присутствующие.

– Кайфометр? – улыбаясь, удивлённым тоном переспросила Пенелопа.

– Кайфометр – это такой полезный прибор, который определяет уровень испытываемого вами кайфа, – продолжал светиться детской радостью Берек, как вдруг с гордостью добавил. – Его моя мама изобрела!

Вот так вот! И не нужно мне читать никакие заумные энциклопедии, чтобы быть способной изобрести кайфометр для своего сына! Он горд мной, а значит и я могу собой гордиться!

– У тебя на груди приколот значок школы имени Годдарда? – вдруг заинтересовалась Пенелопа.

– Да! Эта школа должна быть самой лучшей школой в мире. Моя мама выбрала для меня самую-самую классную школу. Правда, мам?

– Правда, – ухмыльнулась я, чувствуя, что теперь кайфометр начинает зашкаливать у меня. Берек часто откровенно гордился мной, но случаи, в которых он выражал гордость за меня столь объёмно в столь короткий промежуток времени, случались не так уж и часто. Поэтому сейчас, сжимая в руке прохладный стакан и смотря на жадно пьющего лимонад малолетнего гения, я едва не лопалась от счастья. Явно ведь не всякая мать может похвастаться благодарностью со стороны своего пятилетнего отпрыска, а я могу.

– Вы уже учитесь в этой школе? – на сей раз женщина обратилась ко мне, чем оборвала мои счастливые мысли.

– Нет, ещё не учимся. Только поступаем в сентябре.

– Вот ведь здорово! – наша собеседница отчего-то вдруг сжала поднос в своих руках ещё сильнее, и я подумала, что она восхитилась тем, что мой ребёнок смог поступить в школу для одарённых детей, но причина её счастья оказалась более прозаична. – Мой сын, Питер, тоже поступает в школу имени Годдарда в этом году! Эта школа набирает каждый год только по одному классу, а это значит, что наши дети определённо точно будут учиться вместе. Это поступление в столь престижное заведение такое волнительное событие!

– Да уж... – пождала губы я, после чего влила в себя остатки своей порции лимонада и проводила взглядом свёкра моей собеседницы, перед этим переставившего мою коробку с дивана на пол и теперь удаляющегося в коридор напротив.

– Пенелопа Темплтон, – женщина протянула мне руку, но от неожиданности я не сразу её пожала. Зависнув на долю секунды, я всё же достаточно быстро пришла в себя, после чего уверенно поставила опустевший стакан на журнальный стол и, отерев мокрую от прохладной испарины стакана руку о джинсы, наконец пожала руку собеседницы.

– Тереза Холт.

– Очень приятно, Тереза. Не считите за дерзость, но как Вы смотрите на то, чтобы нам познакомиться поближе? Наши дети будут учиться в одном классе и, если мальчики подружатся до поступления, им, возможно, будет легче в свои первые дни в школе.

Я боялась этого испытания с самого первого дня рождения Берека: назойливые мамочки. Я никогда не была гипербобщительной и, хотя и не была интровертом, всё же предпочитала уединение бурной активности, которую зачастую любят разводить вокруг себя молодые мамы, тылы активности которых обычно прикрывают состоятельные мужья. Теперь же я мать человека, которого необходимо ввести в социум наименее болезненным путём. Я ответственна за него, а значит...

– Да, это было бы здорово, – заставив себя улыбнуться, наконец дала свой ответ я.

– Мы завтра идём на пляж, не хотите составить нам компанию?

– Да, конечно... – улыбка всё ещё давалась мне, но с каждой секундой всё с большим трудом.

– Давайте обменяемся номерами телефонов, чтобы вечером уточнить точное время встречи...

Всё, улыбка окончательно стала фальшивой, так что мне пришлось попросту сорвать её и положить в дальний угол своего подсознания, чтобы приберечь её для более подходящего момента.

Попросив у Пенелопы лист бумаги, на котором я могла бы записать для неё свой номер, я уже начала его выводить синей шариковой ручкой, как вдруг Берек взял наши бокалы с журнального столика и протянул их нашей новой знакомой:

– Можно мне ещё лимонада? – вдруг спросил он, как только Пенелопа приняла из его рук подношение.

– Сколько угодно, – в ответ весело заулыбалась молодая женщина.

– Тогда и мне тоже, – не отрываясь от листа бумаги, невозмутимо отозвалась я. Спустя минуту распив вторую порцию лимонада, я уставилась на забившихся в угол за диваном котят. – Что же с ними делать? – не отдавая себе отчёта, я вслух произнесла звучащий эхом в моей голове вопрос.

– Оставим их себе! – внезапно выпалил Берек, что, собственно, и открыло мне факт того, что я произнесла свой вопрос вслух. – Я даже имена им уже придумал: братья Дым.

– Какие необычные имена, – заметила Пенелопа.

Да, очень оригинально, как для пятилетнего мальчика. Неужели я ему читала сказки братьев Grimm? Или их читал ему Грир? Или это навеяно из другой оперы?..

Нет, эти котята не могут остаться с нами. Мне просто финансово не потянуть содержание ещё и двух котов. По-видимому, каким-то невероятным образом уловив в выражении моего лица неготовность становиться хозяйкой беспризорных котов, Пенелопа вдруг предложила:

– Я сейчас собираюсь за город, так что, если хотите, я могу позаботиться о вашей коробке с кошкой, а котята, думаю, недельку-другую могут пожить здесь, пока у нас пустует несколько кошачьих номеров. До тех пор вы можете подать объявления о том, что хотите раздать маленьких питомцев. Например, эти объявления можно разместить в чате местного сообщества любителей домашних животных. Вот, держите визитку, здесь адрес этого сообщества, по которому вы сможете найти доску объявлений и чат.

– О-о-о, спасибо Вам! Ваша любезная помощь очень поможет нам, – мгновенно воодушевилась я, осознав, что мне из доброты душевной или по любой иной причине дают приличную отсрочку, позволяя не решать столь заковыристый вопрос с ничейными котятами здесь и сейчас, да ещё и вместо меня предлагают избавиться от коробки с трупиком животного.

– Оу, мне совсем не сложно, – ещё шире заулыбалась наша новая знакомая.

По-видимому, она действительно отчего-то очень сильно желала со мной если не подружиться, тогда определённо точно сблизиться. Тот же очевидный факт, что её помощь сейчас меня откровенно выручает и я это неприкрыто высоко оценила, её заметно порадовал. Эта проницательная и дружелюбно настроенная молодая женщина начинала укреплять в моих глазах свой положительный образ, и тем самым пока что едва заметно, но весьма уверенно приближаться к дружеским позициям. Она располагала к себе очень виртуозно, нужно признать...

Когда мы уже покинули “Кошкин дом” и подходили к машине, Берек обратился ко мне с надутыми щеками:

– Мы не оставим себе братьев Дым?

Берек не был из тех капризных детей, которые устраивают истерику посреди торгового центра, с целью заполнить желаемую шоколадку. Он предпочитал высказывать своё недоволь-

ство и капризы с глазу на глаз, откровенно не любя становиться центром внимания случайных прохожих. Даже в этот раз, поняв, что котят я при нас оставлять не желаю даже несмотря на то, что он придумал им такие замечательные имена, он дождался, когда мы останемся наедине и та незнакомая ему женщина не будет видеть, как он выясняет со мной отношения, а значит не будет наблюдать за его выкрутасами.

– Берек, слушай какая у меня идея, – уже открыв заднюю дверцу нашего автомобиля и приглашая залезть через неё сына, который явно не собирался меня слушаться до тех пор, пока хорошенько не потрепает мою душонку, я решила брать своего оппонента хитростью. – Ты ведь знаешь, что у тебя родилась кузина, ты же сам её видел...

– Да, у дяди Грира и тёти Грации родилась малышка Томми, – продолжал сильно супиться мальчишка, всё отчётливее надувая свои губы. Грир с Грацией называли новорождённую дочь в честь отца Грации, Томаса, и этот вариант имени всем, в особенности Береку, очень понравился.

– А шестнадцатого сентября будет ровно один месяц с момента рождения Томми, так?

– Так, – не понимая, к чему я клоню, всё сильнее хмурил брови парень.

– Правда ведь будет здорово на вечеринке в честь первого месяца жизни Томми подарить ей братьев Дым? Представь, как Грир с Грацией будут счастливы!

Я даже представлять себе этого не хотела... Грир, став родителем в третий раз за последние пять лет, меньше всего на свете жаждал обзавестись ещё и домашними питомцами. До первой беременности Грация пыталась поднимать эту тему, но Грир достаточно быстро переключил её внимание на рождение детей, так что заведение котёнка или щеночка так и осталось для нашей невестки нереализованной мечтой. Так что Грация, я уверена в этом, будет ровно в таком же по силе восторге, в какое негодование впадёт Грир, когда я презентую его жене сразу двух котят. Берек же, услышав моё предложение, оценивал его несколько секунд, после чего вдруг стал неспешно растягивать свои красиво очерченные губы в максимально довольной ухмылочке. Замечательно. Пусть Грир от подобного презента первое время будет хмуриться сколько ему это будет угодно, зато его обожаемый племянник сейчас явно счастлив и у котят появится роскошный дом. Две мишени одним выстрелом поразила. Да из меня бы вышел отличный стрелок.

* * *

Теперь мы жили в шаговой доступности от пляжа, так что торопиться на назначенную накануне встречу с Пенелопой Темплтон у нас не было необходимости. Даже если бы я вышла из дома без пяти одиннадцать – я всё равно бы успела оказаться в нужном месте в нужное время.

Несмотря на выходной день, на пляже было не очень людно: большинство отдыхающих предпочитало полуденной жаре вечернюю прохладу, и потому летом на этот пляж даже туристы стягивались лишь к четырем-пяти часам дня. Но так как Пенелопа не любила скопление людей на пляже – да и кто бы мог похвастаться подобной любовью? – она предложила встретиться до полудня, и я сразу же согласилась, так как для меня это время тоже было более чем приемлемо. В итоге в промежутке с восьми до одиннадцати часов утра я была занята приготовлением сэндвичей и лимонада для пляжного пикника, завтракала в компании Берека, собирала пляжные игрушки и созванивалась со своими родителями по нерешенным вопросам обустройства их палисадника, а по возвращению с пляжа, примерно с пяти часов до позднего вечера, планировала поработать, перед этим не забыв заняв Берека очередной новой энциклопедией или пазлом на сто пятьдесят – двести деталей, сборкой и склейкой которых он стал особенно сильно увлекаться с конца весны этого года. У меня уже имелась коллекция из дюжины скле-

енных и заламинированных мной лично или Гриром пазлов, однако их сложность, превышающая двести деталей, Береку всё ещё не давалась, что, думаю, рискует оставаться границей его возможностей в этой сфере относительно недолго. Уверена – не пройдёт и полгода, как этот ребёнок заставит меня клеить пазл на пятьсот деталей, а к его семи годам я уже буду задумываться о тысячах деталей в одной картине, а может быть даже и большем их количестве. Я никогда особенно не увлекалась сборкой пазлов: за всю свою жизнь собрала всего пять картин и все в подростковом возрасте. Моим максимумом до сих пор остаётся пятьсот пятьдесят деталей – после той сложной, монохромной картины я остыла к этому хобби, так и не успев им толком заразиться. Не знаю, откуда вдруг у Берека такое яркое влечение к пазлам. Однако всё, что в этом ребёнке остаётся для меня загадкой, я причисляю к малоизвестному мне источнику его происхождения, то есть к его биологическому отцу.

Первую мозаику на пятьдесят пазлов Береку подарила моя мама. С того дня я каждый месяц трачусь на три-четыре пазла, если желаю провести вечер за работой и не могу оставить Берека под присмотром Астрид, Грира или наших родителей. Так что я заранее запаслась картиной в виде разобранного водопада, зная, что от подобного времяпровождения и Берек будет в восторге, и моя профессиональная продуктивность на несколько часов воспрянет духом.

Итак, собрав приличную корзинку для пикника, щедрым слоем нанеся на свою белоснежную кожу и более розовую кожу Берека солнцезащитный крем, мы вместе уверенно шагнули напрямик под палящие лучи солнца уходящего лета и, уже спустя каких-то пять минут, были на пляже.

Я сразу выхватила взглядом большой красно-белый пляжный зонт, установленный с левой стороны пляжа, по которому Пенелопа завещала мне ориентироваться в процессе её поиска. Гулко выдохнув и поправив на себе соломенную панаму с широкими полями, и не заметив того, как следуя моему примеру, мой сын поправляет на своей голове сомбреро из более тёмной соломки, я шагнула навстречу новой жизни в новом городе. В конце концов, до переезда сюда мне ведь хотелось завести положительные знакомства на новом месте жительства. Именно эту мысль я настойчиво и повторяла самой себе, с каждым шагом всё заметнее сокращая расстояние между мной и теми, кто, предположительно, рисковал стать новым кругом моего общения.

* * *

Пенелопа пришла на пляж в компании своей пугающе большой, как для меня, семьи. Нам повезло, что они заметили нас только в момент, когда мы приблизились к ним впритык, потому что как только они нас заметили, мы с Береком в буквальном смысле стали вишенкой на торте их выхода в свет. Пенелопа, подбежав ко мне в раздельном купальнике розового цвета, сразу же обеими руками схватилась за мою правую ладонь и уже в следующую секунду начала представлять мне всех присутствующих, включая себя, обязательно обозначая каждого человека не только личными именами, но и числительными. По-видимому, у этой симпатичной и кажущейся рассудительной молодой женщины имелся существенный пунктик на математических точностях.

Так выяснилось, что моей новой знакомой тридцать один год – если честно, она выглядела на пару лет старше, а её оголённое тело ещё набрасывало ей пару лет к реальному возрасту. Мужа Пенелопы, улыбчивого, крупно сложенного, высокого кареглазого шатена с выгоревшими на солнце, но когда-то бывшими тёмными волосами, звали Одриком и ему было тридцать пять лет. Он был одет в красные шорты и выленявшее поло голубо-серого цвета, и тоже выглядел на пару лет старше своего реального возраста. С Пенелопой и Одриком на пляж пришли их дети: восьмилетняя Блу, пятилетний Питер и двухлетняя Летисия, которую все

сокращённо звали Лети. Береку необходимо было наладить контакт именно с Питером, но он почему-то вдруг потянулся к смущающейся Лети, что мгновенно вызвало всеобщее умиление и позволило Одрику пошутить о том, что, кажется, мой сын определился со своей будущей невестой. Услышав подобные слова, я вдруг неожиданно для себя смутилась и бросила сосредоточенный взгляд на сына, всё ещё пытающегося потискать руку уже пунцовой от смущения Лети. Неужели мой ребёнок когда-то станет для кого-то женихом?.. Я вновь перевела взгляд на Лети. Эта малютка когда-то станет чьей-то невестой?.. Я вновь посмотрела на настойчивого в своей попытке привлечь к себе внимание девочки сына. Способен ли он будет, когда вырастет, жестоко разбить сердце наивной девушки, какой рискует вырасти Лети? Посмеет ли влюбить в себя кого-то лишь затем, чтобы после жестоко бросить?..

Словив себя на том, что начинаю всерьёз хмуриться, я едва уловимо помотала головой, таким малоэффективным способом неосознанно пытаюсь вытряхнуть из всех затемнённых углов своего подсознания постыдно бредовые мысли. Берек не Байрон, а я не Лурдес. Мой сын обязательно вырастет достойным мужчиной, даже если для этого мне придётся жестоко наказывать его или даже если придётся отстранять его от себя, но он не станет... Копией своего отца.

Благо долго отвлекать себя от депрессивных мыслей самостоятельно мне не пришлось – в моё пространство вновь ворвался голос Пенелопы, напоминающий собой весело звенящий на ветру колокольчик:

– Я думала, что сегодня вы придёте всем своим составом, – заглядывая мне в глаза, она улыбнулась и обвела рукой пустующее пространство между мной и Береком. – Я привела свой весь.

Мгновенно почувствовав где-то в области своей грудной клетки невольный укол, вызванный неловкой ситуацией, на протяжении последних пяти лет повторившейся в моей жизни бесчисленное количество раз, я натянуто улыбнулась и в итоге ответила собеседнице максимально нейтральным тоном:

– Мы с Береком и есть полный состав нашей семьи.

– У моей мамы нет мужа, – наконец отвлекшись от окончательно побогровевшей от стеснения Лети, вдруг по-взрослому решил прояснить ситуацию Берек и в результате выпалил нашей новой знакомой правду прямо в лоб. “Правда в лоб лучше, чем нож в спину”, – однажды обмолвилась в присутствии Берека я, а он запомнил эти мои слова и с тех пор постоянно мечет словами-ножами исключительно в лоб. Как я. Стоит ли сердиться на ребёнка за поведение, которое ты сам ему наглядно демонстрируешь? Здесь можно сердиться только на себя. Однако тоже не стоит. Если что-то здесь и стоит делать, так это работать над воспитанием себя для блага своего ребёнка. Склонность же говорить правду в лоб – не худшее, что мой сын рискует от меня перенять.

Желая избежать неловких пауз, я начала поспешно раскладывать на песке наше пляжное покрывало.

* * *

Краем глаза наблюдая за тем, как Одрик, уведший в сторону всех детей, начинает выстраивать громогласно обещанный им “высококласный” песочный замок, я устанавливала в центре покрывала свою плетеную корзинку. На мгновение я задумалась над тем, какие у моих новых знакомых непохожие друг на друга и на самих родителей дети: Питер наполовину скопировал внешние черты Одрика, наполовину Пенелопы, и, как и его родители, имел приближённый к коричневому оттенок волос, в то время как его сёстры были курносыми блондинками с янтарными глазами, отчего откровенно не походили ни на одного из своих родителей.

Расположившись на краю покрывала, я продолжила своё тайное наблюдение за Береком, хотя всегда боялась рассмотреть в себе хотя бы малейшие признаки навязчивой матери-покровительницы. В стремлении воспитывать в своём ребёнке не просто самостоятельность, но способность к принятию ответственных решений, я неплохо преуспевала. И тем не менее сейчас я наблюдала за Береком с замиранием сердца. Зная, что он мечтает обзавестись хотя бы одним близким другом, я сначала напряглась, когда он вместо Питера выбрал для своего внимания Лети, но сейчас я уже не переживала на этот счёт, потому как Питер оказался очень активным мальчиком и явно заинтересованным в своём новом знакомом не меньше, чем Берек был заинтересован его младшей сестрой. Неосознанно с облегчением выдохнув от осознания того, что наблюдать здесь не за чем – эти дети между собой точно поладят – я перевела свой взгляд на набегающие волны, останавливающиеся в десяти метрах от моих ног. Я уже почти ушла в свои мысли, когда Пенелопа в очередной раз решила ворваться в них непрошеным гостем.

– Прости за слова о полном составе семьи... – Уверенно, но одновременно осторожно начала она. – Я совсем не то имела ввиду... Мне сейчас очень неловко...

– Всё в порядке, Пенелопа, честно, – однозначно отрезала я, взглянув на сидящую на покрывале справа и чуть позади меня собеседницу. По выражению её лица в этот момент, я окончательно установила психотип этой молодой многодетной мамочки: сердобольная. Наверняка она постоянно рвётся помочь людям, составляющим её круг общения, и наверняка у неё это часто получается, и ещё она определённо точно склонна к жалости, и одновременно к солидарной неприязни, естественно если того от неё требует ситуация или общество. Что ж, если Берек подружится с Питером, думаю, их дружба обяжет меня к общению с этой женщиной и, скорее всего, в итоге я с ней тоже смогу неплохо поладить.

– Я прекрасно понимаю, каково это – попасть в тесный родительский круг, большую часть которого составляют “идеальные” матери, – слово “идеальные” моя собеседница захватила пальцами в воздушные скобки. – Я не думала, что это случится со мной так скоро, но у нас внезапно появилась Блу, а теперь мне ещё придётся и на два родительских клуба разрываться, потому как Блу ходит в обычную школу, а Питер уже совсем скоро пойдёт в школу для одарённых детей.

– Да уж, – искренне поморщила носом я. – Две школы – это извращённая пытка.

Уловив в моих словах понимание, Пенелопа резко выпрямила спину, а её глаза мгновенно вспыхнули новым огнём, что окончательно утвердило в моих глазах её образ общительной натуры, которую хлебом не корми, только дай выговориться.

– Но даже это не самое тяжелое! – резко воскликнула она. – Ты не представляешь, как в первый год я чувствовала себя среди всех этих идеальных мамаш, а ведь я тогда ещё не знала, что благодаря неординарным навыкам моего сына их количество в моей жизни удвоится! С Блу я чувствовала себя самой настоящей белой вороной, ведь каждой жалостливой женщине как кислород необходимо было подойти ко мне для сочувствующих слов, каждая первая мамаша буквально норовила ткнуть меня носом в факт того, что я не родная мать для Блу. Все они якобы выражали мне своё уважение, а некоторые даже умудрялись выразить совершенно неуместное сочувствие, но тем самым все они лишь нарочно подчёркивали тот факт, что я никакая не мать для этой девочки... Всего лишь подделка, – в жёсткой досаде моя собеседница поджала свои подведенные розовым карандашом губы в тонкую линию.

– Блу не твоя дочь? – мои брови взмыли от удивления, хотя я сразу заметила, что ни эта девочка, ни младшая ни капли на Пенелопу не похожа. Но и на Одрика они не походили. Значит, это навряд ли дети мужа от другого брака. Выходит, усыновление?

– Блу и Лети мы взяли под свою опеку, но Питера родили *мы*, – мгновенно подтвердила мою преждевременную догадку Пенелопа.

Я с неприязнью заметила, что от произнесённого моей собеседницей местоимения “мы” у меня, словно от досады, кольнуло где-то в области желудка. Наверное дело было в том, что

мне тоже хотелось бы сказать, что Берека я родила не одна и не просто с кем-то, но с его отцом, однако завидовать я не хотела ещё сильнее, чем мечтать о подобном, так что незаметно ущипнула себя за руку, чтобы перевести внимание своих мыслей с душевной на физическую боль.

– Да, я не моя старшая сестра, – продолжала свой рассказ Пенелопа. – У Рене всегда и всё под контролем. Представляешь, у неё четыре дочери и всех своих детей она, в отличие от меня, произвела на свет из себя! Её младшей дочери, Сибил, недавно исполнилось пять, и она тоже пойдёт в школу имени Годдарда, хотя все три её старшие сестры ходят в обыкновенную школу. Я хотела пригласить Рене с её девочками поучаствовать в нашем сегодняшнем пляжном отдыхе, чтобы Сибил тоже познакомилась с Береком, но сегодня они заняты подготовкой к школе, так что познакомлю вас позже. – Услышав это, я вдруг отчётливо представила, с каким же на самом деле внушительным количеством родителей одарённых детей мне ещё предстоит познакомиться, и эта мысль выбила из моей груди очередной невольный вздох. А Пенелопа тем временем продолжала. – Рене старше меня на шесть лет и после того, как наши родители умерли, у меня кроме неё не осталось родственников в Мэне. Есть пару кузин живущих в Алабаме, но мы с ними практически не общаемся. Вместе с Рене мы открыли кошачий отель, но моя сестра оказалась куда более занятой в своём материнстве, нежели я, да и живёт она в противоположной от меня и “Кошкиного дома” части города, так что видимся мы всё равно реже, чем мне того хотелось бы. Раз в неделю – это не так уж и много, согласись, но сейчас в её распоряжении дочери-подростки, все очень красивые и все с пляшущими гормонами, так что я представить себе боюсь, как сейчас гудит голова у моей сестры, потому и не пытаюсь вынуждать её выделять мне, и нашему бизнесу, больше времени...

Не успела Пенелопа дорассказать мне историю всего своего семейного древа, как вдруг перед нами остановились трое молодых людей – одна девушка и два парня – явно увлекающиеся бегом вдоль береговой линии. Я не сразу заметила их, так как они подбежали со стороны моей спины, а когда заметила, они уже стояли практически впрытик к моему покрывалу.

– Ребята, привет! – радостно заулыбалась Пенелопа. – Помните я вам рассказывала про девушку, которая пришла ко мне со сбитой кошкой? Знакомьтесь, это Тереза.

Не поднимаясь, я пожала руку раскаченному, но не просушенному смуглому брюнету – он первым протянул мне руку.

– Я Брэд, – заулыбался парень лучезарной улыбкой, изюминкой которой был мило выбивающийся вперёд третий зуб справа. Брэд не был откровенным красавчиком, но всё же в нём было что-то такое, что привлекало с первой секунды общения с ним. – А это моя девушка, Оливия, – он посмотрел в сторону стоявшей рядом с ним блондинки, и та дружелюбно кивнула мне в ответ, отчего её высоко заплетенный конский хвост красиво дёрнулся. Блондинка очень сильно походила на неизвестную мне, платиновую супермодель: длинноногая, стройная, с большими голубыми глазами, пухлыми губами и густыми длинными волосами. Подобные девушки обычно красуются на обложках глянцевого журналов мод, прикрывая своё подтянутое регулярными тренировками тело одним лишь бикини.

– А это Джей, – Пенелопа обратила моё внимание на блондина, стоящего за спиной Брэда и, как я вдруг поняла, всё это время внимательно наблюдающего за мной. – Джей береговой спасатель, а Брэд и Оливия спортивные тренеры. Я занимаюсь в тренажёрном зале с Оливией, так мы все в итоге и познакомились пару лет назад, и стали закадычными друзьями, – продолжала вводить меня в курс дела Пенелопа, пока я пожимала руку Джея, который лишь со второго раза позволил мне высвободить свою ладонь из его руки. Этот парень был выше меня примерно на полголовы и, в отличие от коротко стриженного и смуглого Брэда, у него были густые волосы, светлые глаза и светлая кожа. И хотя Брэд выглядел немногим крупнее Джея, у последнего мышцы были заметно более просушены, из-за чего на его оголенном прессе можно

было даже рассмотреть красиво проступающие кубики. В общем, Джей мог похвастаться своей умеренно симпатичной внешностью.

Поняв, что береговой спасатель смотрит на меня неприкрыто заинтересованно, я поспешно отвела взгляд в сторону, бросив его на спину удаляющегося Брэда, решившего помочь Одрику и детям с постройкой песочного замка.

– Представляете, сын Тессы в сентябре пойдёт в один класс с Питером, – продолжала довольно улыбаться Пенелопа.

– О, это здорово! – вдруг подала голос Оливия, и я сочла его звучание приятным. – Хорошо, что ты не будешь в этой лодке одна, – блондинка обращалась уже к Пенелопе. – Хотя ты и была бы в новой школе вместе с Рене, всё равно неплохо иметь в своём клубе не только родственные, но и дружеские связи, верно? – ухмыльнулась девушка. – Вспомни только, каково тебе было год назад с Блу, а теперь у тебя и сестра, и минимум одна знакомая будут в новом классе, – она кивнула в мою сторону, и я сжато улыбнулась ей в ответ.

– Как сын? – вдруг подал голос Джей, на которого я изо всех сил старалась не смотреть, понимая, что он чрезмерно настойчиво сверлит меня взглядом. – У тебя есть сын? Ты замужем?

Он обращался ко мне, так что мне всё же пришлось на него посмотреть, но ответить ему мне так и не удалось – у меня зазвонил мобильный. Отвлекаясь на телефон лишь на пятнадцать секунд, чтобы сказать матери, что сегодня я не смогу привезти ей рассаду гортензии, я вновь вернулась к окружившим меня кольцом людям и с облегчением поняла, что вопрос о моём замужестве благополучно утонул в этих спасательных пятнадцати секундах перерыва. Всё внимание и все взгляды моих новых знакомых теперь были обращены не ко мне, а к бегущей по берегу роскошной брюнетке. Она пробежала мимо не обратив на нас никакого внимания, но все мы теперь невольно смотрели исключительно на неё. Девушка была чуть ниже меня ростом, её густые каштановые волосы, едва заметно выющиеся волнами, были затянуты в высокий хвост, в её ушах торчали белые наушники, на торсе были закреплены белые проводки, наверное для считывания пульса или чего-то подобного, и у неё было действительно впечатляющее телосложение: пресс, торс, ноги, задница, бицепсы, трицепсы, грудь – здесь всё привлекало внимание и могло вызывать серьёзную зависть. Эта девушка обладала не смазливой модельной красотой, которой могла похвастаться Оливия, а тем видом строгой, может быть даже серьёзной красоты, которой в принципе не стыдно завидовать любой краской зависти – чёрной или белой. Остановившись приблизительно в тридцати метрах от нас, не вынимая наушников из ушей и совершенно не обращая на остальных посетителей пляжа никакого внимания, хотя большинство из них, включая нашу компанию, только за ней и наблюдали, девушка начала подпрыгивать на месте, раздвигая ноги и руки в стороны, и после плотно сводя их вместе. То, как она в этот момент выглядела, можно было назвать почти фантастическим. Её идеально работающие мышцы внушали к её персоне не меньшее уважение и трепет, чем её сосредоточенное и серьёзное выражение лица. Чистая амазонка, только ростом не отличилась – в её арсенале, должно быть, чуть больше метра семидесяти сантиметров.

Не заметив, как загляделась на незнакомку, я вернулась в реальность только когда услышала голос Пенелопы:

– Вот это фигу-у-ура... – шёпотом протянула моя соседка по покрывалу. – Задница – просто мечта.

– Да уж, – с заметной завистью прикусила нижнюю губу Оливия, хотя, казалось бы, уж ей-то можно было не завидовать, с её-то размером груди и длиной ног.

– Кажется, я знаю её, – спустя несколько секунд, вдруг снова заговорила Пенелопа. – Да, определённо точно знаю. Моя сестра Рене общается с ней. Они вроде как подруги... Её зовут Пейтон Пайк и, если меня не подводит память, она работает в полиции. Вот скажи мне, Тесса, сколько ты дашь ей лет?

В обычной ситуации меня подобный вопрос напряг бы: почему она решила спросить именно у меня? А не всё ли равно, сколько кому лет?.. Но я была слишком увлечена наблюдением за этой фантастической картиной, прыгающей всего в тридцати метрах от меня.

– Думаю, как мне, – вздохнула я, осознав, что я хотя и могу похвастаться красивой фигурой, до уровня этой девушки мне как до луны, а всё потому, что вместо того, чтобы ходить в тренажерный зал, я, во имя экономии времени и средств, упражняюсь на коврике посреди своей узкой гостиной.

– А сколько тебе? – мгновенно активизировался Джей.

– Двадцать семь, – без задних мыслей ответила я.

– Выходит, я, как и Брэд, старше тебя на год, – вдруг сверкнул идеально ровными белоснежными зубами парень.

– Зато я младше на год, – заметила Оливия, всё ещё не отрывая взгляда от Пейтон Пайк. – Соглашусь с тем, что этой полицейской картинке не больше двадцати семи. Вот ведь стерва, что за выносливость! – Оливия завидовала всё откровеннее. – Она делает уже пятый подход! Знаете, я думаю, что в её случае очень большую роль сыграла именно генетика, ну и усилия, конечно, тоже повлияли... Вообще генетика плюс усилия – это всегда страшная сила.

Пенелопа вдруг рассмеялась:

– Девушки, да ведь вы сильно промахнулись: ей не двадцать семь – ей тридцать четыре!

– Что? – мы с Оливией одновременно врезались неверующими взглядами в нашу собеседницу.

– Ты выдумываешь, – продолжила нашу одну на двоих мысль блондинка.

– Я ведь говорю, что она подруга Рене, так что кое-что я о ней могу рассказать, – Пенелопа метнула свой взгляд в сторону своего мужа, сидящего спиной к пляжу, а потому не видящего происходящего здесь. – Главное, чтобы Одри не заглядывался на *это*, а-то эта героиня Square Enix* развелась недавно. Представляете, её муж ушёл к другой женщине.

(*Square Enix – японский разработчик и издатель компьютерных игр, а также их дистрибьютор. В данном случае произведена отсылка к главному персонажу Tomb Raider – L.Croft).

– Ты серьёзно? Её бывший вообще был в здравом уме? – на сей раз не сдержался Джей, что меня немного покорило, так как до сих пор он вроде как был заинтересован мной.

– Представьте себе и такое бывает: мужья способны уходить от откровенных красавиц к совершенно невзрачным особам. Поговаривают, будто всему виной трудоголизм.

– Он был трудоголиком? – посмотрела на Пенелопу Оливия.

– Куда там. Она трудоголичка, а он вроде как продавец-консультант при маленькой частной фирме, ничего особенного.

– Ну раз уж от неё ушёл муж, едва ли она захочет поддерживать лагерь вертихвосток, уводящих чужих мужчин из семей, так что за Одрика можешь не переживать, – попытожила Оливия, явно недоговаривая мысль о том, что подобный Одрику мужчина едва ли заинтересовал бы такую женщину, как Пейтон Пайк. – А к кому ушёл её муж? – вдруг решила уточнить блондинка.

– Помните старый кафетерий на перекрёстке у южного выезда из Роара? Её благоверный ушёл к официантке, работающей там уже много лет, крашенной блондинке, у которой, откровенно говоря, нет ни задницы, ни груди. Вроде бы её зовут Тара Стюарт. Я неплохо её запомнила, потому что средняя дочь Рене, Каприс, ходит в один класс с её дочерью. Эта женщина мать-одиночка, а её дочери уже десять лет. Теперь вот она живёт с мужем этой вот Афродиты, – Пенелопа кивнула в сторону подтягивающей к груди колено Афродиты, которой мы, за её спиной, не стесняясь перемывали косточки, отчего мне было немного не по себе. – И, кажется, эта официантка уже ждёт от своего нового бойфренда ребёнка.

– Это просто ужасно: быть такой роскошной, как эта Пейтон, и одновременно иметь такой позорный опыт замужества, – сдвинула свои неправдоподобно ровные брови Оливия. – Эти

матери-одиночки не гнушаются уводить мужей из семей потому, что им якобы трудно справляться с родительскими обязанностями в одиночку, но, простите, нужно сначала думать, от кого ты рождаешь, чтобы потом не жаловаться на свою судьбу и, прикрываясь её превратностями, не охотиться за чужими мужчинами...

– Пшшш... Оливия... – осуждающе зашипела Пенелопа, не дав своей подруге выпалить ещё более громких высказываний.

По красноречивому взгляду Пенелопы, брошенному в мою сторону, все мгновенно поняли суть её прозрачного намёка.

– Ты не замужем? – вновь мгновенно активизировался береговой спасатель.

– Нет, Джей, Тесса не замужем, она мать-одиночка, так что флаг в руки, – стараясь сгладить острые углы максимально неловкой ситуации, неестественно широко заулыбалась Пенелопа.

– Ох, прости меня пожалуйста! – сложив ладони корабликом и прислонив их к губам, испуганно округлила свои кобальтовые глаза блондинка. – Я совсем не думаю так, как сейчас выразилась...

– Всё в порядке, – подняв оба больших пальца в знак “классно”, искренне заулыбалась я, так как меня эта внезапно сложившаяся ситуация откровенно позабавила. Вот я участвую за спиной неприкрыто красивой женщины в перетирании её косточек, а вот косточки перетирают уже мне – эффект бумеранга, за который я должна быть благодарна вселенной. Не стоит забывать о том, что сплетни – особенный тип зла. В маленьких городках все друг друга знают, так что, уверена, обо мне тоже скоро многие и много будут говорить, и знать, причём то и о том, что будет находиться на предельно далёком расстоянии от правды.

Думая о том, что меня *почти* не задела слова Оливии, и о том, что тема одинокого материнства целых два раза за последние двадцать минут стала камнем преткновения, что не предвещало мне ничего хорошего в этой компании счастливых пар, я старалась не обращать внимание на Джея, буквально не отрывающего от меня взгляда, что уже, я была уверена в этом, замечала не только я одна, так как Пенелопа с Оливией неоднозначно переглянулись, перед этим одарив парня заговорческими ухмылочками.

Вскоре наступила моя очередь рассказать своим новым знакомым о себе, и я предпочла рассказать о своей работе, нежели о личной жизни. Поверхностно поведав о том, что переехала в Роар недавно, что совпало с недавним переездом в этот город фирмы “Шатем”, в которой я работаю уже четыре года, я вновь позволила себе отстраниться от общей болтовни.

Провожая взглядом удаляющуюся в противоположную от нас сторону Афродиту, я думала о ней, как об образе, на который мне хотелось хотя бы немного походить. К примеру, я хотела бы выглядеть в свои тридцать четыре так же потрясно, как выглядит она, или чтобы за моей спиной говорили не просто с откровенной завистью, но с таким же уважением, с которым говорят о ней, потому как зависть, смешанная с уважением – это высшая степень признания. Это фактическое признание превосходства. Что пришлось пережить Пейтон Пайк для того, чтобы добиться подобного превосходства над остальными? Чтобы даже такая красотка, как Оливия, не могла смотреть на неё не кусая губы... Я не знаю наверняка, но что-то мне подсказывает, что, узнай я подводные камни цены этой высоты, я бы не променяла своё трафаретное положение матери-одиночки на её превосходство едва ли не на всех фронтах жизнедеятельности, за исключением, конечно, её очевидного провала на семейном фронте.

Глава 21

Пейтон Пайк

03 октября – 21:25

– Нужно поговорить, – словив меня в коридоре, ведущем к выходу из полицейского участка, Арнольд явно жаждал со мной диалога, но я и так уже откровенно задерживалась, забывшись в архивной работе над всеми имеющимися у нас по всем известным нам делам Больничного Стрелка материалами, так что останавливаться не собиралась.

– Я тороплюсь, Рид, поэтому если желаешь – говори на ходу, – поправляя рукава своей не по погоде тонкой чёрной куртки, я продолжила уверенно продвигаться в сторону выхода.

– Ты серьёзно без моего ведома пыталась передать в моё видение дело Ванды Фокскасл, а вместе с ним и все дела по Стрелку?

– Что, Кадмус проболтался?

– Он сказал, что это было твоё личное решение и что он – что я оцениваю как благоразумие с его стороны – отказал тебе в этой просьбе. Почему ты не предупредила меня?

– А нужно было? – всё-таки остановившись, я обернулась и наконец встретила взглядом со своим собеседником.

– Почему ты хотела передать дело именно мне?

– Не Сэмюэлю же его передавать, он ведь явно спустил бы его в канализацию, представься ему подобная возможность.

– А мне почему-то кажется, что ты пыталась его передать именно мне потому, что в таком случае тебе было бы легко продолжать влиять на развитие событий через меня.

– Иными словами: мне легко управлять тобой. Однако в этом нет ничего особенного, ведь, по сути, я твой босс.

– По сути, но не по факту. И мой, и твой босс Кадмус Рот.

– И всё же ты приставлен ко мне, как напарник-подчинённый, не забывай об этом, гений.

– Если бы Кадмус отдал это дело мне, ты бы стала моим напарником-подчинённым.

– Но не стала. Так что всё остаётся на своих местах, не переживай. И попроси одного из Джексонов наполнить кулер возле моего рабочего места.

– Ты куда-то спешишь? – с подозрением прищурил свои шоколадные глаза блондин. – Обычно ты не спешишь домой... И что это? Ты подкрасила губы? Тебе идёт, красиво. У тебя свидание?

– Я твой босс, Рид, и потому я не намерена обсуждать с тобой свою личную жизнь. Уже начало десятого часа, что так поздно ты делаешь на рабочем месте? Отправляйся домой и хорошенько проспай. Ты нужен мне бодрым.

– Да, босс, – поджав губы, недовольно взмахнул рукой Рид, с которым даже в процессе этого диалога мы оставались в первую очередь друзьями, а не коллегами, хотя и пытались поменять эти понятия местами, но я уже не смотрела на него. Развернувшись, я уверенным шагом продолжила преодолевать свой маршрут по направлению к выходу из полицейского участка.

* * *

Этот день был сложным. Наверное потому, что сегодня я окончательно убедилась в том, что как и в деле убийства моих родителей, и в деле убийства Рины Шейн, Стрелок не оставил улик. Расследовать дело без улик, всё равно что бродить в кромешной тьме с увеличительным

стеклом в руках – пока не споткнёшься о керосиновую лампу и, споткнувшись, не разобьёшь её, тем самым вызвав пожар, от увеличительного стекла в твоих руках толка не будет.

Я договорилась встретиться в баре с подругами сегодня в девять часов вечера, но, как часто бывало, с головой ушла в работу и, в миллионный раз изучив предыдущие нераскрытые дела Стрелка и тем самым едва не затерев скудные архивные данные до дыр, теперь заметно опаздывала.

С Астрид я познакомилась два года назад, как раз перед своим повышением. Я приехала в её бар по вызову – пьяные дебоширы отказывались платить за выпивку. В тот вечер мне пришлось немного помахать кулаками, прежде чем буйная аудитория уяснила, что мои трезвые кулаки, в отличие от их пьяных, крепки. В результате, когда трёх заезжих из Пенсильвании байкеров увели в наручниках зелёные курсанты, вверенные мне на время их практики, владелица бара предоставила для костяшек моих кулаков пакетированный лёд и пригласила меня выпить пиво за счёт бара. Уходя той ночью из бара “Тотем” я пообещала подумать над её любезным предложением, а уже спустя неделю, в вечер своего официального повышения, который удачно выпал на пятницу, проезжая мимо этого бара вспомнила о приглашении. Дилан в тот вечер был занят видеоиграми со своими многочисленными друзьями, так что возвращаться домой я не стремилась, в результате чего всё-таки развернулась в сторону бара. Напившись тогда не в доску, но всё же прилично, мы с Астрид, которая в тот вечер экзаменовала нового бармена, необычно, как для меня, быстро нашли общий язык, как будто между нами существовала незримая связь, которую лично я никак не могла себе объяснить логическими умозаключениями. Столь лёгкого и одновременно интересного общения с людьми в моей жизни прежде не случалось, поэтому на следующей после того пятничного вечера неделе я вновь решила заглянуть в этот бар, чтобы проверить свои подозрения, и они мгновенно подтвердились: Астрид, похоже, была для меня кем-то или чем-то вроде родственной души. Мы снова немного выпили и снова договорились о встрече.

Во время нашей четвёртой встречи Астрид познакомила меня с Рене, и с тех пор мы троём стали регулярно встречаться в баре “Шатем”. Не то чтобы мы стали закадычными подругами, просто один раз в неделю стали пересекаться за пивом и болтать о разном, хотя в этой компании я в большинстве своём являлась слушателем. Астрид в основном говорила о баре, байках, любви к року, муже и двух своих взрослых сыновьях, в то время как Рене всецело была сосредоточена на своей семье и своём необычайно сильном пристрастии к новинкам косметики. Я же, когда не слушала, поддерживала темы, выбранные этими двумя, а когда необходимость рассказать что-то о своей жизни давала о себе знать или даже загоняла меня в угол, в основном я говорила о спорте или музыке, предпочитая не разглаживать о своём браке, который тогда всё ещё казался, а возможно даже и был, нормальным.

До момента знакомства с Астрид и Рене мой круг общения составляли только подчинённые и хорошие знакомые. Я всегда с осторожностью подпускала к себе новых людей, а подруг у меня и вовсе не водилось с тех пор, как в старшей школе я увидела, как одна из двух моих подруг целуется с парнем второй подруги. Наверное именно с того дня я утвердилась в своих доводах о том, что женская дружба – это если не нечто фантомное, тогда определённо точно нечто шаткое. Даже свои отношения с Астрид и Рене до недавних пор я считала не дружбой, а скорее “хорошим знакомством”. Я начала подозревать, что это всё же нечто около дружбы в момент, когда Астрид около года назад позвонила мне посреди ночи с просьбой отвезти её в Куает Вирлпул: у её матери скончался пёс и та сильно распереживалась, а так как у Астрид на тот момент не было личного средства передвижения из-за отъезда её мужа в Небраску к кузену, а Рене она не хотела беспокоить, потому что та в принципе плохо высыпалась благодаря своей большой семье, в итоге Астрид набрала именно мой номер. В ту ночь я не задумываясь отправилась к ней и в итоге отвезла её в Куает Вирлпул, который находится в двадцати пяти километрах от Роара, но на приглашение войти в дом её родителей я ответила отказом.

Я видела её мать мельком, так как эта женщина вышла на крыльцо встречать Астрид, но её светлый образ, залитый тёплым светом, льющимся из открытых входных дверей уютного дома, внезапно вызвал во мне необоснованную грусть, из-за чего я и отвергла приглашение Астрид остаться под крышей того дома на ночь.

Второй звонок о том, что у меня, скорее всего, всё же завелись самые что ни на есть настоящие подруги, я получила пять месяцев назад, после того как состоялся мой неожиданно резкий для всех разрыв с Диланом. Привыкнув переживать свои крушения и взлёты скорее внутренне, нежели внешне, я не сразу рассказала о своём разводе Астрид и Рене, а вечером того дня, в который я всё же заставила себя обмолвиться об этом значимом событии, они вдруг без предупреждения заявили на порог моего дома с двумя пирогами в картонных коробках и тремя бутылками вина в руках. После того вечера мне неожиданно резко полегчало. Я бы даже сказала, что меня тогда “отпустило”, хотя до тех пор я считала, будто мне не особенно и тяжело, будто бы у меня всё под контролем, а значит всё нормально...

Завидев меня на подходе к барной стойке, Астрид, очевидно сегодня лично подменяющая бармена, растянулась в своей обезоруживающе широкой улыбке:

– Кто у нас не пай-девочка, так это Пейтон, – громогласно провозгласила она, и я в который раз отметила, что Астрид, пожалуй, единственная из всех моих знакомых, кто способен за максимально короткий промежуток времени поднять моё настроение одной лишь правильно подобранной интонацией.

– О чём речь? – мимолётно улыбнувшись в ответ, я опустилась на барный стул рядом с Рене и бегло осмотрела зал: сегодня он был заполнен лишь на двадцать процентов. На мой же вопрос мгновенно отозвалась Рене, сразу начавшая выдавать мне новости из своей бурной семейной жизни. В этот раз она решила начать со своей старшей дочери:

– Адела заявила, что в следующем году планирует отправиться в Нью-Мексико, чтобы поступить в университет в Альбукерке, вот только она забыла уточнить, хватит ли у нас со Стэнли денег на её обучение, – в голосе Рене звучали притворные нотки возмущения.

– Но если положить руку на сердце, тогда можно смело утверждать, что у вас со Стэнли вполне хватит денег на обучение Аделы в Альбукерке, тем более с учётом того, что до поступления в университет Лекси у вас в запасе ещё целых четыре года, – посмотрела исподлобья на нашу эмоциональную подругу Астрид.

– Да, денег, конечно, хватит, в конце концов, Стэнли неприлично много зарабатывает... – прикусила нижнюю губу Рене. – Наверное мне просто обидно, что мои девочки так быстро растут, а вырастая планируют уезжать от меня не просто в соседний город или штат, но в противоположную часть США.

Наблюдая за своими более старшими подругами я незаметно вздохнула, в очередной раз почувствовав себя на фоне их если не ребёнком, тогда определённо точно подростком. У них мужья, взрослые дети, свой бизнес или домохозяйство, а я всё гоняюсь за ветром в своей голове, даже не задумываясь о смысле подобных вещей. Астрид сорок два, её сыновьям двадцать два и шестнадцать, Рене тридцать семь, то есть она старше меня всего на три года, а у неё уже целых четыре дочери семнадцати, тринадцати, десяти и пяти лет. О сыновьях Астрид я знаю немного, хотя каждого из них знаю в лицо, зато о детях Рене, которых я видела лишь пару раз и лишь вскользь, я знаю почти всё: Адела мечтает поскорее ощутить независимость и освободиться из-под гнёта родительского покровительства, Лекси последние два года помещена на брейкдансе, Каприс ходит в один класс с дочерью нынешней подружки моего бывшего мужа, а Сибил вроде как умна не по годам.

Не знаю почему так сложилось, может быть потому, что я познакомилась первой с Астрид, хотя, думаю, что причина кроется в ином, но всё же металл Астрид был мне ближе, нежели пластичность Рене. В Астрид было нечто такое, что люди обычно называют неуловимой вибрацией. То, как вибрировали то ли мысли, то ли душа этой личности, было для меня чем-

то из разряда непонятного и одновременно родного, что мной ощущалось как нечто странное. С Рене же всё было проще. Она не была для меня ни загадкой, ни уникальностью. Самая обыкновенная молодая женщина средней красоты, обладающая стандартными для современных женщин мышлением и среднестатистическим телосложением с минимальным излишком веса, с которым она, как и большинство женщин без чётких установок в голове, любит периодически бороться разнообразными усреднёнными методами вроде кратковременных диет, и это несмотря на то, что десяток лишних килограмм её образ всё же больше красит, нежели умаляет его красоту.

Делая первые глотки пива из американской пинты, любезно предоставленной мне Астрид, и мысленно сравнивая своих подруг между собой, я не заметила, как они начали обсуждать своих мужей. Рене, по привычке, ставшей уже традицией, вновь увлечённо ударилась в расхваливание своего избранника:

– Я уже давно пришла к выводу, что выходить замуж нужно за гораздо более старших мужчин. Хотя бы потому, что более старшие мужчины сильнее ценят своих молодых жён, отчего в постели творят самые настоящие чудеса. Посмотрите на меня со Стэнли: мне тридцать семь, ему пятьдесят девять – между нами разница в целых двадцать два года, а у нас даже после рождения четверых детей секс такого качества, что иногда мне кажется, будто нам ещё нет и восемнадцати!

– Ну не скажи, секс до восемнадцати зачастую не так уж хорош, – хитро заулыбалась Астрид. – Хотя, возможно, что-то в этой возрастной теории есть. Мой отец старше моей матери на десять лет, и я могу утверждать, что он склонен к страстным порывам по отношению к ней больше, чем она по отношению к нему. И всё же бывают и обратные ситуации, когда женщина в паре старше своего мужчины, и он оказывается более страстным, нежели она. Вот к примеру Пейтон, – подруга вдруг сверкнула в мою сторону нападающе-озорным взглядом.

– Что? – приподняла свои брови в неподдельном непонимании я.

Отчего-то решив меня проигнорировать, Астрид вновь обратилась к Рене:

– Арнольд вон какой хороший для Пейтон, а он младше неё почти на шесть лет.

– Чего? – криво ухмыльнулась я, наконец поняв, что меня пытаются спровоцировать на пустом месте.

– А почему нет? – неожиданно резко заглянула мне прямо в глаза Рене.

– Хотя бы потому, что я не обращаю внимание на малолеток.

– Парню двадцать девять лет, – парировала Астрид.

– А мне через несколько дней стукнет тридцать пять, – заметила я.

– И что с того?

– Нет, всё же для меня факт того, что мужчина является младше меня, серьёзный аргумент, чтобы не рассматривать подобный вариант в принципе.

– И с чем связаны такие принципы, скажи мне пожалуйста, – не желала сдаваться Астрид. – Более молодые любовники более страстные в постели – это всем известный факт. Чистая физиология...

– Нет, что бы вы мне не пытались доказать, шесть лет разницы – это большой разрыв. Женщине с таким разрывом пришлось бы ежедневно следить за тем, чтобы выглядеть на фоне своего молодого бойфренда если не младше него, тогда хотя бы его ровесницей.

– Ты себя когда в последний раз в зеркало видела?! – на сей раз не выдержала Рене, любившая разбавлять любые, даже такие глупые диалоги, самыми разнообразными эмоциональными выпадами. – Да ты ведь супермодель полицейского мира! Вся такая стройная, подтянутая, прокаченная... Как таких вообще в полицию берут? Не будь я твоей подругой, я бы за твою внешность за твоей спиной называла бы тебя стервой!

Из-за подобных слов и их столь яркой эмоциональной окраски не удержалась от откровенного смеха даже я. Когда же первый прилив смеха прошёл, Астрид вновь решила продолжать продавливать свою линию:

– Кстати, из-за внушительных габаритов Арнольда и наверняка благодаря своим генам ты, Пейтон, смотришься на фоне Рида не его ровесницей, но его младшим напарником.

– И тем не менее, младший напарник именно он. И мои принципы против служебных романов, – решила однозначно отрезать я, чтобы поскорее подвести к логическому финалу эту лишённую смысла беседу.

– А мне служебные романы кажутся одними из самых страстных, – не соглашалась сдаваться без боя Астрид. – Взять к примеру меня и Маршалла. Да, он старше меня всего лишь на три года, так что он не такой идеал, как муж Рене, по крайней мере завтраки в постель он носит мне не каждый день, а только по праздникам, но зато мы ведём один бизнес на двоих, – она развела руками, очертив ими невидимую границу бара, в котором мы сейчас заседали. – Так что я могу смело утверждать, что служебные романы – это страсть.

– Может быть и тебе, и Рене просто повезло? – ухмыльнулась я. – Ну неужели ни у кого из вас не было знакомых, у которых служебный роман или большая разница в возрасте явились бы основной причиной краха отношений?

– Всё же признаю, что Пейтон права и всё действительно индивидуально, – подумав пару секунд и разочарованно поджав губы, вдруг совершенно неожиданно решила капитулировать изначально бойко настроенная Астрид. – И пример краха неравных отношений у меня, к сожалению, имеется. У моей младшей сестры недавно был ухажёр старше неё на двадцать лет. Они не провстречались и года. Подозреваю, что она даже не любила его, просто была с ним из-за того, что он буквально сходил по ней с ума, а она, сильно ожоженная на любовном поле боя и оттого, по-видимому, разочаровавшаяся в этом чувстве, просто решила сделать своим присутствием в чьей-то жизни кому-то приятное, так что в итоге согласилась встречаться с потерявшим от неё голову мужчиной. Кстати, для своих сорока семи лет он был в отличной физической форме: хотя почти полностью седой, зато мускулистый и увлекающийся сквошем. Но, простите, он ведь был откровенно маниакально настроен по отношению к ней! После того, как она порвала с ним, он буквально прохода ей не давал, из-за чего ей в итоге даже пришлось переехать. А ведь я предупреждала её, что с этим вариантом у неё ничего не “выгорит”. Хотя бы потому, что он не из её поколения, а случай Рене – это фантастическое исключение из правил, с возможностью повтора в соотношении один к ста миллионам.

– Разве твоя сестра переехала в Роар из-за назойливого ухажёра? – я пыталась припомнить смутные обрывки прошлых разговоров Астрид о её семье. – Я думала, что она переехала сюда, чтобы быть поближе к семье.

– Вообще причин её переезда было несколько, и причина с тем, чтобы быть поближе к семье, далеко не самая приоритетная.

– Да уж, не люблю таких мужчин, которые не понимают с первого раза, – поморщила носом Рене. – Если тебе сорок семь и ты пытаешься ухаживать за двадцатисемилетней девушкой, ты в первую очередь должен уметь вовремя слышать слово “нет”. Э-э-эх, подруги, эти возрастные вопросы меня с каждым годом всё больше волнуют. Вот я смотрю на вас и завидую.

– Завидуешь? – непреднамеренно в один голос отозвались мы с Астрид, что с нами случилось часто, и мы сразу же ухмыльнулись этому забавному совпадению.

– Да, завидую. И ты, Астрид, и ты, Пейтон, выглядите минимум на пять лет младше своего реального возраста, в то время как я в свои тридцать семь уже смахиваю на сорокалетку.

– Ну мы-то и не производили на свет четверых детей, – похлопала по плечу подругу я.

– Всё равно это нечестно! – в ответ по-детски надула губы Рене. Не выдержав этой наивной картины, я засмеялась, а Рене тем временем продолжала супиться. – Просто вы с Астрид выиграли в генетической лотерее.

– Да уж, я могу похвастаться тем, что мои родители весьма красивые старики, – довольно улыбаясь, заметила Астрид.

– Да и мои, вроде как, были красавцами, – подытожила я.

– А у меня красивой была только мать – отец был с откровенно бандитской внешностью, при своей-то добронравной натуре. Как же мне его не хватает...

– Да уж, – неосознанно поджала губы я.

– Так, а сейчас вы начнёте завидовать тому, что среди нас всех только я всё ещё при родителях, да ещё и при двух одновременно, – сощурилась Астрид. – Держите-ка ещё по порции дарёного пива и прекращаем на сегодня говорить о зависти.

– Тогда давайте поговорим не о наших, а о чужих родителях, – удовлетворённо приняв из рук Астрид новую пинту пива, поспешно кивнула Рене.

– Да, было бы интересно, – продолжила щуриться Астрид, и я поняла, что эти двое ходят вокруг да около, и делают это явно вокруг меня. – Ты сегодня задержалась, Пейтон, – уверенно продолжила наступление Астрид. – Обычно ты пропагандируешь пунктуальность.

– Я ничего не пропагандирую.

– Так с чем же связана твоя задержка? – продолжала напирать Рене.

– Зависала в архивах, – уклончиво ответила я.

– Нет, так не пойдёт, – упервшись руками в бока, отрезала Астрид, явно не выдержав давления ожидания неизвестного мне происхождения. – Она тебе ничего ведь не скажет, если ты у неё не спросишь прямо в лоб. Она ведь не мы – язык за зубами держит даже если ей на горло наступают. – Астрид бойко врезалась своими глазами в мои. – Расскажи нам про убийство Ванды Фокскасл.

– У нас ведь уговор, забыла? О своей работе я с вами не разговариваю, – на сей раз пришла пора щуриться мне.

– Брось, Пейтон, об этом весь Роар знает! – вновь начала подливать эмоцию в общий чан диалога Рене. – А мы тем более.

– Вы “тем более”? – приподняла брови в непонимании этого выражения я.

– Естественно! – продолжила брызгать эмоциями Рене. – Ванда Фокскасл была учительницей моей младшей дочери. Я ведь тебе рассказывала о том, что Сибил в этом году поступила в школу имени Годдарда для одарённых детей, ты разве забыла? А младший сын Астрид, Риан, сейчас как раз встречается со старшей дочерью Ванды, с Руби!

– Как тесен мир, – только и смогла из себя выдавить я.

– Об этом весь город гудит, Пейтон, – продолжая упираться в бока кулаками, решила перетянуть на себя моё внимание Астрид, явно понимая, что в моих глазах её авторитет выше, чем авторитет Рене. – Скажи хоть что-нибудь.

– Мы ищем виновного, – резко отведя взгляд, отрезала я. Трепаться о продвижении следствия в баре за пивом – самое последнее дело для профессионального следователя.

– И что, всё ещё нет никаких подозреваемых?

Я продолжила поддерживать политику молчания. В результате Астрид капитулирующе громко выдохнула, после чего вдруг задала мне совершенно неожиданный вопрос:

– А ты уже разговаривала с Тессой?

– С какой Тессой? – отчего-то мгновенно напряглась я.

– С Тессой Холт. Я пыталась с ней поговорить, но в баре сейчас некоторый завал из-за отсутствия бармена.

– Ты знаешь Терезу Холт?

– Ещё бы не знать! – руки Астрид взметнулись над её головой. – Она моя младшая сестра.

– Та самая, которая переехала в Роар в августе, – заглянула в мои округлившиеся от удивления глаза Рене. – Моя Сибил ходит с её сыном Береком в один класс.

– Я не знала, что она и есть твоя младшая сестра, – не скрывая своего удивления, смешанного с неосознанным напряжением, вновь перевела свой взгляд на Астрид я.

– Ты просто иногда не очень внимательно нас слушаешь, – разочарованно начала жевать губы Рене. – Мы разговаривали о ней в начале сентября, кажется.

– Да, я видела её вчера, – не отрывая напряжённого взгляда от Астрид, наконец дала свой ответ я. – Она, вроде бы, в порядке. В лёгком шоке, но в порядке.

– Ну ладно, – явно уловив в моём взгляде что-то для себя подозрительное, Астрид вновь взялась за протирание своих и без того кристально чистых бокалов.

– Ладно, девочки, я что-то с вами засиделась, – внезапно схватив свой телефон, Рене что-то поспешно начала отправлять в мессенджере и в следующую секунду помахала рукой кому-то стоящему за моей спиной. Обернувшись, я увидела в дверях бара её мужа, который постоянно заезжал за ней после того, как она напивалась с нами лёгким пивом. – Всё, Стэнли здесь, так что до следующей недели! – протараторила подруга, уже спрыгивая со своего стула и закидывая свою огромную дамскую сумочку на оголившееся плечо.

– Ребята, сегодня закрываемся рано, так что просьба покинуть бар до двадцати двух пятнадцати! – вслед удаляющейся подруге громогласно прогремела Астрид, призывая немногочисленных посетителей закругляться с выпивкой и подтягиваться к барной стойке для оплаты счетов.

Быстрый уход Рене в моём понимании был вполне естественным – она всегда вот так вот резко срывалась с места и бежала к своему обожаемому мужу, – но напряжение Астрид, отрекошетевшее от моего собственного, меня мгновенно взволновало ещё больше. Я, как и всегда после раннего ухода Рене, решила остаться и допить своё пиво, а может быть добавить к текущей порции и ещё одну пинту. Стараясь не наблюдать за Астрид, сосредоточившейся – наигранно ли? – на кассе, я начала блуждать взглядом по рабочему пространству бармена.

Внезапно моё внимание привлёк белоснежный лоскуток, торчащий из-под массивной статуэтки из тёмного дерева, изображающей собой образ четырёх пор года. Статуэтка стояла в углу барной стойки, слева от меня, и явно оберегала какой-то клад. Я, почему-то, на мгновение замерла. Лишь спустя пару секунд аккуратно приподняв статуэтку, я вытащила из-под неё больших размеров столовую салфетку. Она вся, от края до края, была исписана чёрными чернилами. Почерк был витиеватым и одновременно фигурным. Врезавшись взглядом в первую же букву, я не нашла в себе сил остановиться, пока не прочла найденное послание от его начала до его конца. На салфетке были запечатлены стихи:

*Возможно однажды пройдёт время твоей наивности,
и ты получишь каплю безграничной мудрости,
услышав и поняв один великий секрет:
у всех своя правда – ОБЩЕЙ правды нет!*

*И где-то там звучат слова о справедливости:
“Твори по честности, а не по доброте иль милости”.
Но только, знаешь, справедливости ведь тоже нет,
а сказочки о ней – всего лишь древний бред.*

*Вся справедливость равна быть может одному лишь мнению,
а правда вся рассыпется от одного лишь дуновения
взгляда того, кто правду тоже проповедует и знает:
все люди правды нить не упускают,
все держат крепко сей клубок цветастых ниток,*

*и правда всех из этих ниток сшита,
клубок прядёт замысловатый и чудной узор,
кому-то правда он, кому-то – откровеннейший позор.*

*И будут все носиться с этими клубками, словно с ситом,
в котором якобы ни капли не пролито
из озера правдивости и справедливости причуд,
в котором тину неприкрытой лжи лишь можно почерпнуть.*

*Не нужно ни меня, ни, собственно, себя отягощать словами
о том, что правда да пребудет с вами.
Есть мнения. И те всё чаще зависть или бред.
Верить, однако, можно в то, чего на самом деле нет.*

*Из вер подобных и составлен человеческой души скелет.
И будет состоять, пока есть человек.*

* * *

Аккуратно, словно боясь стереть ценные чернила, я отложила салфетку на безопасное расстояние от своего мокрого бокала.

Я продолжала потягивать пиво, провожая взглядом последних посетителей бара, а когда последний из них наконец вышел за порог и Астрид, закрыв за ним дверь на замок, вернулась за барную стойку, чтобы начать сверять кассу, я решила начать издалека.

– Хорошие стихи, – я дотронулась указательным пальцем расправленной салфетки. – Кто автор?

– Одна моя подруга. Она поэт. И писатель. Заглянула ко мне сегодня и на мой вопрос о том, что она думает о правде и справедливости, дала вот такой вот ответ, – не отрывая взгляда от кассы, Астрид кивнула в сторону лежащей передо мной салфетки.

– Не знала, что у тебя есть не “знакомые”, но “подруги”, помимо нас с Рене, – заметила я. – Она из Роара?

– Нет, потому вы и не знакомы. Она сегодня была здесь, а завтра будет уже в противоположном конце света...

– Никогда в жизни не видела в живую поэтов или писателей.

– Кстати, я хотела бы вас познакомить. Конкретно тебя с ней. У вас обеих тот ещё характер. Интересно было бы посмотреть, как бы вы общались друг с другом. Кто знает, может она и о тебе что-нибудь когда-нибудь написала бы.

– Да, конечно, интересна будет кому-нибудь история моей жизни...

– Эй, твоя жизнь ещё не кончена, а значит в ней каждую секунду может случиться переворот.

Я сдвинула брови в попытке представить, что же такого в моей жизни должно случиться, чтобы по ней вдруг решили написать книгу.

– Так значит, Тереза Холт твоя сестра? – бросив испытывающий взгляд на собеседницу, занятую счётом денег в своих руках, я резко перешла к следующей серьёзной теме, но Астрид не шевельнула ни единым мускулом на своём выражающем сосредоточенность лице. – Об этом было бы трудно догадаться, ведь вы носите разные фамилии.

Глава 22

Тереза Холт

14 сентября- 20:30

Несмотря на достаточно буксующую первую попытку познакомиться поближе с Пенелопой и Оливией, произошедшей в конце августа при обстоятельствах совместного посещения пляжа, в результате мы неожиданно быстро, я бы даже сказала стремительно быстро нашли общий язык. И с Джем я тоже “подружилась”.

В начале сентября мы с Пенелопой вместе переживали поступление сыновей в школу имени Годдарда. В то же время она познакомила меня со своей старшей сестрой Рене, которая, впрочем, в результате так и не вошла в близкий состав моего окружения, так как она приводила в школу свою дочь Сибил намного позже, чем я приводила Берека. Рене была домохозяйкой и могла позволить себе возить своего ребёнка в школу в удобное ей время, у меня же случались завалы на работе, и так как у меня не было на подхвате мужа, Берек мог очутиться на пороге школы минута в минуту с её открытием.

Больше всего в начале учебного года я переживала о том, что что-то может пойти не так: Берек не разберётся в школьном распорядке, он не найдёт общий язык с другими детьми или даже начнёт с кем-то конфликтовать, он перепутает классы или забудет нахождение своего шкафчика. Однако мои страхи, к счастью, не материализовались. Берек не жаловался на распорядок, ему откровенно нравились все занятия без исключений и у него мгновенно образовался узкий круг друзей, в который вошёл Питер, сын Пенелопы, Сибил, дочь Рене, и Мэлори, младшая дочь Ванды Фокскасл.

Миссис Фокскасл была не просто классным руководителем Берека – она была наставником по своему жизненному предназначению. Можно было невооружённым взглядом заметить, что эта симпатичная и улыбчивая молодая женщина не только любит детей, но и обожает своё дело. А так как в первом классе школы для одарённых детей имени Годдарда набралось всего шестнадцать детей, миссис Фокскасл на протяжении всего учебного дня без проблем могла уделять каждому ребёнку отдельно своё драгоценное внимание. И дети, и родители сразу прониклись глубокой симпатией к Ванде Фокскасл за её неоспоримый профессионализм, и отдельно за её доброту. Лучшей первой учительницы я не могла и желать для своего сына, а потому уже спустя неделю после нашего первого прихода в школу, передавая Берека в ведение этой женщины, я не переживала о том, что во второй половине дня встречу своего ребёнка переполненным яркими впечатлениями.

В последние выходные августа Оливия, явно всё ещё сильно мучающаяся из-за своего неосторожного и некорректного высказывания о матерях-одиночках, прозвучавшего при первой нашей встрече, пригласила меня на игру в большой теннис, причём на бесплатной основе. Их компании якобы не хватало одного человека: Пенелопа играла против Одрика, Брэд против тренера и, таким образом, у Оливии не оставалось пары. Подозреваю, что в таком случае они могли бы с лёгкостью отказаться от услуг тренера, но, как я уже заметила, Оливия страдала от чувства вины, а я никогда не любила давить кого-то столь сильными негативными чувствами, да ещё и теннис обещал быть бесплатным, так что я приняла это предложение и, в итоге, вместе мы посетили уже семь занятий.

Помимо школы и большого тенниса нас троих сблизил вечер первой сентябрьской пятницы. Оставив Берека с детьми Пенелопы под присмотром Одрика, вновь пообещавшего своим подопечным построить замок, только на сей раз не из песка, а из простыней, мы зависли в квартире Оливии и Брэда. Брэд тот вечер проводил в компании Джея за игрой в приставку, в квартире у последнего, так что нашему тесному женскому кругу никто не мешал тихо-мирно

распивать красное полусухое вино позапрошлого года. В тот вечер нас заметно сблизила откровенность Пенелопы, которая, впрочем, не стала для меня чем-то неожиданным, так как я подозревала, что эта женщина в принципе склонна к откровенности.

Пенелопа рассказала нам с Оливией о своём приёмном материнстве. Хотя, скорее, она рассказывала о своём опыте именно мне, так как Оливия, очевидно, уже давно была посвящена в подробности этой щепетильной темы. Оказалось, что Блу и Летисия – дочери старшей сестры Одрика, которая, вместе со своим мужем, погибла во время наводнения два года назад. На момент этой страшной трагедии Блу было шесть лет, а Летисии исполнилось только пять месяцев, и у Одрика с Пенелопой уже был трехлетний Питер. Хотя беременность у Пенелопы протекала легко, из-за сложных родов, в процессе которых, как она сама утверждала, она выжила лишь благодаря профессионализму акушера-гинеколога, который по совместительству является мужем её старшей сестры Рене, у неё возникли серьёзные послеродовые осложнения, впоследствии приведшие к бесплодию. Пенелопа всю свою осознанную жизнь мечтала о дочери, поэтому когда после рождения сына узнала о своём диагнозе, впала в серьёзную, затяжную депрессию. Неудивительно, что когда родители Блу и Лети погибли, Пенелопа моментально оповестила Одрика о том, что хотела бы принять под своё крыло его племянниц. С учётом же того, что выбор был небольшим – либо девочек взяли бы на попечение они, либо престарелые родители Одрика – осиротевшие девочки поспешно перекочевали в их семью и стали её неотъемлемой частью. Пенелопа подчеркнула, что всё произошло быстро, словно по щелчку: вот Одрик со скорбящим из-за потери сестры лицом сообщает Пенелопе о развернувшейся в их семье драме, а вот она вскакивает со своего стула и спрашивает, в какой именно день им необходимо забрать девочек к себе – сегодня или завтра? Судя по всему, Одрик до сих пор глубоко благодарен Пенелопе не только за глубину её понимания ситуации, но и за самоотверженность в воспитании не родных для неё детей, и, особенно, за *действительное* принятие их за родных. Вот только Пенелопа собой не то что не гордится, но явно не является удовлетворенной своим амплуа многодетной матери. Корень же её неудовлетворения заключался в том, что, как она считает, старшую дочь она любит не так же красноречиво, как младшую. В Летисии Пенелопа буквально души не чает, считая её *именно своей* дочерью, что, как она сама объясняет, напрямую связано с тем, что Лети попала в её руки крохотным младенцем, а вот сформировавшаяся к шести годам Блу кажется ей не чужой, но всё же *не такой родной*, каковой является для неё младшая девочка. Из-за страха перед тем, что когда-нибудь Блу сможет случайно ощутить, а значит пережить, неравномерно распределённую между тремя детьми любовь, Пенелопа едва ли на стену не лезет в своих попытках уделять старшей дочери должное внимание, из-за чего девочка, соответственно, и не может подозревать об истинных чувствах Пенелопы, однако переживаний Пенелопы это всё равно не отменяет, так как ей достаточно собственного знания...

В тот вечер мы распили три бутылки вина на троих, в результате чего мне пришлось согласиться на любезное предложение Джея, явившегося за полночь в компании Брэда, подвезти меня до дома, а перед этим заехать к Пенелопе, чтобы заодно подвезти и её, и забрать из её дома Берека.

С первой нашей встречи заметно нетерпеливо выжидающий удобного момента для явного проявления своей симпатии по отношению к моей персоне, Джей в тот вечер едва не поцеловал меня, по-видимому забыв о том, что на заднем сиденье дремлет Берек. Благо я не забывала о своём ребёнке ни на мгновение, даже в состоянии откровенного охмеления, которое в результате не позволило мне в пик волнительного момента сделать ничего более умного, нежели вдруг громко выпалить имя своего сына. Итак, Джей тянется к моим губам, мои глаза мгновенно округляются до предела, и я вскрикиваю: «Берек!». Мальчик сразу очнулся от дрёмы, а я, уже заходя в дом и ощущая на своей спине тяжёлый взгляд оставшегося в машине Джея, надеялась на то, что моё поведение всё же могло быть воспринято им за адекватное:

может быть он всё-таки мог решить, что таким образом я просто хотела напомнить ему о наличии ребёнка в салоне?.. Хотя чего я на самом деле могла хотеть от этого парня – я так и не поняла ни в тот вечер, ни в другой.

Помимо большого тенниса и того “пьяного” вечера я однажды согласилась с Оливией на шопинг в спортивный магазин, хотя шопинг никогда не являлся моей страстью, возможно из-за моего обыкновенно шаткого финансового положения. Пенелопа с нами не пошла, так как была занята в “Кошкином доме”, да и я подозревала, что Оливия хотела побыть со мной наедине, чтобы сгладить последние углы из-за той неловкой ситуации, в которую она угодила, словно в капкан, во время нашей первой встречи. Оливия была не менее болтливой, чем Пенелопа, возможно даже более, так что в тот день я, в большинстве своём, играла простую для меня роль слушателя. Так я многое узнала об отношениях Оливии с Брэдом. Например то, что они встречаются с семнадцатилетнего возраста – точнее, на момент начала их отношений Оливии было семнадцать, ему девятнадцать – и оба работают тренерами в спортивном клубе, принадлежащем старшему брату Брэда. И ещё они ни разу за почти десять лет отношений не расставались, как и не задумывались о браке. В общем, после того шопинга я уже наверняка знала об обеих своих новых знакомых достаточно, чтобы понять, что они обе ищут со мной дружбы из чистой симпатии к моей персоне и что мне они, в принципе, тоже симпатичны. Так что я перестала дёргаться, когда кто-то из них обращался ко мне ответственным словом “подруга”, и вскоре сама задумалась над тем, не стоит ли и мне начать использовать это тяжеловесное слово по отношению к обоим моим новым знакомым. И всё же это слово всё ещё не давалось мне... Подруга. Слишком... Ответственно. И может оказаться слишком болезненным.

Вечером перед второй моей встречей с Байроном Крайтоном, с которой, по сути, обещал стартовать судьбоносный для фирмы “Шатем” проект, я собрала в своём доме группу поддержки в лицах Пенелопы и Оливии. Хотя я и не могла поделиться с ними всей глубиной своих переживаний, по причине моего нежелания обнародовать их первоисточник, всё же мои знакомые могли отвлечь меня от напряженного ожидания наступления следующего дня, чем они сейчас и занимались. Держа в одной руке бокал с белым вином, которое она сама и принесла, Пенелопа взяла с полки фотографию Грира, сделанную мной годом ранее настолько удачно, что я поместила её в рамку. На ней мой брат в полный рост, в деловом костюме чёрного цвета позировал на шоколадном фоне фотостудии. Кадр был из разряда фантастически красивых.

– Ничего себе, какой сексуальный брутал, – заметила Пенелопа, уже отставляя фотографию обратно на полку. – Ходят слухи, будто вот такие вот brutальные карлики в постели бывают получше бодибилдеров. Миф или правда?

– Это мой брат, – поморщив носом, я едва сдержалась, чтобы не выдавить импульсивное “фу”.

– И что, твой брат не может быть сексуальным? – вздёрнула брови Пенелопа. – У него есть девушка?

– Вообще-то он женат и у него трое детей.

– Что и требовалось доказать: твой брат brutальный и сексуальный мужчина. А это твои родители? – на сей раз она взяла рамку с фотографией моих стариков. – Сколько им?

Я уже почти привыкла к тому, что она так отчаянно помешана на цифровых обозначениях людей, словно на штрихкодах продовольственных товаров.

– Матери шестьдесят, а отцу семьдесят.

– Семьдесят?! Серьёзно?! Моему свёкру семьдесят четыре, ты ведь видела его, когда прибежала к нам с той кошкой, труп которой он осматривал. Так вот наш старик похож на сморщенное яблоко, в то время как твой отец выглядит просто великолепно!

– Да и мать у тебя ничего, – заметила подошедшая к полке с фотографиями Оливия. – Хотя она как раз тянет на свой возраст. А вот отец и правду помоложе своего реального возраста выглядит. Как будто он её ровесник.

– Надеюсь, что молоджавость передаётся по наследству, – сделав глоток из бокала, который мне протянула Оливия, вздохнула я.

– А я вот совершенно не похожа на своих родителей.

– Правда? – удивилась я, пытаюсь понять, в кого же, в таком случае, могла пойти своей приторной внешностью такая интересная барби, каковой являлась Оливия.

– Правда. Мои родители темноволосые и оба далеки от спорта, в то время как я светло-волосая от природы, хотя дополнительно и покрасилась, и я не представляю свою жизнь без спорта.

– А у тебя есть братья или сёстры?

– Нет, я единственный ребёнок в семье, так что сравнить не с кем. Родители утверждают, что я похожа на деда по материнской линии. Что, впрочем, легко доказуемо благодаря сохранившимся старым фотографиям деда, умершего задолго до моего рождения. Честно, если бы не эти пять фотографий родом из прошлого века, я бы действительно заподозрила, будто меня удочерили в глубоком младенчестве, – усмехнулась блондинка.

– У меня тоже есть интересное семейное совпадение, – Пенелопа решила не отставать от Оливии с её внешностью и от меня, с моим brutальным братом карликом. – Выйдя замуж за Одрика, я взяла его фамилию и, в итоге, стала миссис Темплтон, но знаете ли вы, что до замужества я была мисс Темпл?

– Серьёзно? – в один голос усмехнулись мы с Оливией.

– Более чем, – сдвинула брови Пенелопа. – И по поводу схожестей с родителями у меня есть замечательный пример. У Одрика единственный брат, который старше него на пять лет, живёт на острове Нантакет, является владельцем бара и имеет семнадцатилетнюю дочь, которая точь-в-точь скопировала черты лица его покойной свекрови. А взять, к примеру, детей моей старшей сестры Рене? Старшая блондинка, вторая рыжеватая, третья брюнетка, а четвёртая шатенка – ни одна не похожа хотя бы на одного из своих родителей, хотя, может быть, младшая имеет небольшую схожесть с обеими. Так что наши дети очень часто бывают похожи не на нас, а на наших родителей.

– Ну не скажи-и-и, – протянула Оливия. – К примеру сын Терезы очень похож на неё.

– Мы просто не знаем, кто его отец. Вдруг он тоже был брюнетом? И потом, у Терезы синие глаза, а у мальчика малахитово-зелёные. Такой яркий цвет редко встретишь. По крайней мере я до сих пор не встречала.

– Я вас позвала не для того, чтобы обсуждать отца моего ребёнка, – мгновенно пошла на попятную я, быстро поняв, что именно мои новоиспеченные подруги желают выведать о моей личной жизни. – У меня ответственный проект и я переживаю, – опустившись в кресло и закинув ногу на ногу в неосознанном желании закрыться то ли от лишнего информационного потока, то ли от исходящего от моих знакомых любопытства, то ли от исходящего от меня самой напряжения, я произвела глубокий вздох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.